

СИНХРО

Эпиграф

ᠰᠢᠨᠬᠢᠷᠣ : ᠠᠨᠢᠮᠤ : ᠤᠵᠢᠳᠢ : ᠣᠵᠤᠮᠤ : ᠰᠠᠴᠢᠨᠲᠢᠮᠤ : ᠬᠣᠷᠦᠷ : ᠬᠣᠵᠤᠮᠤ : ᠬᠣᠷᠮᠡᠵᠤ ᠲᠡᠭ : ᠪᠢᠯᠦᠷ
: ᠪᠢᠯᠢᠭᠢᠮᠤ : ᠪᠢᠯᠮᠡᠵᠤ ᠲᠡᠭ : ᠪᠣᠯᠲᠢ : ᠣᠳᠤ ᠲᠡᠭᠦᠷᠢ : ᠶᠠᠰᠠᠷ : ᠬᠢᠰᠢ ᠣᠶᠢᠯᠤ : ᠵᠣᠷᠣ : ᠣᠯᠡᠭᠡᠯᠢ : ᠲᠣᠷᠦᠷᠮᠢᠰᠢ :
: ᠰᠢᠨᠬᠢᠷᠣ : ᠠᠨᠢᠮᠤ : ᠤᠵᠢᠳᠢ : ᠣᠵᠤᠮᠤ : ᠰᠠᠴᠢᠨᠲᠢᠮᠤ : ᠬᠣᠷᠦᠷ : ᠬᠣᠵᠤᠮᠤ : ᠬᠣᠷᠮᠡᠵᠤ ᠲᠡᠭ : ᠪᠢᠯᠦᠷ
: ᠪᠢᠯᠢᠭᠢᠮᠤ : ᠪᠢᠯᠮᠡᠵᠤ ᠲᠡᠭ : ᠪᠣᠯᠲᠢ : ᠣᠳᠤ ᠲᠡᠭᠦᠷᠢ : ᠶᠠᠰᠠᠷ : ᠬᠢᠰᠢ ᠣᠶᠢᠯᠤ : ᠵᠣᠷᠣ : ᠣᠯᠡᠭᠡᠯᠢ : ᠲᠣᠷᠦᠷᠮᠢᠰᠢ :
ᠰᠢᠨᠬᠢᠷᠣ : ᠠᠨᠢᠮᠤ : ᠤᠵᠢᠳᠢ : ᠣᠵᠤᠮᠤ : ᠰᠠᠴᠢᠨᠲᠢᠮᠤ : ᠬᠣᠷᠦᠷ : ᠬᠣᠵᠤᠮᠤ : ᠬᠣᠷᠮᠡᠵᠤ ᠲᠡᠭ : ᠪᠢᠯᠦᠷ

"Inim : Ukitai : bečin : jılqa : uçdı : özüm : saqıntım : körür : közüm : körmez teg : bilür
: biligim : bilmez teg : boltı : Öd Tenrı : yasar : kisi oylu : qop : ölgeli : törürmiş :"

*"Мой младший брат Укутай улетел в год Обезьяны. Я тосковал (по нему).
Зрячие глаза мои стали подобны незрячим, а знающий разум - подобен
незнающему. Тенгри сотворил время. Мы, сыны человеческие, стоим перед
смертью".*

Древнетюркская надмогильная надпись, долина р. Шаган.

Глава 1.

Буркут очнулся оттого что кто-то влажной тряпкой вытирал ему рот и подбородок, испачканный горькой отрыжкой. Видимо, его вырвало во сне, и он чуть не захлебнулся обжигающей противной желчью. Он застонал и слабо пошевелился. Кто-то осторожно приподнял опущенные веки и легкими точными массирующими движениями зафиксировал их в верхнем положении. Буркут ещё не отошел от наркоза, в глазах двоились и расплывались пятна света. Этот кто-то, чуткий и умелый, закапал ему в глаза капли и вытер салфеткой мокрое лицо. Пятна света стали проясняться, и он увидел лицо матери, склонившейся над ним. На ней был белый медицинский халат.

- Мама... Воды.

- Потерпи, сынок, тебе пока нельзя.

Она смочила его губы влажной салфеткой и капнула в рот немного воды.

- Ма... Вспомнила?

Сын с усилием сосредоточил взгляд на матери, борясь с тяжестью наркоза.

- Да, вспомнила. Всё-всё. Видишь, я снова медсестра.

Буркут сморщил губы, пытаясь улыбнуться, и снова провалился в тяжелый сон. Спал он с открытыми глазами, зрачки беспокойно двигались вслед за видениями, мучившими во сне. Айпара осторожным прикосновением пальцев опустила веки сына, наложила на его лицо смоченную теплой водой повязку для увлажнения глазных яблок.

Айпара была опытной медсестрой, но из-за проблем со здоровьем бросила эту работу на несколько лет. И вот сейчас, с разрешения главврача Калкаманской больницы, расположенной на западной окраине Алма-Аты, уже третьи сутки не отходила от тяжелораненого сына, выполняя работу добровольной сиделки. Заведующий хирургией знал Айпару с тех давних пор, когда работал с ней в одной

из сельских больниц Семипалатинской области. Ей доверили не только ухаживать за больным, но и делать ему уколы и перевязку под присмотром старшей медсестры.

Айпара встала, когда в палату вошел высокий худой молодой человек, успешный хирург с научной степенью Хафиз Иманбаевич, оперировавший её сына. Видно было, что он зашел в палату сразу после очередной операции, потому что выглядел усталым и немного заторможенным. Айпаре было знакомо это умение опытных хирургов полностью расслабиться после напряженных часов, проведенных у операционного стола.

Хирург спросил её о состоянии сына и, молча выслушав неожиданно толковые ответы, задал вопрос, с которым он, наверное, и пришел в палату:

- Ваш сын когда-нибудь жаловался на боли в печени?

Айпара вздохнула, собираясь ответить подробно, но раздумала и отрицательно покачала головой.

- Вы знаете, печень у него очень большая, печеночные дольки увеличены втрое против нормы. И при этом она совершенно здоровая. Ну, не считая раны, конечно. Пуля пробилась печень и застряла в позвоночнике. Я собирался отдать её вам, но люди из УВД забрали на экспертизу. Случай тяжелый, разорваны желчный пузырь, сосуды...

Доктор смотрел на мать больного, ожидая подробного ответа на интересовавший его вопрос о происхождении столь необычного анатомического феномена. Не просто необычного, а неизвестного науке. Айпара не стала рассказывать хирургу, что с малых лет у её сына был выпуклый живот, заметный при его худобе, но он никогда не жаловался на боли. Наверное, да, это большая печень раздувала животик, который, в общем, особо и не бросался в глаза посторонним. Сердобольные женщины аула жалели её сына совсем за другое. Мальчик родился со сросшимися в уголках глаз веками. Кожная складка над верхними веками безобразно разрослась, почти полностью закрыв глаза. Люди, в первый раз видевшие Буркута, сочувственно качали головами, но старались не смотреть на слепые, затянутые кожей бугры вместо глаз. Малыш с ранних лет научился смотреть на белый свет через маленькие щёлочки между наполовину сросшимися веками. Ему приходилось сильно откидывать голову назад, чтобы разглядеть что-то перед собой, и от этого постоянно болела шея. Айпара каждый день перед сном делала сыну массаж шеи, и только потом он засыпал. А ещё он так сильно заикался, что не мог выдать из себя ни одного внятного слова, только домашние и его преданный друг Укутай научились понимать его по первым слогам слов.

В восьмидесятом дядя Буркута, Ерболат, работавший в Военно-медицинской академии в Ленинграде, сумел найти человека, согласившегося помочь мальчику из казахстанской глубинки. За операцию взялся хирург Андрей Филин, брат того самого сумасшедшего доктора, который в каюте судна, попавшего в ледовый плен в Арктике, сам себе вырезал аппендикс. Андрей Иванович разрезал спайки в уголках глаз, удалил безобразный нарост над верхними веками, но оказалось, что двигавшие их тонкие мышцы атрофировались безвозвратно. Доктор Филин целый год опекал Буркута. Он научил мальчика и его маму особому массажу, показал, как обращаться с тоненькими прозрачными полосками клейкого фиксатора век, и даже дал Айпаре придуманный им рецепт капель для увлажнения слизистой глаза.

Айпара вспомнила, как первые недели после того, как сняли бинты, Буркута невозможно было отогнать от окна палаты. Он мог часами смотреть на белый свет. Ему надо было привыкнуть к тому, что теперь не надо задирать голову и вертеть ею, чтобы увидеть то, что впереди, справа, слева и наверху. Он теперь видел одновременно и двор, и все, что находится дальше, до самого горизонта, и даже высокое небо.

...Айпара видела, что Хафиз Иманбаевич ждет ответа на свой вопрос. Но какое отношение имели размеры печени к состоянию её сына, лежащего сейчас в беспомощности в больничной палате? Печень у него всегда была здоровой, теперь её разорвала пуля. Можно это исправить? Вот что было важным. Айпара молчала, пытаясь сдержать слёзы. И ком в горле помешал задать доктору главный вопрос: выживет ли сын? По тяжести в своём сердце она догадывалась, что никто не сможет помочь её Буркуту.

Глава 2.

Годовалый беркут-балапан¹ сидел на скальном выступе на вершине низкой гряды, протянувшейся от хребта Шынгыстау на северо-запад, к горному массиву Мыржык. Он только что удачно поохотился, съел пару жирных сусликов, и от сытости и июльской полуденной жары его клонило в сон. Балапан расставил в стороны крылья, украшенные снизу широкими полосами молодого белоснежного оперенья, надеясь легким ветерком остудить бока и подмышки. Но солнце пекло нещадно, от нагретого камня снизу несло жаром, редкие, едва ощутимые дуновения ветерка не остужали, а опаляли зноем. Он широко раскрыл клюв, выдыхая влажный воздух из легких и из больших воздушных мешков, расположенных попарно в грудной и брюшной полости. На внутренних стенках пузырей выступали капельки пота; испаряясь, при выдохе они выводили наружу тепло перегретого тела. Но балапану казалось, что вдыхаемый знойный воздух только сушит его изнутри, делая и выдох горячим и лишенным влаги.

Километрах в десяти на восток виднелся горный массив Дегелен. Мир балапана пока ограничивался степями и низкогорьем родного Мыржыка, Дегелена и окрестностями Северного Шынгыстау. Он ещё не был на гранитных лесостепных островах, разбросанных по Сары-Арке на север и запад отсюда. Придет время, и он увидит эти изобильные края с прохладными озерами и речками. Сейчас его манил Дегелен, место, где иногда гремел страшный подземный гром. Зато в жару здесь всегда можно найти и оседлать мощные восходящие потоки воздуха, нагретого голыми гранитными скалами. Бывало, почти без единого взмаха крыльев, распластавшись на упругой подушке теплого воздуха, он кружил над Дегеленом, забираясь всё выше и выше в прохладные небеса.

Беркут тяжело взмахнул крылами и полетел в сторону гор над волнистой степью, покрытой выгоревшей к концу июля травой. Полет разительно изменил состояние крылатого хищника. Перед этим послеобеденное бездействие на земле вынуждало беркута дышать неглубоко и часто, одними усилиями малоподвижных, как у всех птиц, ребер. Теперь, в активном полете, мощные сокращения грудных и спинных мышц при взмахах крыльев раздували и сжимали воздушные пузыри, как кузнечные меха. При вдохе воздух обдувал легкие, насыщая кровь кислородом, и проходил дальше, надувая пузыри. При выдохе чистый воздух из сжимающихся мехов-пузырей устремлялся в обратном направлении, выдувая наружу

отработанные газы из легких, и повторно заполнял их свежестью, отдавая крови живительный кислород. С каждым взмахом крыльев, с каждым вдохом и выдохом мышцы беркута наполнялись его огненной силой.

Балапан сделал несколько кругов над Дегеленом и поднялся на километровую высоту. Большой каменный остров надвое делило русло Узынбулака, самого крупного на Дегелене ручья, текущего с запада на восток. Поймы дегеленских ручьев густо поросли луговой травой, кустарником, осиной, березой, смородиной, боярышником. Выше по склонам карабкался мелкий кустарник, подбирались к каменным осыпям горные травы, усыпанные мелкими голубыми и желтыми цветками, и стелющаяся темно-зеленая арча, но мертвый щебень и валуны преграждали путь наверх. Только на северной окраине массива две-три вершины остались зелеными. Их наготу спрятали ковры горного разнотравья и кусты можжевельника, расстелившего хвойные ветви по земле. И даже скалы здесь сохранили здоровый серо-зеленый от мха и лишайников цвет. На одной из вершин беркут увидел реденькую стенку невысоких сосен, пустивших корни в скальные трещины.

Однако три четверти 18-километрового в поперечнике каменного острова занимали мертвые, желтых оттенков растрескавшиеся скалы, макушки которых были обсыпаны раскрошившимся камнем и атомной золой. Горы по пояс оголились, как будто с них сорвали одежду. Склоны покрыли каменные осыпи, никогда не зарастающие травой. Трава и кустарники всегда скрывали естественные трещины в скалах, но трещины рукотворные, местами протянувшиеся на километры, оставались открытыми, зияя пустотой.

Беркут видел с километровой высоты все детали ландшафта, вплоть до мелкого камешка. Скорее следуя инстинкту хищника, он обшаривал взглядом склоны и ложбины в поисках добычи. Здесь живности не было, по крайней мере наземной, если не считать забредшей случайно лисы, которая наверняка скоро умчится отсюда, если останется живой. Его родной Мыржык приютил на своих склонах огромное количество сурков. Молодые сурки были вкуснее любой другой добычи, которую балапану доводилось пробовать. Но и охотников на них там достаточно. Все эти благодатные места заняли пары взрослых орлов, и его родители в том числе. На Дегелене не было хозяев, взрослых беркутов, но не было и сурков. Даже птицы здесь не гнездились.

В крупных ручьях здесь водились мелкие карпы, но балапан даже не пытался на них охотиться. Беркута насторожило голубоватое свечение, которое едва заметно мерцало в воде и особенно по берегам, у корней травы, растущей в пойме ручьев. В ближнем ультрафиолетовом спектре, доступном зрению дневных хищных птиц, он видел ионизирующее излучение изотопов, которыми была насыщена почва. Через трещины в ручьи стекали радиоактивные вещества из сотен длинных и прямых подземных ходов, которые люди прогрызли в скалах, а также из замурованных ими каменных полостей, образовавшихся после ядерных взрывов.

При тлеющем делении ядер и радиоллизе изотопов в увлажненной почве зараженных участков Дегелена, Опытного поля и Балапана в воздух выделялись невидимые теплые газы. Они поднимались вверх, иногда образуя на высоте нескольких километров сплошной слой теплого воздуха, насыщенного метаном, углекислым газом, сероводородом, газообразными изотопами криптона, иода, ксенона...

Орлы, которым случалось парить в этом невидимом теплом слое, видели вещи сны и обретали остроту зрения, недоступную другим птицам.

Беркут сделал круг и поднялся еще на сотню метров. Недалеко от Дегелена, у подножия низкой и короткой скалистой гряды, похожей на спину зарывшегося в землю дракона, расположилась база военных. Между прямоугольными строениями сновали люди, толпа военных сгрудилась возле грузовых машин. Люди чего-то ждали. Два солдата вскарабкались на вершину стометрового горба каменного дракона и тоже замерли в ожидании, пристально глядя на горы.

Беркут чутьем понял, чего они ждут. Он тоже замер в небе, внимательно оглядывая макушки гор и чувствуя угрозу, затаившуюся в глубине, под скалами.

Гора с отметкой 1085 метров над уровнем моря, расположенная в южной части массива, слегка раздулась в боках, её гранитное темя задрожало от нескольких, разделенных десятками долями секунды ударов, которые слились в один толчок, подпрыгнуло, выпустив облако серых газов и черного дыма, затем упало на своё прежнее место¹. Вся каменная громада задрожала от напора изнутри, покрылась сетью трещин и серой пылью, от гранитных скал отваливались глыбы и осколки, грохотали каменные осыпи по склонам. Гигантский монолит, лежащий в основании горного массива, раскололся на части, и южные склоны гор прочертили две параллельные, пятикилометровой длины зияющие трещины.

От подножия каменного острова во все стороны по волнистой желтой равнине, по земле как по воде покатались сейсмические волны. С километрового расстояния беркут видел лицо одного из солдат, взобравшихся на драконью гряду. Расширившимися от ужаса и восторга зелеными глазами паренек смотрел, как страшные волны прошли под базой военных, стоявшей на мягкой земле, не причинив никакого вреда, и затем ударили по гранитному телу дракона. Скальная порода приняла на себя всю силу сейсмического удара, волна резко ускорила свой бег в твердой среде и сотрясла гору от основания до верхушки. Земля вырвалась из-под ног двоих солдат, стоявших на вершине, тут же ударила снизу и сшибла их как кегли. Паренек с зелеными глазами стоял на четвереньках, вцепившись в землю и пережидая повторные удары.

Беркут в небе ждал воздушную ударную волну спокойно, однако неожиданно она оказалась в разы сильнее, чем это было в начале лета². От тяжелого толчка в брюхо насыщенная токсинами кровь выплеснулась из печени в сосуды, кольнув бок острой болью и вызвав приступ тошноты. Одновременно ударная волна вышибла воздух из легких и пузырей, на секунды сбив дыхание птицы.

Затем пришла звуковая волна. Глухой долгий звук подземного удара мог бы ввести в заблуждение и скрыть подлинную силу взрыва, если бы не вырвавшийся из недр горы и расколовший небо оглушительный треск лопнувшего монолита, весившего миллиарды тонн. На поверхности, на склонах загрохотали камнепады, в горных ручьях забурилась мутная вода, которую подземный удар выплеснул сюда из глубоких трещин и полостей.

Под каменным завалом лежала мертвая лисица, которая так опрометчиво решила поохотиться на Дегелене, и лишь пушистый желтый хвост зверька виднелся на осыпи.

Приборы и уши ученых со станции Конечной¹ еще долго, многие недели слышали несмолкаемый подземный гул, скрежет сдвигающихся пластов, судороги смятой и разорванной плоти земли, многократные толчки афтершоков.

Беркут кругами набирал высоту, поднимаясь в небесную прохладу. Он с наслаждением вдыхал разреженный холодный воздух, прохлада проникала под перья и пух. Без единого взмаха крыльев балапан парил над Дегеленом. На высоте четырех километров он вошел в теплый слой воздуха и впал в странное оцепенение. Ему казалось, что время остановилось, он был здесь и одновременно там, на равнине к северу от Дегелена, и видел пунктиры лужиц и озерков в руслах пересохших к середине лета речек Шаган и Ащысу, блеск большого зеркала искусственного озера у слияния этих речек, и рядом - черное круглое блюдце Атомного озера, на восьмидесятиметровой глубине которого в темноте плавали странные, невиданные в этих краях рыбы, ползали полуметровые раки. От этих существ исходил явственный запах обреченности¹.

На левом берегу Шагана вся степь на многие километры к северу была испещрена воронками провалов и фурункулами вздутий над сотней скважин. Беркут видел, как под землей, на глубине сотен метров под этими воронками и вздутиями багровели шары радиоактивных полостей, образованных атомными взрывами. Полости распирало давлением радиоактивных газов, поступающих сюда из недр земли, из тлеющих углистых пластов, а также выделяющихся в самих полостях, в которых все годы после взрыва шел процесс распада остатков ядерных зарядов. Газы просачивались на поверхность через рыхлые породы столбов обрушения скважин. Эти подземные нарывы были готовы в любой момент лопнуть и выбросить наружу весь гной, скопившийся под кожей земли.

Еще дальше, на северо-запад до Опытного поля, до странных покореженных бетонных сооружений, до крестов в кругах, начерченных белой известкой и видных пилотам бомбардировщиков с огромной высоты, тянулась многокилометровой ширины полоса земли, зараженная атомной пылью. Полоса захватила и ангары, бараки, жилые дома военных, бункеры, разбросанные в степи. Обширная волнистая равнина была покрыта редкой пустынной растительностью, местами, в эпицентрах взрывов, земля была голой и мертвой. После летних ливней, редких в этих краях, и особенно при весеннем таянии снега хищные птицы полигона хорошо видели разбросанные по степи пятна голубоватого мерцания ионизирующего излучения, исходящего от влажной и теплой почвы и недоступного зрению людей.

Беркут, не чувствуя запахов, вдыхал невидимые газы и безмятежно спал с открытыми глазами в парящем полете. Он внезапно проснулся, когда небо и земля завертелись под ним и над ним, и волк, оскалив зубы, бросился на него, вынырнув из иного, морозного, мира. Балапан бил крыльями по страшной пасти, отчаянно пытался вонзить когти в зверя и падал, кувыркаясь, с высоты на надвигающиеся снизу скалы Дегелена. . . Земля наконец перестала убегать вверх, беркут вырвался из кошмара и выровнял полет, но долго не мог отдышаться и унять бешено бьющееся сердце.

Стрессы, пережитые молодым орлом за этот богатый на необычные события день, пробудили в нем голод и жажду. Балапан полетел на юго-восток, к северной оконечности хребта Шынгыстау, где каменистое низкогорье прорезала речка Шаган. Там он миновал большое селение людей, расположенное на берегу речки, в

месте, где она вырывается из теснины холмов на равнину, и углубился в безлюдные места в верховьях речки с узкими полосами зарослей тальника, боярышника, смородины, шиповника по берегам. Здесь, между скал и холмов, речка никогда не пересыхала. Темная вода в углублениях русла казалась неподвижной, и лишь тихое журчание потока на галечных перекатах говорило, что течение есть. Беркут напился прохладной воды и, в два взмаха взлетев на сургучно-красную от облепивших лишайников скалу, уселся на её вершине и оглядел окрестности.

У подножия скалы в Шаган впадал ручей, а за ним простиралось большое дикое поле, заросшее редкими кустиками чия с серебристыми метёлками на белых стеблях. Посреди поля стоял одинокий старый карагач. Дерево было большим, ветвистым, и его мелкие зазубренные листья всё-таки давали тень.

Беркут разглядел на другом конце поля, между кустами чия притаившегося зайца. Беляк был крупным и, видимо, здоровым, судя по гладкой шкуре и чистой, без гноя и коросты, морде. Балапан, не раздумывая, взлетел над скалой и ринулся вниз, в сторону прятавшегося зверька. Зрачки орла поймали фигурку зайца, особые кольцевые мышцы глаз прочно зафиксировали взгляд на жертве. Теперь глаза беркута не потеряют цель, как бы она ни металась по полю. Беляк, увидев приближающуюся тень хищника, высоко подпрыгнул и, мгновенно приняв решение, понесся к одинокому дереву. По опыту заяц знал, что здесь он может измотать крылатого врага, бегая вокруг торчащего посреди ровного поля препятствия. Но орел быстрее зайца. Беркут настиг беляка метров за семь до карагача. Он обрушился на зайца сверху, уверенный, что сейчас вонзит когти левой лапы в морду, а правой в спину жертвы и сломает ей шею. Но в последнее мгновенье заяц метнулся в сторону, и балапан успел только зацепить когтями правой лапы его спину. Лезвия когтей рассекли шкуру между лопаток, разорвали мышцы и, чиркнув по лопаточной кости и позвонкам, выскользнули из тела жертвы. В то же мгновенье спину беркута внезапно обожгла острая боль. Кто-то вонзил в него сзади, между лопаток длинные острые зубы и с силой сжал их. Беркуту казалось, что клыки проникают всё глубже в тело, и сейчас острый кончик пройдет меж ребер и коснётся сердца. Это длилось мгновение.

Скорость, с которой балапан падал на жертву, была огромной, он сильно ударился грудью о землю, перевернулся через голову и тут же вскочил на лапы. Заяц отбежал под дерево и сидел, дрожа от страха и возбуждения. Из его спины сочилась кровь, окрашивая в красный цвет светло-серую шерстку на боках. Врожденный непререкаемый характер беркута требовал немедленно убить того, кто напал на него, убить, невзирая на его размеры и силу. Но никого рядом не было кроме раненого зайца. И вспышка гнева, вырвавшаяся из глубин его хищного естества, погасла. На боль в спине беркут уже не обращал внимания. С ним творилось что-то неладное. Уровень адреналина в крови во время охоты и без того был немалым, но надпочечники выбросили в организм еще одну мощную порцию гормона, сердце бешено билось в груди, глаза застилала красная пелена, огненная сила в мышцах пропала, лапы стали ватными и мелко дрожали. Беркут, преодолевая слабость, подпрыгнул и, расправив крылья, заковылял к зайцу, чтобы всё-таки взять его, свою добычу. Беляк задрожал ещё сильнее, от страха у него отнялись лапы. И балапан перестал чувствовать свои ноги, обессиленно сел на хвост. Он дрожал как испуганный заяц, и на одно сумасшедшее мгновенье

почувствовал себя им. Приступ тошноты заставил его отрыгнуть погадок с неперевавшими остатками костей, шерсти сусликов и перьев сороки, съеденных ещё пару дней назад. Наконец инстинкт велел ему убираться отсюда, пока живой. Не в силах взлететь, беркут, хлопая крыльями и подпрыгивая, заковылял прочь от карагача и странного зайца. Метров через десять он почувствовал некоторое облегчение. Чужая сила, вторгнувшаяся в тело, ушла, гормональный пожар внутри, чуть не убивший его, стал стихать.

Через полчаса он уже летел высоко в небе, направляясь в сторону горного массива Мыржык, где прошло его детство в родительском гнезде.

Сокращения спинных мышц при взмахах крыльев причиняли сильную боль. На спине орла не было видимой раны или кровотечения, рана была внутри. Сосуды в мышцах спины полопались, образовав внутренние гематомы там, куда вонзились зубы невидимого зверя. Но молодой организм орла уже бросил все силы на лечение гематом и порезов, и смерть ему не грозила.

Нападение невидимого врага потрясло молодого беркута. Он видел, что это существо невозможно убить, обойти его стороной тоже трудно, потому что тот невидим, и можно слепо наткнуться на него. Страшно, что невидимка мог убить его изнутри, порвав сердце запредельной частотой сокращений, как он попытался это сделать под карагачом. Мать, прошлой весной согревавшая его в гнезде, всегда чистом и украшенном веточками свежего можжевельника, одним своим присутствием прогнала бы его страхи, успокоила. Если бы он был птенцом. Окрестности родительского гнезда всегда казались балапану самыми безопасными и уютными в известном ему мире...

Солнце уже было близко к горизонту, на землю медленно опускалась вечерняя прохлада, когда балапан прилетел в родные места, к красной скале, бывшей недавно его домом. Там беркут увидел голенастого худого птенца-подростка, уже сбросившего пух и одевшегося в жёсткие перья. Он стоял у высокого, двухметрового в поперечнике гнезда, построенного родителями из сухих веток и сучьев и выстланного мягкой травой. Орлиное гнездо располагалось на широкой полке, чуть выше середины скалы, чтобы никто не мог добраться до птенцов ни снизу, ни сверху. Рядом он увидел маму. Как и все самки беркутов, она была заметно крупнее отца.

Орлица с беспокойством смотрела на балапана, подлетевшего к гнезду. Она узнала своего взрослого сына. Она видела, что он растерян и хочет побыть с ней. Орлица отодвинула младшего птенца назад и встала перед ним, заслоняя собой. Она укоризненно смотрела на старшего, на балапана, который явился сюда, прямо в гнездо, нарушив все орлиные правила. Это её потрясло, потому что бесстыдный и жалкий поступок сына не только нарушил приличия. Вторжение взрослого орла всегда было страшной угрозой для птенцов. И неважно, что это был её старший сын, который прилетел к матери и просил только внимания и поддержки. Взрослый сын не понимал, что тем самым он невольно пытается занять место младшего брата, которому сейчас она отдавала все силы, чтобы вырастить и отправить в самостоятельную жизнь. С ним в конце предстоящей зимы случится то же, что и со старшим – он уйдёт навсегда. Таков закон. Но каким же жалким был вид её старшего...

В прекрасных золотисто-коричневых глазах матери не было угрозы, в них были страдание и стыд. Она небольно ударила балапана крылом, подталкивая к краю скалы: уходи.

Со стороны красного заката послышался тревожный клекот другого беркута. Это летел к своему гнезду отец балапана и его голенастого младшего брата. В голосе матерого орла слышались гнев и жажда схватки с чужаком. Балапан сорвался со скалы и низом, вдоль восточного склона полетел в противоположную от солнца сторону. На юго-востоке, в горах Шынгыстау, он знал, было много свободных для охоты мест.

Долгий день закончился. Закончилось затянувшееся детство беркута-балапана.

Глава 3.

9 мая 1979 года выпало на среду, уроков в этот праздничный день не было, погода с утра стояла теплая, солнечная. Буркут с Укутаем¹ решили на велосипедах съездить на дамбу, как в ауле называли развалины старой плотины в верхнем течении Шагана, довольно далеко от села. Но домашним они, конечно, сказали, что прокатятся только до ближайшей к центральной усадьбе совхоза зимовки в урочище Биесимас. Здесь для мальчишек ничего интересного не было, ну, сусликов они ловили на прошлой неделе, выливая в норы ведра воды. Наловили больше сотни зверьков, не поленились соорудить из палочек с десятков игрушечных виселиц и повесили сусликов за шеи. Выдумщик и интриган Нурик, затеявший эту жестокую игру, подложил под каждого висельника пучки сухой соломы и поджег их. Зверьки пищали от боли и беспомощно дергались на веревочках. Пацаны кинулись врассыпную, когда прибежала старуха, живущая на зимовке. Она бежала, размахивая палкой, и кричала, срывая голос, «фашистер!». Укутай споткнулся о камень и сильно рассек верхнюю губу. После этого случая Укутай и Буркут зареклись ловить сусликов, крики возмущенной старухи остались в памяти, напоминая о первом в жизни преступлении.

Другое дело старая дамба, до которой они за каких-то полчаса лихо докатили на велосипедах по проселочной дороге, бегущей по холмам вдоль реки. Грунтовые дороги скалистого низкогорья, в отличие от пыльных рыхлых проселков равнины, никогда не раскисали, были твердыми, как будто их подстиляли камни. Да так оно и было, это раскрошившийся гранит придавал почве красноватый оттенок. Буркут на своем новеньком «Урале» с шинами, красноватыми как гранитная крошка на дороге, обогнал Укутая и помчался, пригнувшись к рулю, как гонщик из спортивной телепередачи. Клетчатая рубашонка пузырилась на спине, ноги в коричневых вельветовых брюках бешено крутили педали. Несмотря на малый обзор через узкие щели между веками, он успевал ловко объезжать камни, торчащие из земли, а уж вынослив был как иноходец-жорга. Разгоряченным быстрой ездой мальчишкам казалось, что они свободны как птицы. Сегодня им выпал лучший день в году. А лучшим месяцем года, конечно же, был май, когда уроки в школе совсем не утомляли скукой, потому что до каникул оставались считанные дни, а дальше ожидало долгое-долгое лето в стране свободы, игр и приключений. И в этой стране холмы уже оделись свежей зеленью трав, по северным склонам отцветали последние поля желтых и красных степных тюльпанов. Ребята запомнили место, куда они приедут в июне, чтобы полакомиться сладкими луковицами цветов. Они притормозили, объезжая

встречную арбу, груженную целым стогом темно-зеленого сочного папоротника *сасыр*. Телегу легко тащила рыжая кобылка, которую погонял вожжами совхозный конюх Турсун. Он угрюмо взглянул на них с высоты, раскачиваясь вместе со стогом, и поехал дальше, так что Укутай не успел, а скорее, не осмелился крикнуть сторожу детскую дразнилку «Турсун, куда ты тобеннен урсун!»¹. («Турсун, чтоб тебя бог стукнул по темени!») Этого Турсуна дети считали колдуном, ведь люди не раз замечали по ночам в окнах домика, где он жил совсем один, мечущийся красный свет. А однажды кто-то видел, как конюх разговаривал с красным фонарем, который двигался в воздухе сам. Никто, может быть, и не верил в эти слухи, но дразнить угрюмого Турсуна, да еще в одиночку, а не в толпе мальчишек, было опасно.

Велосипеды легко катили по твердой колее, и до самой дамбы за каждым изгибом русла взгляду Укутая открывалось то белое облачко цветущей черемухи, то алые цветы шиповника, спрятавшегося в укромной тени осин и берез.

В глубоких ямах под развалинами плотины водилась местная форель, которую мальчишки называли по-русски маринка, рыба довольно крупная для такой небольшой речушки как Шаган. Укутай рыболовом был неважным, а Буркута интересовала не рыбалка, а сам их поход в верховья речки. Укутай забросил удочку, наживив на крючок червяка, но рыба почему-то совсем не клевала. Уже через полчаса ребята забыли о рыбалке, они сидели на берегу, швыряя камешки в воду, и болтали обо всем на свете. Собственно, болтал один Укутай, немного скривив рот, потому что рассеченная верхняя губа ещё не зажила до конца и побаливала, когда он смеялся. Буркут слушал, кивал, смеялся шуткам, изредка односложно отвечал другу. Он всегда носил с собой блокнотик и карандаш. При необходимости писал несколько слов, которыми удивительно ёмко и точно выражал свою мысль. С Укутаем было легко, он понимал почти всё, что хотел выразить его друг. Буркут иногда превращал диалоги говорящего с пишущим в увлекательную игру. Сейчас он написал на листке: «Жолаушымен кездесу» («Встреча с путником»). Укутай тщетно пытался понять, что за загадку загадал ему друг. «Ладно, сдаюсь, говори». Буркут смешно изобразил торжественное выражение лица учителя ботаники Зейноллы агай¹ и многозначительно поднял вверх указательный палец. Укутай рассмеялся: ботаник, задав вопрос, обычно застыл в таком положении и терпеливо ждал, пока кто-нибудь из учеников не произносил, наконец, роскошное латинское название *жусана*, полыни. «Артемисия!» - выпалил Укутай на всякий случай, хотя и не понимал, при чём тут путник и жусан.

Буркут вдруг приложил палец ко рту и поманил друга. Они поднялись на высокий берег и вышли на дорогу. Укутай, наконец, расслышал стук копыт и тут же увидел на дороге всадника в красной кепочке, на серой лошади. Он узнал в нём Алимжана, известного всему совхозу 18-летнего городского бездельника, драчуна и воришку, которого отчаявшийся отец привез в аул и пристроил работать помощником чабана, дяди Советхана, приходившегося ему дальним родственником.

- Эй, сопляки, здесь уазик военный не проезжал?

Слепой молчал, а второй сопляк ответил, что не видели, но слышали звук проезжавшей машины, может, и уазик.

- Уй, маклук, тауык, косяк, шубартау, - непонятно, по-городскому замысловато выругался Алимжан. - Машину от трактора не можете отличить!

Хлестнув коня плёткой, он поскакал дальше, наверное, догонять полигонских. Укутай проводил его взглядом и повернулся к Буркуту:

- Что строишь из себя ясновидящего? Как ты узнал про путника? Смеешься, да?

Буркут любил розыгрыши, и эта шутка была, возможно, самой удачной. Может быть, из-за ограниченного обзора у него необычайно обострился слух, и он давно заметил, что слышит самые тихие звуки, которые другим не слышны. Но тут ему в голову пришла интересная мысль, и он решил не тратить время на продолжение игры и написал: «Услышал коня раньше тебя. Поедем, Алимжан подерется с военными».

Вот это да! Что может быть интересней драки взрослых?

Они мчались минут десять, изо всех сил крутя педали, и, наконец, увидели красную кепочку Алимжана. Он уже спустился к реке и вышел к ручью, впадавшему в Шаган, чтобы напиться и освежить лицо. Вода в нем была прозрачней и чище, чем в реке, ещё мутноватой после паводка. За ручьем, на поросшем белым чиём поле рос большой карагач. Мальчишки спрятались в прибрежных кустах. Никаких военных поблизости не было, драка, похоже, отменяется, но всё равно попадаться на глаза злому Алимжану пока не стоило.

Со стороны дороги послышался топот копыт. Всадник на вороном гладком коне, здоровый краснолицый мужик, был одет почему-то в новый костюм. Конь на полном скаку перемахнул через придорожные кусты и через миг оказался прямо возле перепуганного Алимжана. У воришки в голове пронеслась туча вариантов оправдания, но ни один не годился для спасения.

Известный в районе чабан, кавалер орденов Советхан с утра провожал заночевавшее у него начальство из райкома, потому был красен лицом от выпитой бутылки водки и очень зол, что его грубым, жестоким образом отвлекли от приятных размышлений об уважении со стороны начальства и будущем депутатстве. Он соскочил с коня и сразу огрел паренька плёткой.

- Вора мне подсунул твой отец! Кому ты продал баранов? Русским военным? Где деньги, придурак? Говори, пока не убил тебя!

И замахнулся плёткой еще раз. Алимжан, не тратя время на оправдания, бросился бежать в сторону поля с большим деревом в центре. «Можно забраться на него и переждать гнев дурного дяди», - думал он, быстро приближаясь к карагачу и слыша за собой тяжелый топот. У самого дерева он споткнулся и упал. Советхан подбежал к нему и с размаху хлестнул камчой. На этот раз удар был сильнее, боль молнией обожгла спину. Алимжан сквозь боль вдруг почувствовал приятное тепло в животе и легкую расслабленность в голове.

...В мозг извне поступил сигнал, и по нейронам побежали разряды, высвобождая из синапсов молекулы медиаторов, которые вызвали резкое снижение активности нервных клеток в коре мозга. Высшие центры контроля за поведением, расположенные в коре, стали отключаться, как будто они защищались от алкоголя, которого на самом деле не было в крови. Мозг, словно подчиняясь чужой воле, вел себя самоубийственно. Лежащие под корой древние зоны, отвечающие за страх и агрессию, освободились от контроля сверху и вспыхнули разрядами гнева.

...Алимжан мгновенно забыл о чувстве вины перед Советханом и вскочил, чтобы уничтожить его.

...Советхан хлестнул вора камчой и тут же сам вздрогнул от полоснувшей его спину боли. Он быстро обернулся. Никого рядом не было. Лежавший на земле жалкий, съезжившийся от удара мальчишка вдруг вскочил и бросился на него с кулаками. Алимжан уступал Советхану в силе и весе, но драться научился рано, когда жил с отцом в криминальном пригороде Семипалатинска. Крепкий костистый кулак Алимжана попал чабану в глаз. Сквозь боль и жжение набухающей под левым глазом гематомы Советхан увидел, как его непутёвый помощник прижал ладони к глазу, тоже левому, и попятился назад. Он испуганно смотрел правым глазом на дядю Советхана, не понимая, когда тот успел ответить ударом. Чабан, озадаченный не меньше его, но подстегиваемый праведным гневом и алкоголем в крови, опять бросился на Алимжана и схватил его за горло. Паренек тоже успел вцепиться ему в горло, и они стоя стали душить друг друга. Советхан безжалостно сжал горло Алимжана. Своими толстыми пальцами он мог бы сразу сломать хрящи в гортани мальчишки, но не успел. Слабый, казалось бы, противник с такой невероятной силой сдавил ему горло, что у чабана потемнело в глазах, и он невольно ослабил хватку. Прямо перед собой он видел раздувшееся напряженное лицо Алимжана с синяком под глазом. Мальчишка, наконец, со всхлипом вдохнул воздух и вдруг, оскалившись, изо всех сил начал снова сдавливать горло Советхана. Полузадушенный Алимжан не понимал, что он делает, центр агрессии помимо его воли накачивал руки невероятной силой. Советхан захрипел и, теряя сознание, почувствовал, что перестали слушаться руки, но тут клещи на его горле тоже разжались. Он упал на землю одновременно с Алимжаном, который тоже обмяк и отключился.

Очнувшись, чабан и его помощник несколько минут не могли отдышаться и говорить. Осмыслить произошедшее ни тот ни другой даже не пытались. Они сидели в пыли под карагачом и молчали. Советхан, кроме боли под глазом и в шее, ощущал необычную тяжесть в паху, как будто там что-то набухало, какой-то комочек разрастался и неприятно сдавливал мочевыводящий канал. А его молодой помощник в это время переживал совсем иные ощущения. Как-то зимой он застудил простату, и воспаленная железа причиняла жгучую боль при мочеиспускании. Причем с каждым разом боль усиливалась, и он все больше времени затрачивал на малую нужду. Эта боль и стыд, заставлявший парня скрывать свою болезнь и обходить стороной очень понравившуюся ему девушку Гульбаршин из Кенгирбая, мучили его уже год. И вот сейчас, сидя под деревом, он ощущал чудесные изменения в паху, какое-то небывалое облегчение и разливающуюся теплоту по всей промежности. Организм Алимжана, повинувшись тем же неизвестным сигналам извне, избавлялся от опухоли в простате, передавая её другому телу, находящемуся рядом.

Советхан, наконец, встал, тупо посмотрел сверху вниз на помощника, потом махнул рукой и на ватных ногах пошёл к ручью, где стоял его вороной. Чабан даже не стал стряхивать пыль с новенького костюма и совсем забыл, что по пути сюда намеревался забрать лошадь Алимжана. Советхан грузно сел в седло, морщась от боли в паху, и направил коня к дороге. Алимжан переживал что-то похожее на похмелье, хотя в его крови не было ни капли алкоголя. Он долго пил воду,

зачерпнув её красной кепкой, осторожно смыл пыль с лица и залепил синяк под глазом листом смородины, растущей над ручьем.

Укутай и Буркут, прячась в кустах, видели драку от начала до конца. Зрелище напугало их. Это было не обычное наказание младшего старшим. Драка была короткой, но настолько жестокой, что, похоже, сами дерущиеся испугались.

Когда уехал Советхан, а за ним и Алимжан, ребята спустились к ручью и, решив позагорать, разделись до пояса. На шее Буркута на почерневшей от пота шелковой нитке болтался подаренный бабушкой Батимой талисман – маленькая серебряная фигурка сидящего беркута, купленная на базаре в Семипалатинске. Ребята поели хлеба с маслом и вареных яиц, взятых из дома, запили теплым чаем из маленького китайского термоса. Снарядила их в дорогу мама Буркута Айпара, или Айапа, как звали её дома младшие.

- Слушай, Буркут, они ведь могли задушить друг друга...

- Н-н-нет, - ответил тот односложно.

- Ну, я говорю, один мог задушить другого.

- Н-н-нет, - повторил Буркут сердито, досадуя на заикание, и написал в блокнотике: «Они душили себя. Не могли задушить». Укутай тоже подумал о чем-то похожем, когда в драке у Алимжана ни с того ни с сего появился фингал, но сказать так ясно, как его друг, не смог бы.

Оставив у ручья велосипеды, голые по пояс, ребята пошли посмотреть на место драки под карагачом. Теплое майское солнце стояло в зените, тень от совсем ещё маленьких листьев была почти прозрачной. Мальчишки сидели рядышком в тени дерева, глядя на зеленые заросли по берегам, на море качающихся под легким ветерком метелок чия, и слушали приглушенный шум весенней воды в речке.

Место чем-то располагало к покою. Через какое-то время мальчишкам показалось, что вместе с деревом, полем и всем, что видят вокруг, они плывут вперед, оставаясь при этом на месте, потому что на линии горизонта виднелись одни и те же холмы, не приближаясь и не отдаляясь. Иллюзия движения не пугала, а вызывала радость и предвкушение интересных неожиданностей. Сердца ребят бились ровно, на душе было легко и спокойно. Правда, Укутай почувствовал, как сначала в голове, а потом в горле появилась тяжесть, но вскоре она ушла, оставив легкое онемение, как в кончиках пальцев, когда, бывало, зимой он лепил снежки. Буркут, запрокинув голову, смотрел в щелочки на качающиеся метелки чия. В голове разлилось тепло, спящий темный островок в лобной части мозга пробудился, вспыхнул и слился с сияющим морем миллиардов нейронов, пульсирующих вспышками разрядов. Пришло огромное облегчение. Он глубоко вдохнул и затем сделал шумный выдох. Воздух в лёгких уже закончился, но шелестящий долгий выдох всё продолжался и, наконец, вытолкнул из горла невидимый упругий комок. Ноющая боль в голове, которую он, оказывается, всегда носил с собой, исчезла.

Укутай почувствовал в груди частое биение двух сердец – своего и Буркута. Сначала они стучали вразнобой, но потом синхронизировали ритм, и единый на двоих пульс снова выровнялся. Дыхание тоже подстроилось под сердечный ритм, и чистые легкие подростков одновременно раздувались и опадали в такт каждого пятого удара сдвоенного сердца. Укутаю вдруг захотелось посмотреть, что скрывается за холмистым горизонтом, почему-то не меняющим своих очертаний,

хотя их мир уже довольно долго плыл к нему. Он моргнул, пытаясь убрать пелену, застилавшую взгляд, и увидел через узкие щели глаз то же, что видел прежде – серебристые волны метелок чия в поле, но более чётко, почти так же отчётливо, как видят дневные хищные птицы. Точка, из которой он смотрел на мир, немного сместилась вправо, и угол обзора при этом сильно сузился. Он ощутил присутствие другого и увидел слева, возле колен Буркута, тень сидящего рядом. Этот сидящий слева и был им самим, Укутаем, внезапно осознал он.

С сознанием Буркута происходило то же самое, оно оказалось в другом месте, он теперь смотрел на белый свет и на себя через другие глаза, глаза своего друга Укутая, и обширность окружающего мира, где над горизонтом распахнулось бесконечное небо, поразила его.

Мальчишкам трудно было осознать происходящее, но их ощущения были удивительно реальными. При этом, очутившись в другом теле, каждый из них полностью оставался самим собой. Их сознания не чувствовали связи с чужим телом. Если бы было возможно погружение сознания в глубины естества нового тела, их взаимное отторжение физически убило бы обоих мальчишек. Возможно, этот категорический запрет природы и сделал безопасными полеты во сне и наяву. Умы Укутая и Буркута вышли за физические пределы, а странная инверсия точек обзора, поразившая их, освободила юные сознания от естественной привязанности к собственным телам. Но удивительным образом эти покинутые на время родные тела сохранили влияние на гуляющие сами по себе умы, посылая им сигналы беспокойства и нарастающей паники. Буркут и Укутай легко подавили импульсы страха. Их было двое, а значит, на самом деле их было так много, что не сосчитать. Как в поставленных друг против друга зеркалах бесконечное количество раз отражается один и тот же предмет, так азарт и любопытство двух мальчишек, многократно отразившись в их умах, уничтожили все следы беспокойства и трусливых мыслей. В происходящем с ними они увидели захватывающую игру.

Буркут и Укутай легко взмыли ввысь. Земная твердь неподвижно лежала внизу, островок, на котором они плыли, сидя под деревом, слился с бескрайним пространством. Со страшной высоты они видели, как змеилась речка Шаган между холмов и скал, родное село Кенгирбай лежало у подножия сопок. Мальчишки смотрели на ряды побеленных и покрытых серым шифером домов, россыпь низеньких мазанок на окраине села, по высоким узким кронам тополей узнали свою родную школу. Дальше, за длинными зданиями складов угадывался большой квадрат огороженной территории машинно-тракторной станции, за селом вдоль низкого хребта бежала прямая асфальтированная дорога в райцентр Караул. А еще дальше на северо-запад начиналась территория полигона.

Палящие над землей мальчишки смотрели вниз, на родные места, и переживали одно и то же страшное прозрение: этот мир вечен, а они умрут. Но как они могут умереть, если их тела внизу, на земле, в безопасности и никак не могут упасть и разбиться, а летают и смотрят вниз... их глаза? Ой, да ладно, ведь в кино мы тоже иногда видим все сверху.

Укутай снова взглянул на землю и увидел, что под карагачом, рядом с ними, справа от Буркута сидит полупрозрачный крупный человек. В его груди светилось красным светом и пульсировало сердце. Он как будто говорил Буркуту что-то, никем не слышимое и, наверное, предназначавшееся только ему. Укутай вдруг почувствовал одиночество, оставшись в небе без друга. Возвращение в свое тело,

которое во время полетов сознания прекрасно обходилось без него, было похоже на удар. Боль заполнила всё существо Укутая, затем она стала дробиться, истончаться и осталась уже болью в конкретном месте организма, помогая сознанию войти в каждый нерв и успокоиться. Во время полёта ума оставшиеся на земле глаза и уши продолжали чутко реагировать на свет и звук, мозг автоматически и безошибочно сортировал сигналы нервной системы, плел нейронные сети, отправлял импульсы обратно, и тело жило в согласии со средой. Всё это происходило в полной темноте, не было того, кто бы мог увидеть и услышать цвета и звуки, закодированные в нервных импульсах. И этот кто-то сейчас вернулся и осветил темноту. Укутай пытался разглядеть и расслышать в пространстве, озаряемом светом сознания, исходящим от него самого, смутные образы мира. Сначала он видел лишь осколки света и звука, какие-то цветные искры и тяжелый гул. Наконец темница заполнилась образами и движением. Сознание увидело бескрайний мир, вырвалось за все пределы, и радость наполнила все существо Укутая. Ум творил этот мир, освещая его своим светом и рождая всё множество вещей. Пройдет много лет, прежде чем Укутай начнет понимать смысл рождения и смерти видимой реальности.

...Мальчик очнулся. Мир стал снова плоским, тяжесть давила снизу на затекшие ноги. Рядом не было ни Буркута, ни человека с красным сердцем. Услышав плач, он увидел своего друга, стоявшего с велосипедом у самого ручья. Буркут вцепился руками в руль и всхлипывал.

- Ука, я... я испугался, думал, у-у-умру. Когда мы лета-а-али. Дедушка сказал, не бойся, когда умирать буду-у-у...

- Какой дедушка?

- Ты не видел? С сердцем который. Он сказал, что он мой дедушка, – Буркут уже успокаивался понемногу. – Уже вечер, видишь, Ука. Сколько мы летали, а? Кушать хочется, поедem домой?

Укутай только сейчас понял, что заика, а скорее даже немой, его друг впервые в жизни заговорил свободно, нисколько не запинаясь. Он хлопнул его по плечу и потребовал:

- Скажи канагаттандыраалмагандыктарыныздан!¹ (*«оттого что вы не смогли удовлетворить».*)

Наконец и сам Буркут осознал, что произошло чудо. Он вдохнул побольше воздуха и выкрикнул это самое длинное слово в казахском языке. Он крикнул ещё и ещё раз. Его поддержал переполненный восторгом Ука. Мальчишки бегали и выкрикивали по слогам это диковинное порождение родного языка и вскоре угомонились. Солнце клонилось к закату, от реки пришла прохлада. Кожа на груди и руках смуглого Буркута и бледного Укутая покрылась зябкими пупырышками. Они оделись и помчались на велосипедах домой, справедливо ожидая наказания за то, что так долго одни, без взрослых пропадали в безлюдных местах.

О том, что они пережили в полете или, может быть, во сне, друзья не рассказывали никому. И ещё долго они не могли говорить об этом даже друг с другом.

Встревоженный долгим отсутствием сына, Айдос, отец Буркута, выехал на своей автолавке в сторону дамбы. Уже темнело, когда он встретил возвращающихся ребят возле зимовки Биесимас. Его вид не предвещал ничего хорошего. Буркут бросил велосипед, подбежал к нему и начал подробно объяснять, почему они с Укутаем задержались, на ходу сочиняя всякие небылицы. Отец стоял как истукан и молча слушал, потом вдруг обнял сына и прижал к себе.

Дома, по настоянию Айпары, не стали праздновать чудесное исцеление. Каждое утро она ждала, когда её сын проснется и произнесет первое слово. И молилась богу, чтобы никто не сглазил Буркута. Но даже ей сын ничего не рассказал о приключениях на дамбе и полетах наяву.

В школе страшно удивились случившемуся, но постепенно привыкли к тому, что заика-отличник теперь исправно получает пятерки и за бойкие устные ответы.

Примерно через неделю после похода на дамбу с Укутаем приключилось что-то странное. На уроке казахского языка в пятом «а» классе молодой учитель Сабыр агай Майбасов поднял его с места и попросил перечислить падежные окончания. Вопрос был простой, Уку легко дошел до *дожаттыс септік* (местный падеж): -да, -де, -та, -те... Тут он внезапно замолчал. Буркут видел, как его друг покраснел от натуги, но не смог выдать ни слова. Никто кроме Буркута не понял, что происходит. «Он что, змею проглотил?» - смеясь, спросил Сабыр агай, показывая на Укутая пальцем. Этот учитель пришел в школу недавно и сразу не понравился ученикам. То он строил из себя непререкаемого, опытного преподавателя, то заискивал перед детьми, а при малейшем волнении сильно потел. Подлый смешок учителя вызвал в сомлевшем от скуки классе буйное веселье, мальчишки хохотали, повторяя «змею проглотил!». Нурик вскочил и, схватившись руками за горло, начал корчиться, изображая, как его изнутри раздирает змея. Буркут пнул клоуна Нурика в задницу, но тот не унимался. Укутай, обессиленный внезапным приступом немоты, сел, не понимая, что с ним произошло. Урок был сорван, потный Сабыр агай досидел до звонка, уткнувшись в свою тетрадь и закрыв уши ладонями, чтобы не видеть и не слышать распоясавшихся учеников.

Укутай ушел с последних уроков. Дома никого не было. Старшая сестра Амина уехала по своим парткомовским делам в райцентр. Отец целыми днями пропадал на зимовках, помогая зоотехнику пересчитывать отары накануне перекочевки на летние пастбища. Привыкший к самостоятельности Укутай разогрел на электроплитке обед и, не замечая вкуса, съел вчерашний суп. Он сел на крыльце, дожидаясь Буркута.

Они миновали склады и пошли вдоль речки. Укутай подавленно молчал, а его друг болтал не переставая. А совсем недавно было наоборот.

- Ука, тебе надо спеть что-нибудь или вслух сосчитать до десяти. Мне доктор в Семее говорил. Сразу заговоришь. Давай.

Укутай с сомнением посмотрел на друга.

- Давай, шагай и считай, только громко.

И они пошли, широко шагая в ногу. Ука сначала подстроил ритм дыхания к шагам, про себя сосчитал до десяти и только потом, начав счёт заново, отчаянно крикнул:

- Бир! Еки! Уш!

Давай-давай, важно не останавливаться и не сбиваться с ритма. Буркут перешел на русский, чтобы ритм был отчётливым, а счёт – по-военному повелительным:

- Раз, два, три! Раз, два, три! Повторяй за мной.

Как всё оказалось просто! Маршировка и команда «раз-два» сняли спазмы в голове и растопили холод в горле, и Ука снова заговорил! После того, что случилось под карагачом, мальчики в глубине души верили, что нет никаких несчастий, которые нельзя победить - было бы желание. Распевая во всё горло хит Рымбаевой: «А-ли-я! Батыр кызы сен халкы-ы-м-нын!», победители злых чар промаршировали до зарослей шиповника.

За кустами тихо сидели Нурик и ещё двое с его улицы. Они недовольно обернулись на шумно дурачившуюся парочку и снова склонились над чем-то. Что они там делали с таким сосредоточенным видом?

А вот что: Нурик пытался кончиком ржавой проволоки раскрыть рот степной черепашки, а в левой руке держал наготове зеленую травинку, чтобы засунуть её в пасть. Черепаха пыталась втянуть голову в панцирь, Нурик больно тыкал проволокой в её морщинистую шею, но все равно *тасбака*, каменная лягушка, ни за что не хотела открывать рот.

- Чего вы от неё хотите? – с любопытством спросил Буркут.

- Надо положить ей в рот травинку. Тот, кто сумеет, будет необыкновенным человеком, - почему-то шёпотом ответил один из друзей Нурика, лопухий Ныгмет.

- Нурик, это ты, что ли, необыкновенный человек? – ткнул его кулаком в спину Буркут, особенно невзлюбивший этого вруна и пакостника после сегодняшней издевательской пантомимы на уроке казахского.

- Надо прочитать заклинание, - торжественно объявил Нурик. - Тогда любая черепаха не то что рот откроет, она будет делать всё, что скажешь.

Заклинание – это очень серьёзно. Тайные заклинания знают только баксы и сопы¹. (*Шаманы и суфьи.*) Но фантазёр Нурик сразил всех. Он поднял руку, требуя тишины и, наверное, подражая кому-то, минуту посидел с закрытыми глазами, потом наклонился к панцирю черепахи, лежавшей на спине, и негромко, но отчётливо произнес свое заклинание:

- Акпай, токпай,

Жирен какпай,

Алекем алда,

Озин колда,

Боранбай букур,

Алыска тукур,

Зугарбай зу-у-у-у-у...¹ (*Образчик детского фольклора, местами непереводаемый*)

Это «зу-у-у-у» было похоже на жужжание пролетевшей стрелы, затихающее вдали. В нём, наверное, заключалась особая сила волшебства, потому что Нурик вложил в финальный выдох всю свою веру и надежду на успех. Мальчишки, затаив дыхание, наблюдали за его действиями. Но черепаха по-прежнему прятала голову в

косяном панцире и беспомощно шевелила лапками. Юный «баксы» повторил заклинание ещё раз. И ещё раз.

И тут волшебные слова сработали. Земля под ногами вздрогнула и незаметно для глаз, но ощутимо для ног подпрыгнула. Черепаха от удара перевернулась на брюхо, необычайно быстро для такого тиххода проползла между мальчишками и выбралась из круга. Пацаны заворожённо смотрели, как тасбака ползет в кусты колючего шиповника, где она окажется в безопасности. Нурик тоже растерялся от неожиданной мощи заклинания, ударившей по земле, и застыл с травинкой в руке. Но через некоторое время со стороны Дегелена, находящегося километрах в пятидесяти отсюда, вслед за сейсмической волной пришла звуковая. Послышался отдалённый глухой гул, и иллюзия волшебства исчезла: мальчишки узнали хорошо знакомый удар очередного подземного ядерного взрыва. Между прочим исчезла в кустах и черепаха. Укутаю стало жалко Нурика, который чуть не плакал от обиды. Этот фантазёр и врунишка под воздействием рифмованных слов и сам поверил в силу колдовских заклинаний.

Наверное, одной веры мало, чтобы одолеть беду. Беда вернулась к Укутаю через несколько недель, и приступ немоты повторился. Как обычно, днем он дома был один, пожилая соседка Торгай апа, за щедрые подарки помогавшая секретарю парткома Амине Досжановне по хозяйству, приготовила обед, прибралась в доме и ушла. Буркут с родителями уехал на несколько дней в Семей, и без друга каникулы были не в радость. После обеда Укутай почувствовал пугающий холод в груди и в гортани, его охватили слабость и апатия, даже думать перестало.

Глядя на свет, падающий из окна, Ука лежал на диване в общей комнате, которую называли залом. Мальчику казалось, что солнечный свет исходит из его глаз, все предметы он видел необыкновенно отчетливо. Он будто сам их создавал, освещая взглядом каждую складку белых штор, трещину в половых досках, покрашенных охрой, шероховатость побеленных стен, паутину в углу, хрустальные блики стеклянной вазы, золотистое тиснение на красном переплете книги.

... Каждая вещь была неотделима от света, залившего комнату, не имела ни назначения, ни имени. Ум, дающий имена предметам и лишаящий реальность самостоятельной жизни, уснул. Сознание слилось со светом и наслаждалось возможностью участвовать в созидании разнообразных форм и цветов.

Разглядывать игру теней и бликов, мельчайшие подробности фактуры предметов можно было часами, ибо ничего реальнее и ярче Укутай никогда не видел. Источник света из большого окна постепенно переместился в окно у смежной стены и стал золотистым, а затем красноватым, очертания предметов в комнате смягчились, всё видимое медленно погружалось в сумрак. Снаружи доносились разнообразные звуки. Но ум спал, и некому было осмыслить услышанное и составить логическую картину происходящего за стенами дома.

Перед самым закатом солнца приступ немоты, сопровождавшийся странным искажением зрения и внезапной потерей смысла происходящего, наконец, прошел. Усталый Укутай сходил в уборную во дворе и умылся под рукомойником. Пора было ставить чай, отец, если он опять не напился с собутыльниками, должен уже вернуться с работы.

Буркут привез из Семей подарок для Укутая. Это был великолепный серебристый китайский фонарик с длинным рифлёным цилиндрическим корпусом – не на три, а

на целых четыре батарейки. Таковую вещь в магазинах не купишь. Фонарь, оттягивающий своей солидной тяжестью руку, имел мощный рефлектор, бьющий узким снопом света на сумасшедшее расстояние. И достал его на складе облпотребсоюза, конечно же, отец Буркута. Айдос ага работал на автолавке, развозил продукты и прочие товары по зимовкам и фермам. Он успел обрести связями в мире советской торговли и приобрести друзей-приятелей везде, где только можно.

Ребята еле дождались темноты. На пыльной сельской площади, где останавливался автобус в райцентр и расположился единственный ряд деревянных прилавков, называемый базаром, собралось с десяток мальчишек. Почти у каждого был фонарик, чаще всего советский, прямоугольный, плоский, со слабой батарейкой и уродливым выпуклым стеклом, закрывающим отражатель. Буркут шутки ради тоже прихватил с собой такое же старенькое советское изделие. В двухстах метрах от базарчика, над крышами домов возвышался помпезный фронтон сельского клуба с круглым окном на чердак. Луч фонаря Укутая мощно прорезал темноту июньской безлунной ночи и лёг ярким пятном на побеленную, в мелких трещинах штукатурку фронтона. Он осветил рамы слухового окна с выбитыми стеклами, проник внутрь чердака, показав стропила и обрешётку крыши.

Никакого состязания не получилось. Китайский тяжеловес Укутая морально уничтожил, просто смешал с пылью владельцев немощных плоских уродцев. Каждому из них было позволено подержать в руках это чудо китайской промышленности и посветить им в ночи.

Неожиданно в луч фонаря попал красный, лохматый светящийся комочек величиной с голову лошади. Во дворах залаяли собаки. Пульсирующий сгусток завис на секунду над головами мальчишек и исчез. Буркут вскрикнул, узнав пылающее сердце, навесившее его под карагачом. Укутай вырвал фонарь из рук лопухого Ныгмета и стал обшаривать ночное небо. Но оно было пустым. Ребята не поняли, почему закричал Буркут, с чего это вдруг заметался Укутай. Никто, кроме двоих друзей, не заметил в небе огромное живое сердце.

...Маленькое сердце Буркута сильно стукнуло в груди, прощаясь с тем, кто советовал не бояться смерти и обещал встретить его в конце пути. Большое сердце знало, сколько отмерено его потомку.

Во дворе дома главного бухгалтера совхоза Жаркына Аджиходжаева ярко горели лампочки, освещая новый военный УАЗ, черный куб автолавки Айдоса, булькающий на огне казан с бараниной и собаку, караулящую мясо. К Жаркыну, феноменальному счетчику и азартному игроку, приехал на преферанс новый начальник полигона генерал Федор Боженко в сопровождении майора Приемышева. Он делал это всякий раз, когда приезжал на площадку «Г» близ Дегелена. Солдатик-водитель спал на диване в дальней комнате, в углу на корпешках прикорнул Буркут, уставший от переживаний, связанных с летающим сердцем. Айпара рассердилась, когда узнала, что муж ушёл играть в карты, и послала сына привести отца домой. Айдос уже несколько раз проигрывал крупные суммы в «генеральской» игре.

Генерал с партнерами расписывали уже третью пульку. Играли за большим столом в прилично обставленной гостиной явно небедного хозяина. Полному, гладко выбритому, привыкшему к комфортной московской жизни, пахнущему

дорогим одеколоном Федору Николаевичу везло: он в двух коротких пульках набрал по двести вистов и шел в солидных плюсах. Майор играл осторожно, чтобы не проиграть все деньги и дотянуть до утра - не бросать же начальника на съедение бухгалтеру, этому карточному убийце. Он видел, что четвертый игрок, Айдос, не представлял опасности. Этот работник торговли совершенно не умел торговаться за прикуп и терялся как новичок на первом ходе, не запоминал даже движение козырей. Но он не бросал игру и наслаждался аурой значительности, исходящей от генерала, любовался расчерченными листами для записи партии, напечатанными в типографии, стопкой новеньких карточных колод, предвкушал появление на столе запотевшей бутылки «Особой московской». Генерал разрешал пить водку только после последней пульки, за бешбармаком, ибо любил преферанс, всегда играл на трезвую голову, и это тоже добавляло вечеру значительности.

В очередной перерыв непьющий майор госбезопасности Приемывшев, жилистый сутуловатый человек лет тридцати пяти, вышел покурить во двор. Он сидел на грубо сколоченной скамейке, задумчиво глядя в темноту безлунной ночи, когда к нему бесшумно подошел Укутай с большой пиалой в руках. Он тронул майора за рукав:

- Коже.

Майор посмотрел на мальчика внимательным запоминающим взглядом голубых глаз, как будто тот был каким-нибудь важным объектом наблюдения, отметил тонкий белый шрам над верхней губой. Он отпил глоток холодного кисломолочного напитка, заправленного разваренными пшеничными зернами, кивнул одобрительно и выпил коже до дна.

- Как тебя зовут?

- Укутай.

Майор повторил это, как бы спотыкающееся, азиатское имя.

- Сын Шынгысхана был Угедей, по-казахски Укутай, - пояснил мальчик, тщательно подбирая русские слова. Одно дело, когда смотришь по телевизору кино и понимаешь все слова, совсем другое – когда говоришь сам.

- Вон оно что. Слушай, это не ты распорядился похоронить Чингисхана в здешней пещере?

Майор, конечно, слышал о пещере Коныр аулие, где, по легенде, на дне подземного озера скрыта могила хана. Дипломированный историк, выпускник Уральского университета в Свердловске не мог относиться к легенде как к факту, чем грешили его казахские партнеры по преферансу. Шутка Укутаю не понравилась. Он уставился на майора пытливым взглядом.

- Ладно, давай знакомиться. Ты Укутай, я Сергей Юрьевич.

Стукнула калитка, и из темноты вышел высокий, худой, загорелый дочерна казах, одетый по-рабочему. Укутай узнал в нем конюха Турсуна. Собака у казана угрожающе зарычала, но тут же замолкла, почуяв непонятную угрозу. После удивительных событий, связанных с появлением летающего сердца, мальчики невольно стали присматриваться к старому конюху, о котором ходили слухи, что его навещает летающий красный фонарь. Возможно, никакой это не фонарь. Какая-то тайная ниточка теперь связывала двух друзей с молчаливым Турсуном.

Конюх поздоровался по-русски и стоял, спокойно глядя на русского офицера. Майор, по профессиональной привычке, тоже изучал глазами рабочего в запыхлённых сапогах, который и не собирался отводить взгляд. Наконец черный гость спросил у Укутая, дома ли хозяин, и вошел в дом.

Конюх задал хозяину приготовленный заранее вопрос: когда вернется бастык, директор совхоза? Бухгалтер ответил, но дремучий Турсун не уходил, с интересом наблюдая за игрой. Он исподтишка рассматривал полного, ухоженного генерала, довольного ходом игры. Еще раз изучающее поглядел на вернувшегося к игре майора, который равнодушно смотрел на свои карты, но подмечал все изменения в выражении глаз партнеров.

- Чем тут пахнет? – не выдержал присутствия постороннего Федор Николаевич.

Главбух замахал руками на конюха: иди, иди отсюда.

- Он, что, совсем не моется? – пробурчал генерал капризно, но тут пришли семь червей, и он забыл обо всём на свете.

Турсун пришел домой расстроенный тем, что его так быстро выпроводили из дома бухгалтера. Над низким столиком, за который в Восточном Казахстане садятся по-турецки, появилось красное сердце.

- Не огорчайся, у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть ноянов¹, (*рыцарь, воин по-монгольски и по-казахски*) - сказала оно. – Толстяк с золотыми звездами на плечах – мешок с дерьмом. Молодой – воин, - изрек красный гость. Его голос звучал в голове Турсуна, но это было ещё терпимо. Тяжело было, когда дух сидел внутри, смотрел его глазами и командовал руками и ногами.

- Это китайская игра с рисованными бумажками, - сказал дух про преферанс. – Я видел, как шуршуты² (*китайцы*) играли в Тарбагатае. Бала³, русские про взрывы говорили? А то я не все понял... Вчерашний был очень сильным, заметил?⁴

- Ты – мынбасы⁵, (*тысячник*) и не знаешь, что такое военная тайна? Слушай, какой я тебе бала? Мне 57 лет, чтоб ты знал.

- А мне 97, сынок. И не ходи больше к карагачу, он потерял силу и умирает.

Каникулы кончились, а приступы немоты у Укутая повторились ещё два раза. Второй приступ Амина видела своими глазами и ужаснулась. В сентябре она свозила братишку в Семей, к докторам. Логопед поставил диагноз «моторная афазия» и, подумав немного, дописал: «циклической динамики». Нейрофизиологи убили бы этого логопеда, прочитав такое. Не бывает афазии, проявляющейся периодически.

Потом за Укутая взялась Айпара. Она догадывалась, что болезнь Укутая и внезапное, похожее на чудо избавление Буркута от заикания были как-то связаны. Что-то случилось в тот день, когда мальчики поехали на дамбу. Возможно ли, что недуг сына перешел к его другу? Айпара не осмеливалась спросить об этом у Буркута. Если бы он подтвердил её подозрения, то на её сына легла бы огромная вина.

Айпара повезла Укутая к известной знахарке в Аягуз. Они ожидали увидеть какую-нибудь страшную ведьму, но знахарка оказалась сухонькой, чистоплотной бабушкой. Она велела собрать пузырек конского пота, отыскать в степи змеиную кожу. Высохшую, сброшенную ещё весной оболочку змеи мальчишки быстро нашли в поле за дорогой, с конским потом было сложнее. Но выручил конюх

Турсун. В благодарность за уколы и банки, которые ставила ему безотказная медсестра Айпара, он принес пузырёк прозрачной жидкости.

Через неделю они привезли снадобья. У ласковой бабушки обнаружился железный характер. Она влила в глотку Укутая вонючую жидкость, в которой плавала змеиная чешуя, и крепенькими ручками удерживала его лежащим на спине. Укутая вырвало, но он не мог встать, прижатый к ковру двумя парами женских рук. Часть снадобья всё-таки попала в желудок и вскипала там горячей волной. Знахарка закричала «Вот она выползла! Суф! Суф!» и стала махать платком, как будто прогоняла ползучую тварь, растаявшую в воздухе. Но Айпара не видела никакой змеи, выползшей изо рта мальчика. Она заплатила целительнице, убеждая себя, что надо верить и ждать.

К удивлению Амины и Айпары, приступы оставили Укутая в покое. По крайней мере, всю осень, зиму и весну он был здоров и закончил шестой класс с отличием.

А весной Укутай с отцом и сестрой переехали в Аягуз. Там приступы возобновились с большей силой. Амину назначили секретарем райкома партии, дали большую трехкомнатную квартиру. Она была рада не столько повышению в должности, сколько тому, что увезла братика подальше от полигона. И была уверена, что причина его недуга - ядерные испытания. Но говорить об этом вслух было опасно, особенно для молодого партийного работника.

И в тот же год, осенью, его друг Буркут уехал в Ленинград, к дяде Ерболату, преподавателю Военно-медицинской академии, который договорился через своих друзей о пластической операции. Незабвенный хирург Филин раскрыл Буркуту глаза. Он ещё год оставался под наблюдением доктора и жил у дяди, которому пришлось устраивать племянника в школу. А через год он уговорил Айпару и Айдоса оставить мальчика учиться в ленинградской физико-математической школе. Оказалось, их сын проявил незаурядные способности к точным наукам.

Глава 5.

Снаружи меловые скалы Актаса дышали жаром июньского солнца, а в темной пещере Коныр аулие, вход в которую представлял собой почти незаметную узкую щель между известковыми отвесными стенами, было прохладно, даже холодно – не больше десяти градусов. В восьмидесятые сюда ещё не провели электрическое освещение, и посещали пещеру в основном местные. Спуск в подземное помещение был долгим и трудным, приходилось следить за тем, чтобы не поскользнуться на мокрых камнях. Свет фонариков в руках паломников выхватывал из темноты участки серых шершавых стен с ржавыми пятнами лишайников, большие, с острыми краями каменные глыбы под ногами. До пятидесятих годов подземный ход был свободен от камней - они появились после начала ядерных испытаний на полигоне, сотрясавших горы.

Лучи фонарей осветили голубоватую гладь глубокого подземного озера, настолько прозрачного, что было видно дно. Айпара и другие женщины в дальнем темном углу переоделись - кто в ночные рубашки, а кто в длинные легкие платья, под которыми ничего не было. Две девушки отчаянно пискнули и прыгнули в воду солдатиком. Глубина у самого берега была небольшая, всего по грудь, но дно усыпано большими скользкими камнями, и купальщицы молча барахтались в воде, пытаясь сохранить равновесие. Они окунулись с головой семь раз и побрели к

берегу. Молодые мужья, схватив их за руки, одним махом вытащили из воды. Девушки в мокрых платьях дрожали от холода и шока, парни ободряюще улыбались им, закутывая в одеяла. И две молодые пары почти бегом устремились к горячему солнцу, к далекому выходу из пещеры, до которого надо было карабкаться метров двести. Никто не разговаривал, боясь нарушить благоговейную тишину над священным озером. Слишком велики были надежды женщин на исцеление бесплодного чрева, чтобы шутить и смеяться в таком месте.

Айпару привез сюда муж Айдос, несмотря на её бесконечные отговорки, даже насмешки над суевериями глупых женщин. Она считала себя умнее других, как же иначе – медик! Хотя всего лишь медсестра. Прошло 16 лет после рождения их единственного сына Буркута, а она никак не могла понести второго ребенка. На самом деле Айпара не хотела больше рожать. Ни за что на свете.

Айдос видел, что жена никак не может решиться прыгнуть в ледяное озеро. Неожиданно он столкнул её с камня, Айпара с головой ушла под воду и никак не могла нащупать дно. Вода обожгла всё тело, в ушах зазвенело, а в груди стало пусто и холодно. На секунду ей показалось, что она осталась совсем одна, и ничего другого, кроме стиснувшего её ледяного мрака, в мире нет. В слабом свете фонарика, падающего сверху, проплыли белые слепые змейки, извиваясь тонкими длинными телами. Айпара ничуть не испугалась их и тут же забыла про мимолётное видение. Она не заметила, как одна из змеек забралась под подол, в низу живота защекотало и прошло. Вынырнув из воды, Айпара увидела силуэт мужа и поплыла по-собачьи к берегу. Айдос присел и протянул ей руку, она зло фыркнула, выплёвывая воду с привкусом извести, и сама взобралась на мокрые камни. В прилипшем к телу, ставшем почти прозрачным тонком белом балахоне жена была очень хороша и в свои тридцать пять.

В святой пещере супруги ругаться не стали, зато в машине, переодевшись в сухое, Айпара высказала все обиды. До самого Бестамака говорила она, а Айдос, сделав виноватое лицо, молчал. В душе он был доволен поездкой: многие бесплодные женщины, окунувшись в воду целебного озера, становились затем матерями; должно повезти и нам. Поглядывая на сердитое раскрасневшееся лицо жены, сверкающие черные глаза, Айдос чувствовал растущее влечение к ней, но надо было потерпеть ровно три дня после омовения святой водой, как перед поездкой к пещере святого Коныра предупредила соседка, набожная старуха Батима. По её рассказам, этому жителю древнего мира, заселенного многобожниками, не досталось места в корабле пророка Нуха, и он спасся на бревне, привязанном к ковчегу. Когда воды потопа пошли на убыль, бревно зацепилось за макушку белой горы Актас, и Коныр решил сойти на землю здесь, всего в сорока пяти километрах от нынешнего села Кенгирбай.

...Святой Коныр, помоги нам зачать и родить второго сына! И дочь, если можно.

Почти два года после купания в подземном озере Айдос старался изо всех сил, дарил жене подарки, как-то по совету бухгалтерши облпотребсоюза купил ей кружевное бельё, но ничто не помогало. Яркая любовь была, но ребеночка не было. И однажды он узнал, что жена предохраняется какими-то тайными, омерзительными способами. Спираль вставляла! Как можно вставлять туда острые предметы? А если *она* поранится? А если *он* порежется? А если *там* начнёт гнить? На самом деле Айдоса больше ранило другое. Его страшно, до темноты в глазах

оскорбил обман жены. Она убила мечту, которую, как он полагал, они лелеяли вместе, и теперь потеряла его доверие.

Айдос выскочил из дома, завёл машину и поехал к бывшему однокласснику, у которого всегда собирались пьющие мужики села. Там в сумерках, не зажигая света, в летней кухне уже сидели три унылых трезвых гостя и печальный хозяин, длинный лысый Орынбай. Он вскочил и кинулся к Айдосу пожимать руки: радость какая, такой богатый, важный человек в первый раз посетил бедную лачугу однокашника! Радость пришла в виде четырех бутылок «Столичной» и круга краковской колбасы. Айдос пил и не пьянел, переживая внутри обиду на жену. Развестись с ней? Ведь всё равно она не будет рожать, раз так решила. Но как быть с Буркутом? Каким он стал после операции на глазах! Умница, в следующем году закончит свою ленинградскую школу для избранных, поступит в институт, станет ученым, как его нагашы, дядя по материнской линии. Айдос пустил пьяную слезу, вспомнив, как они с Айпарой радовались, когда сын заговорил свободно, без запинки.

Утром его разбудил хмурый Буркут. Сообщил, что мама ушла к своим родителям. Сказала, что насовсем. Налил отцу чая и, сняв свои черные очки, смотрел на него страшноватым взглядом вытарашенных немигающих глаз. Он вырос, стал выше отца, худой совсем, но жилистые тонкие руки сильные, как лапы у орла. Бил маму? Не может быть, сынок... Никогда. А маму мы с тобой вернем, сын, сегодня же!

Больше в доме таких скандалов не было. У Буркута кончились летние каникулы, и в конце августа он уехал в Ленинград продолжать учебу. Провожал его сам Айдос. За столиком в привокзальном кафе сын с чего-то вдруг предложил отцу побороться на руках. Тот посмотрел на свои руки, которые были вдвое толще, чем у Буркута. Ну, давай. Айдос с отцовской нежностью ощутил в ладонях тонкие длинные пальцы сына и решил не бороться, а просто держать руку в мёртвом стартовом положении. Не тут-то было. Тонкие руки Буркута вдруг стали стальными, пальцы больно сжали кисть отца, и толстые мышцы рук Айдоса неожиданно поддались нажиму. Через секунду тыльная сторона его ладони легла на стол. Озадаченный отец смотрел на сына, а тот радостно улыбался. Прощаясь, Буркут тихо сказал отцу: «Больше не бей маму». Сукин сын, вот почему он устроил борьбу на руках! Думает, напугал, сопляк, ворчал про себя Айдос, одновременно испытывая гордость за сына...

Айдос смирился и признал право жены на использование спиралей и прочих изощренных медицинских приспособлений. Но оставил за собой право бороться за мечту о втором сыне. Жене скоро исполнится тридцать семь, еще немного, и будет поздно мечтать о ребенке. Но она была упряма и глупа, ведь только по глупости она дала запугать себя какими-то слухами о мутациях. В конце концов, бог все решает. Или лотерея. Шанс родить урода составляет один на сто тысяч, наверное. Лишь бы забеременела, а там я создам все условия для нее...

Зимой Айдос поехал с женой в Семей. Весь день он мотался по городу, а Айпару оставил у областной поликлиники. Заехал за ней в конце дня, ходил по коридорам, заглянул во все кабинеты, но жены нигде не было. Наконец догадался спросить в регистратуре. Она часа три назад была в кабинете гинеколога. Айдос заглянул туда и увидел, что врач сидит одна. У неё и узнал заботливый муж, что жена его, тьфу-тьфу, в полном порядке, приходила э-э-э... кое-что заменить. И заменили? Врач

улыбнулась: после извлечения она должна сдать анализы, я хочу кое-что проверить. Так что до завтра пусть походит... свободной.

Айдос сидел неподвижно за рулем своего фургона-автолавки, уставившись в одну точку. Возможно, сегодня ему дан единственный шанс для достижения своей цели. Он чувствовал себя полководцем, увидевшим слабое место в обороне противника. Почти так же он волновался, обдумывая детали штурма крепости. Предположим, всё получится, крепость падёт, и даже случится чудо, и она забеременеет. Она что, сделает аборт? выпьет какую-нибудь дрянь, чтобы убить зародыш? Не позволю. Нет, она смирится и поймёт, что всё закончится хорошо, ведь, как сказала гинеколог, у неё там всё в порядке... Но всё равно что-то тревожило Айдоса, и он решил выпить.

Супруги остановились в доме Аскара, приятеля Айдоса. До глубокой ночи вдвоём пили водку. Айпара спала в дальней комнате, где им постелили на полу. Алкоголь придал Айдосу уверенности в правоте предстоящего дела и раскрепостил сознание.

...Айпара проснулась от прикосновений мужа, спросонья расслабилась и позволила войти. И тут вспомнила, что она не защищена. Попыталась вырваться, но муж сегодня был неумолим. Она поняла, что без шума и драки ей не освободиться, а шуметь и позориться перед хозяевами не хотелось. Пришлось расслабиться. Годы совместной жизни давали уверенность, что она ускользнёт в нужный момент. И женщина безошибочно угадала его приближение. Но перед этим случилось непредвиденное. Она была разогрета очень хорошо и внезапно потеряла самообладание от нахлынувшей волны. Судороги были неуправляемыми, внизу живота долго пульсировало что-то горячее и влажное. Там женское естество принимало семя, судорожно вытягивая шейку и окуная зев в лужицу. Белая змейка втайне от Айпары хозяйничала во чреве, выполняя волю хозяина пещеры, святого Коныра.

...Айпара, уткнувшись в подушку, тихо плакала от отчаяния и обиды. Она так беззаботно расслабилась, глупая женщина, и допустила непростительную ошибку. Что теперь будет? Ошибку не исправить, никакие спринцевания не помогут, поздно.

И действительно не помогли, и в самом деле было уже поздно. Она забеременела.

Страх родить больного мутанта укоренился в сознании Айпары слишком глубоко. Он свернулся чёрными холодными кольцами в груди и не был похож на жизнерадостную белую змейку, побывавшую у неё в животе. Страх заполз в душу после рождения первенца Буркута. Наросты на глазах младенца потрясли её, но с первого мгновения она полюбила его, и не видела в уродстве малыша ничего отталкивающего. Несмотря ни на что она была счастливой матерью. Но судьба, пометив её смышленного первенца, ясно дала понять, что следующим может родиться кто угодно, возможно, калека или олигофрен. Не бывать этому, стискивала зубы Айпара.

Её мама, Айганым, вырастившая восьмерых здоровых детей, не одобряла решения дочери. Нехорошо это, не будучи уверенной в исходе, не имея даже заключения врачей, не зная замысла бога, решать всё самой.

Дедушка Айпары, старый упрямый атеист Жумабай пошутил как-то, что у внучки будет самое храброе сердце, потому что она родилась под ярчайшей на свете звездой, и будет, подобно ей, охранять покой страны.

Похоже, дед ошибся насчет храбрости внучки Айпары, так легко поддавшейся надуманным страхам. Айганым в молодости тоже изрядно перетрусилась, когда утром 29 августа 1949 года в чёрном облаке гремел гром и колыхалась земля под ногами. Но страх покинул её, как только она родила прекрасную девочку.

Айганым легко перенесла первую беременность. Они с мужем Курмашем жили у его родителей в маленьком, с десяток дворов ауле у подножия невысоких гранитных гор Едрей, недалеко от границы с полигоном. Свёкор Жумабай с супругой Жанылсын на лето откочевывали с колхозной отарой овец на джайляу. Они настояли, чтобы невестка до родов отдохнула у них на летнем пастбище, набралась сил на кумысе и свежем мясе. Этим летом правление колхоза отвело чабану не самый лучший участок, километрах в двадцати к северу от Едрея. Зато здесь между двух низеньких сопок был ручей, не пересыхающий летом. Вообще-то эта земля уже принадлежала полигону. Но в колхозе посчитали, что раз участок, до прошлогоднего отчуждения принадлежавший хозяйству, военные никак не используют, то ничего страшного не произойдет, если отара немного пощиплет здесь травку. Ни о какой эвакуации и предстоящем испытании кочующие в степи чабаны не слышали.

Утро было сырым, ветреным, небо обложили низкие тучи. Айганым встала рано, хотя, по настоянию свекрови, обычно спала допоздна. Сегодня Курмаш должен приехать и отвезти её в Каркаралинскую районную больницу, срок был близок. Мальчика или девочку она родит?

Далеко на горизонте вспыхнул яркий белый шарик, и от телеги с разобранными колесами на землю упала чёткая тень'. (*Первое в СССР испытание ядерного оружия проведено в 7 часов утра по алматинскому времени 29 августа 1949 года на Семипалатинском полигоне. Был взорван заряд мощностью 22 килотонны, установленный на башне, на высоте 30 метров.*)

Айганым зачарованно смотрела, как шар стал раздуваться и краснеть. Он превратился в большое темное клубящееся облако, красное изнутри. Облако опиралось на удлиняющуюся черную ножку, украшенную в верхней части изящной белой юбочкой. «Девочка будет», - подумала Айганым, любуясь завораживающей картиной.

Вдруг земля задрожала и ушла из-под ног. Женщина упала на колени, у неё закружилась голова, к горлу подступила тошнота. Со стороны вспыхнувшего неба докатился гром, который всё рокотал и никак не мог стихнуть. Она неотрывно смотрела на черное облако, ставшее вдруг таким грозным. В клубящейся туче клокотал гигантский красный казан, а в нем варились громыхающие раскаленные глыбы. Котел готов был вот-вот лопнуть и залить всех кипящим металлом. Айганым не могла отвести взгляд от гудящего в небе огня, страшась и ожидая конца. У нее вдруг отошли воды и начались схватки. На шум из юрты выскочила свекровь и подбежала к невестке.

Наверное, никто в мире не рожал так быстро, как Айганым в то утро. И уж точно никто и никогда не рожал, глядя на ядерную вспышку, находясь в степи, всего в тридцати километрах от эпицентра взрыва. Страх матери раньше срока вытолкнул

девочку в грохочущий и зыбкий мир. Малышка кричала долго, и молодой маме подумалось, что плачет она от испуга.

Жумабай в это время был у загона для овец и тоже видел вспышку над горизонтом. Он внимательно смотрел на растущий гигантский гриб, удивился тому, что звук взрыва, несомненно, одиночного, не был похож на удар. Скорее, это был долгий раскатистый грохот, не стихавший несколько минут, как будто тысячи самосвалов один за другим вываливали на землю огромные кучи гранитных валунов. Фронтвик, сержант артиллерии Жумабай Досханов, испытывавший на своей шкуре эффективность немецкой массированной бомбардировки, по достоинству оценил невиданную мощь взрыва. «“Смерть империализму” - вот что такое эта бомба», - подумал он. Чабан несколько не сомневался, что это был не природный катаклизм, а испытание оружия, ведь все уже слышали о Хиросиме. А о том, что это дело рук наших, говорили масштабы работ, проводимых в степи военными. Прошлым летом на равнине к востоку отсюда пыль столбом стояла от множества машин.

К счастью для семьи чабана, ветер в день взрыва дул в противоположную от юрты сторону. Девочку, родившуюся в 7 часов 05 минут 29 августа 1949 года, следовало бы назвать Атомгуль, пошутил дедушка-артиллерист. Ей дали имя Айпара - в честь прапрабабушки, мудрой женщины, правившей родом двести лет назад. Но не всегда магия имени может справиться с навсегда запечатленным первым страхом, который пережила девочка при рождении.

...Потянулись долгие недели беременности, которую сильно похудевшая и подурневшая Айпара переносила очень тяжело. Когда подошел срок, она уже совсем извела себя страхами, и врачи вынуждены были давать ей седативные средства. Айдос привез ее в областной роддом и незаметно дал денег главврачу. Во время долгих, трудных родов Айпара впала в бессознательное состояние. Но мальчик родился на вид вполне нормальным, громко орал, требуя грудь, забавно морщил красное личико. Айдос был счастлив. Тем временем врачи реанимации сообщили, что состояние роженицы нехорошее. Она не узнавала никого, пугалась каких-то видений, мучивших её. Малыша попробовали приложить к груди, но она оттолкнула его и закричала как сумасшедшая, вырываясь из рук медсестры. Её оставили в покое и перевели младенца на искусственное кормление.

Через день у малыша начались боли в животике, он уже не мог кричать и лежал, часто дыша. Молодая акушерка подключила его к единственному на весь роддом новенькому немецкому аппарату, контролирующему пульс и давление. На мониторе светилась прямая линия пульса, на табло, показывающем уровень давления крови, мерцали два ноля, как будто крохотный пациент умер. Но он был жив, и акушерка побежала за врачом, первым освоившим импортное оборудование. Тот битый час возился с аппаратом, проверяя его работу на малыше, потом на акушерке и, наконец, на себе. Аппарат был исправен, на мониторе высвечивались точные значения пульса и давления акушерки, его самого и даже присутствовавшей пожилой санитарки. Но он упрямо в десятый раз показывал, что у живого малыша остановилось сердце. Акушерка пощупала пульс руками: он мелко и прерывисто бился на виске новорожденного. Наконец врач оставил попытки выяснить причину странных сбоев в работе аппарата и велел отключить его до особого указания.

Пожилая санитарка после этого долго смотрела на странного младенца и сказала акушерке: «Кутсыз саби»¹. (*Младенец без кута; кут в представлении тюркских кочевых народов – искорка, частичка силы Тенгри, определяющая судьбу и самые фундаментальные качества личности.*) «Адам болмайды»², (*Не будет человеком, т.е. не выживет.*) - добавила она шепотом, оглянувшись по сторонам. И ребенок действительно умер в тот же день. Очень странными были слова старой санитарки. Никто не рождается без *кута*. Без него человек – не человек, а пустая оболочка...

Айпара на третий день пришла в себя, успокоилась. Но она никого не узнавала, даже мужа, забыла своё имя. Малышом ни разу не поинтересовалась, а только лежала в кровати, глядя пустыми глазами в потолок. Память её не восстановилась ни через месяц, ни через год.

Вернувшись в аул, Айпара ушла жить к родителям. Время шло, и вскоре Айдос женился на молодой разведённой женщине с ребёнком и переехал в райцентр.

Глава 6.

Карагач, растущий в поле у реки, засох на корню. Это случилось через год после удивительных событий, изменивших жизнь маленьких друзей Буркута и Укутая. Весной дерево не проснулось от зимнего сна, и всё лето оставалось голым. Карагач и сейчас, через пять лет одинокой и пустой жизни, стоит посреди поля, и под ним нет тени. Все эти годы дерево сохло и крепло, став твердым как железо; не появилось ни одной червоточинки на стволе и голых, словно полированных, ветвях.

Конюх Турсун внешне почти не постарел, был крепок, как старый карагач, лишь на коричневой прокаленной солнцем коже появились старческие пигментные пятна. Уже два года как он получал пенсию, но по-прежнему работал в совхозе. Правда, теперь числился сторожем конторы, поскольку пришел новый директор, совсем не лошадиник, и упразднил должность конюха. Турсун, наверное, легче переносил бы одиночество и скуку, если бы к нему по-прежнему навещался дух батыра. Но тот не появлялся, видимо, потеряв интерес к недалекому и упрямому старику.

«Дочке сейчас было бы тридцать два», - стал думать старую думку Турсун, представляя внуков. Они жили бы в городе, в доме из красного кирпича, с перекрытием из бревен и с железной крышей.

...А в пятьдесят пятом Турсун с молодой женой и маленькой дочкой жили в низенькой мазанке с плоской, засыпанной грунтом крышей. Рядом, под высоким обрывом плескались воды Иртыша. Слабой здоровьем трехлетней Асемтай необходимо было хорошее питание. Турсун, плюнув на самолюбие, попросил у родственника жены «ат майын»¹ (*Букв. «жир лошади»; старый обычай, позволявший бедняку брать у зажиточного человека скотину «напрокат».*) и взял дойную корову с условием, что следующим летом вернет её вместе с будущим телёнком. Дядя жены проявил доброту и дал молодой семье пёструю упитанную буренку, щедрую на молоко. Но корове мало было сена, в хозяйстве дяди она привыкла к ежедневным добавкам в виде комбикорма. Турсун работал помощником мельника и принаровился каждый день насыпать пару-тройку кило отрубей и сметки в сумку, в которой он приносил из дома обед. Сегодня мельник с утра отпустил его с работы - сломалась дробилка.

Сумрачным утром 22 ноября 1955 года² (*Взрыв водородной бомбы мощностью 1,6 мегатонны произведен над Опытным полем полигона на высоте 1550 метров, в восьмидесяти километрах от села Ажары*) Турсун неторопливо шёл домой.

Над горизонтом, прямо перед ним вспыхнул белый шар, в тысячу раз ярче и больше солнца. Небо и землю залил ослепительный свет, стерев очертания предметов. Турсун ослеп на несколько секунд, а когда зрение восстановилось, увидел на месте шара дымящийся туман, который ярко светился, озаряя полнеба. За туманом что-то огромное и яркое ворочалось и засасывало в себя туман и облака, бежавшие со всех сторон к невидимой воронке. Затем сквозь туман проступил огромный белый купол, который начал расти вширь и ввысь. Под ним, у земли образовалось белое туманное кольцо, равное в диаметре основанию полусферы, и расширялось вместе с ней. Поражали размеры купола: он уже занимал половину неба и всё рос и рос, раздуваемый горячим ядром. Верхняя его часть скрылась за тучами, которые снизу освещали вспышки внутри купола. Наконец сфера начала тускнеть и растаяла, а красный шар, поднявшийся выше облаков, угадывался по гигантскому яркому пятну, светящемуся в сплошном облачном покрове.

Турсун бежал к домику на самой окраине села в полной тишине. Вдруг небо расколол оглушительный треск, справа и слева раздались звуки бьющегося стекла, в уши ударило чем-то ватным. Удар сверху и спереди опрокинул его на спину, земля больно стукнула по затылку. Турсун тут же вскочил на ноги и снова рванулся к домику, где могли погибнуть от вселенского обвала его малышка и жена. Он, может быть, сделал шагов десять, как снова треснуло небо и его швырнула на землю сила, будто играющая с человеком как с мышью. Это была вторая, отраженная от слоя теплого воздуха над облаками ударная волна. Затем наступила тишина, в которой лай собак и крики людей казались совсем далекими и слабыми.

Турсун, подбегая к мазанке, увидел, что половина её крыши провалилась, обнажив тонкие жерди, прутья и ветки тальника, служившие основанием перекрытия. Из дома, не прикрытого крышей, донёлся страшный крик жены. Маленькую Асемтай, спавшую на кровати, присыпало землёй и обломками. Но убил её упавший сверху небольшой тяжёлый отрезок рельса, которым сам Турсун осенью закрепил полотно рубероида на протекающей крыше.

В горах Большой Орды, за сто восемьдесят пять километров от эпицентра взрыва водородной бомбы мощностью 1600 килотонн, в темной могиле батыра Мамай вспыхнул багровый свет. Похороненное два века назад сердце воина пробудилось от ядерного удара в небе над Опытным полем полигона.

Сейсмический удар Мамай ощутил после того, как очнулся в могиле и увидел свет этого мира. А прежде на границе миров вспыхнула ослепительная белая точка. Она лишь на миг осветила крохотный двухсоткилометровый кусочек берега живых, пустынную равнину и невысокие горы Большой Орды, и дух Мамай увидел сквозь приоткрывшуюся завесу другой мир, а в нём – свою могилу и едва тлеющий уголек в её глубине. И теперь он был здесь и слушал удары оживающего сердца, и по мере того, как разгорался красный огонь, в нём просыпалась память. Сердце хранит воспоминания о пережитом, а не знания ума. Мамай вспомнил вкус побед и поражений, любовь и ненависть, молодость и старость, предсмертные муки и прозрение, лица друзей и врагов, близких и родных. Под завалами памяти

оставались даты, подробности боёв и походного быта, маршруты жизни, числа, буквы, разговоры...

Он умер в 97 лет, в своей постели, окруженный внуками и правнуками. Наверное, не было война счастливей Мамай: после бурных десятилетий боёв и походов он сполна насладился победой и долгими годами мирной жизни. Его тело похоронено в Туркестане, рядом с самыми знаменитыми батырами, а сердце - в тобыктинской земле. Тысячник Мамай, сын Жумагула, в 1780 году вернул народ Тобыкты на родину, в горы и степи Шынгыстау и Абралы.

Может быть, ему следовало увести свой род дальше на восток, на Алтай, чтобы потомки и через двести лет, и через тысячу жили на чистой, не осквернённой земле... А может быть, просто не стоило разлучать сердце и тело воина, несмотря на его странное завещание. Покоился бы с миром Мамай у мавзолея Кожамета аулие до конца времен, а не метался сейчас над полигоном, отравленный неутолимой жаждой огня, усиливающейся с каждой вспышкой в небе, на земле и под землей.

На площадке Сары Узень, километрах в пятидесяти к северо-западу от Дегелена, недалеко от скважины №126, в которой в апреле 1980 года был взорван ядерный заряд, в голой степи возвышался новенький ангар, покрашенный в цвета пустыни. В тени строения спрятался запылённый легковой УАЗ. Вокруг не было ни одного строения, кроме бетонной коробки помещения для мощного дизельного генератора. У ворот ангара, на июльском солнцепеке стоял часовой с автоматом. За тяжелой металлической дверью, внутри ангара находился пост №2. За ним виднелась ещё одна дверь, ведущая в главное помещение, заставленное приборами, мониторами, столами, железными шкафами. Часть помещения, размером девять на девять метров, с трёх сторон была огорожена высокой решеткой из металлических прутьев. Входом служила незаметная железная дверь в четвёртой, сплошной стене. Пол в клетке был выложен бетонными плитами, щели между которыми остались не заделанными. На полу и местами на стене и решетках темнели пятна засохшей крови. С балки мостового крана под сводами потолка свисали тросы и крючья, смотрели вниз кинокамеры.

В выходной день в ангаре было безлюдно. Подполковник Сергей Юрьевич Приемышев, сотрудник управления «Н» Второго главного управления КГБ СССР, курировавший работу исследовательской группы С, сидел в главном помещении за столом, изучая в журнале последние записи ученых. Медики, нейрофизиологи, биологи, психиатры, тщательно отобранные Управлением особых отделов КГБ, обращавшим самое серьезное внимание на их психологическую устойчивость, работали увлечённо и уже добились некоторых результатов. Опыты с живым материалом, заканчивавшиеся иногда его списанием, конечно, подвергали риску душевное здоровье ученых, но зато какой уникальный научный материал они получали в этом ангаре! И каждый эксперимент давал новую информацию для обработки и осмысления.

Но сейчас Приемышева тревожила ситуация в секторе физики. Ученые провели все возможные измерения излучений и физических полей, состава грунтов и газов, радиационного фона, пытались зафиксировать малейшее изменение исходных параметров в ходе экспериментов, даже воздействовали на площадку жестким излучением. Результаты были нулевые. Если верить приборам, поле

синхронизации, или кратко «поле С», случайно обнаруженное здесь в прошлом году, в физическом смысле не существовало.

Однако оно явным образом воздействовало на людей и животных, вошедших в него. О существовании поля С военные впервые узнали осенью прошлого года, когда молодые офицеры с площадки «Г» на машинах догнали волка, и один из охотников подошел к загнанному зверю вплотную и выстрелил в голову. Этот лейтенант умер на месте от обширного кровоизлияния в мозг.

Эффекты поля С вдохновили военных. Мощнейшее, неодолимое воздействие поля на высокоорганизованные живые организмы сулило безграничные возможности его применения против противника. Но только в том случае, размышлял Приемывшев, если ученые группы С смогут раскрыть природу поля и генерировать его энергию. Иначе таинственная аномалия в безлюдной степи так и останется любопытной научной загадкой, не имеющей практического, во всяком случае, военного применения. Подполковник уже начал понимать, что разгадать физическую природу поля С ученые не смогут просто потому, что разгадки не существует. Здесь, возможно, действует иная, не материальная сила. Ученые, конечно, назвали бы такие мысли мракобесием и чертовщиной, а начальник управления «Н» - и вовсе пораженчеством. Поэтому говорить об этом вслух или писать в отчетах Приемывшев не собирался.

Пока начальство в Москве можно кормить подробными отчетами об интереснейших эффектах, открытых в биологическом секторе, каждый из которых тут же рождал в умах сотрудников Управления «Н» разнообразные идеи военного использования этих феноменов. Например выяснилось, что при нахождении в поле С двух или нескольких человек синхронизируется функционирование всех систем организма этих объектов, но при этом абсолютно независимыми, не поддающимися синхронизации остаются их мысли и воля. Экспериментально проверена строгая направленность синхронизации от более здорового или неповрежденного субъекта к больному или получившему повреждение.

Самые интересные с военной точки зрения результаты давали эксперименты с подопытными заключёнными, приговорёнными к смерти. Накачанные стимуляторами убийцы и насильники впадали в состояние безумной ярости и калечили, убивали друг друга голыми руками, заливая кровью, испражнениями и рвотной массой бетонный пол клетки. Шокирующий эффект произвела драка одновременно пяти смертников. Инфаркт миокарда самого слабого из подопытных тут же убил остальных, включая тех двоих, которые уклонились от драки и в страхе прижались к решёткам клетки.

У военных тут же родилась идея использовать эффект «дистанционного разрыва сердца» в диверсионных целях. Разведчик со спрятанным в поясе мини-генератором поля С, излучение которого, кстати, не фиксирует ни один прибор, в публичном месте приближается к группе важных персон из стана противника. В это время оператор с дистанции передает сигнал капсуле, зашитой под кожей груди смертника. Конечно, лучше, если разведчик не будет знать о том, что обречён – в этом случае он будет вести себя естественно. Разряд капсулы вызывает у него остановку сердца. Никаких бомб, человек мирно падает и умирает. Одновременно умирают от разрыва сердца все, кто находился рядом, в поле С, в том числе важные персоны. Кстати, есть еще одно отличие этого высокотехнологичного способа поражения врага от известного метода самоподрыва смертника. Дело в том, что

при взрыве смерть наступает мгновенно, мозг, разлетевшийся брызгами, не успевает передать сигналы синхронизации окружающим телам. А при инфаркте, например, или тяжелых повреждениях тела процесс умирания длится от десятков секунд до нескольких минут, т.е. достаточно продолжительное время для полной синхронизации.

Ученые биологического сектора ознакомились с идеей военных и, выразив восхищение дерзостью генеральского ума, предложили не убивать ценных агентов-профессионалов, а засылать к врагу смертельно больных раком, например, или лейкемией. Пусть они, спрятав за пазухой мини-генератор, гуляют, общаются с врагами, чтобы синхронизация передала смертельную болезнь как можно большему количеству людей в неприятельском лагере. Подготовить засылаемых людей можно легко и быстро: достаточно научить включать и заряжать генератор и психологически настроить на безусловное выполнение задания. Да, согласилось руководство Второго главного управления, но использование «дистанционного инфаркта» незаменимо в особых случаях, когда необходимо немедленно устранить ключевые фигуры в военном и политическом руководстве вражеской страны. Продолжайте работать, товарищи. Товарищи биологи напряженно работали, не подозревая, что неудачи физиков скоро поставят крест на деятельности всей исследовательской группы С.

Подполковник заправил в пишущую машинку чистые листы бумаги с копиркой.
«Секретно. 22 июля 1984 года.

Начальнику Управления «Н» Второго главного управления КГБ СССР генерал-майору Пипия Г.В.

СПРАВКА

о результатах работы исследовательской группы С за июнь 1984 года

За июнь с.г. проведено 12 экспериментов с животными (суслики, крысы, собаки, овцы, кошки и степной орел). Результаты показали, что в парах «хищник – жертва» оба животных при столкновении получают повреждения, масштабы которых прямо связаны с уровнем агрессивности хищника. В четырех случаях из пяти нападение хищников закончилось их смертью от синхронизации с организмом умирающей жертвы. Смерть жертвы нападения наступала в среднем через 20 – 60 секунд после гибели нападавшего. Вероятно, это связано с тем, что агрессивность хищника каким-то образом резко усиливает воздействие на него сигналов синхронизации, идущих от раненой жертвы. Гипотезу подтверждает исход нападения собаки, которой ввели стимуляторы, на овцу. Собака осталась живой благодаря тому, что испугалась более неизвестного происхождения и разжала челюсти на горле раненой овцы. Очевидно, что инстинкт убийства, более сильный у дикого степного орла и полудиких кошек, участвовавших в эксперименте, скорее приводит к гибели самого хищника, чем его жертвы.

Эксперименты в парах «суслик – овца», «суслик – суслик» и «овца – овца» показали, что в условиях отсутствия взаимной агрессии синхронизация всегда направлена от больного животного к здоровому. В паре сусликов, помещенных в поле С, гнойники на глазах больной особи исчезли и появились у ранее здорового животного. Исключение составила пара «крыса - суслик», в которой первый грызун повел себя как хищник и убил суслика.

Также в июне проведен эксперимент с материалом, поступившим из МВД. Оба субъекта погибли. Результаты опыта обрабатываются и будут готовы через десять дней...».

Сергей Юрьевич смотрел на пятна крови на полу и стенах клетки. Профессор Левитин, руководитель биологической группы, настоятельно просил, чтобы начальник Управления «Н» добился поставки еще одной партии живого материала из МВД. Приемышев не то чтобы жалел приговоренных к смерти преступников – они в любом случае обречены. Угнетала бессмысленность убийства людей. Он был почти уверен, что сотни папок с результатами биологических экспериментов в конечном итоге будут бесполезно пылиться в секретных архивах. По настроению людей из физической группы можно было понять, что они проводят одни и те же эксперименты безо всякой надежды на успех. Поле С имеет название, но не имеет никаких физических характеристик, мать его... Приемышев подумал и не стал вписывать в справку просьбу Левитина.

Закончив отчет, подполковник вышел из ангара. Он с наслаждением курил ароматную «Яву», бездумно глядя в степь. Взгляд остановился на четких следах подкованных копыт в пыли перед ангаром.

- Сержант, ко мне! Кто был на объекте?

Сержант Дильшод Файзуллоев подбежал к нему и ответил уверенно, разглядывая вместе с офицером следы:

- Лошадь ходила. Дикая. Казахи отпускают лошадей в степь, никто не ворует.

- Дикая, говоришь? Почему она подкована?

- Не знаю, товарищ подполковник. Так удобно, наверное...

Шутка сержанта почему-то успокоила подполковника. Похоже, не врёт.

- Лошадь дикая, а людей не боится. Зачем приходила? Пить просила, что ли?

Дильшод испугался. Командир шутил, конечно, но старик-чабан действительно просил пить, когда свалился с коня прямо перед ангаром. Появился он в полдень, выйдя из тени позади объекта. Потрескавшиеся серые губы старика приоткрылись, и он сказал по-узбекски: «Дай воды, сынок». А может быть, это сказал знающий чагатайское наречие Мамай, команды которого звучали в голове Турсуна. Как бы там ни было, слова родного языка, да еще сказанные пожилым человеком, оказали магическое действие на парня из Узбекистана. Он затащил старика в прохладное помещение поста №2, дал ему напиться и даже вылил ему на голову воду из бутылки. Черпак-первогодок Ахметжонов, его земляк, остался на наружном посту. Дильшод побежал в подсобку за второй бутылкой воды для старика. Турсун, а это был он, внимательно оглядел комнату для охраны, через открытую дверь увидел большое помещение с огороженным квадратом, приборы, запомнил расположение других дверей и окон. Потом старик кланялся Дильшоду и благодарно улыбался, но, похоже, не слышал или не понимал вопросов сержанта на узбекском языке. Сержант посадил гостя, тяжело взбравшегося на коня, и лошадка затрусила на восток.

За такое вопиющее нарушение режима охраны особо секретного объекта Дильшоду грозили бы суд и дисбат. Но в своем земляке Ахметжонове он был уверен – не проболтается. Дильшод, наконец, нашелся, что ответить Приемышеву, и прикинулся тупым чуркой:

- Тавариш начальник, лошад же сапсем не гаварит.

Приемышев махнул рукой на азиата.

Турсуну на самом деле было плохо. Когда дух вошел в его тело, старик чуть не потерял сознание от жара внутри, который быстро привел к обезвоживанию организма. Так что он не притворился, когда умирал от жажды.

Дух после четырехлетнего отсутствия появился в домике старика сегодня утром. За три дня до этого Мамай испытал нечто похожее на смерть с последующим возвращением к жизни, хотя, что такое смерть для мёртвого?

14 июля 1984 года в вертикальной скважине №1344 площадки Балапан, на километровой глубине почти одновременно были взорваны два ядерных заряда общей мощностью 635 килотонн. Это был самый мощный в истории Семипалатинского полигона подземный взрыв. Диаметр полости, образовавшейся в довольно рыхлых грунтах, превышал обычные размеры в несколько раз. Глубина озера из расплавленных пород на дне сферической полости достигала десятков метров. Взрыв чудовищной силы разорвал пласты, сжал водоносные слои, подняв подземные воды к самой поверхности. Гладь водохранилища у слияния Шагана и Ащысу и озер, находящихся в радиусе 50 километров от эпицентра взрыва, вспучилась, забурлила, со дна ударили гигантские фонтаны воды. Стаи уток взлетели над озером Балыктыколь и закружили над ним, не понимая, что происходит. По поверхности земли, во все стороны от скважины побежали волны, края воронок над старыми скважинами Балапана местами обрушились, а по крутым берегам речек потекли осыпи.

Мамай угадал время взрыва по суете вокруг скважины, предшествовавшей взрыву, и по лицам людей, спрятавшихся в отдаленном бункере и напряженно ожидающих грома. Красное сердце батыра устремилось вниз, под землю, и оказалось в центре взрыва, когда был подорван тротильный заряд, запустивший реакцию деления ядер. Сила, стиснутая со всех сторон толщей земли, сжалась в точку, раскалив вещество до миллионов градусов. Она раздвинула тесноту, образовав горячую сферу диаметром в сотни метров. Атомный огонь нашел слабое место в грунте и подбросил вверх скважину вместе с бетонными пробками. На поверхности, вокруг устья скважины земля вспучилась, образовав полукилометровый в диаметре холм; затем миллионы тонн грунта рухнули вниз, в полость взрыва, и образовалась глубокая воронка диаметром в шестьсот метров.

Прекрасным был самый первый момент взрыва, когда разогретая до сверхвысоких температур точка проткнула завесу между мирами, показав на миг холодное темное пространство царства мертвых. Ослепительная, чистая энергия хлынула в сердце Мамай, раскаляя его до белого свечения. Опьяненный дух батыра взлетел над землей и исчез в небе, оставив белый след. Он блуждал высоко над землей два дня и три ночи, пока не пришел в себя.

В полутора километрах от ангара, за холмом, в июльской безлунной ночи горел костёр, языки пламени облизывали закопчённый алюминиевый чайник. У костра сидел старик Турсун, напротив белым светом слепило огромное, с лошадиную голову сердце батыра Мамай. От костра во все стороны легли длинные тени от восьми человеческих фигур, сидевших кругом. Правда, фигур, способных давать тени, кроме самого себя, конечно, Турсун не видел. Но раз есть тени, значит, есть и люди у костра. Не верить Мамаю, а особенно собственным глазам, не было

никакого резона. Безмолвные и невидимые аруахи¹ (духи **предков**) семи безымянных воинов из тобыктинских родов Жуантаяк, Кокше, Дадан, Толенкожа и Сары пришли к мынбасы по первому его зову. Мамай перечислял названия родов вслух, чтобы Турсун запомнил их и впустил джигитов в свое сознание. Старик смотрел поочередно на колеблющиеся тени и кивал головой.

Ночь длилась бесконечно долго.

- Турсун, - впервые назвал его по имени Мамай, - ты не должен спать, чтобы аруахи не разбрелись, понимаешь? Слушай меня и не спи.

...Мамай тогда был молод, но его слава удачливого воина-единоборца уже дошла до казахов всего Среднего жуза и до калмакских ноянов. Однажды в степи он наткнулся на двух всадников - джунгара и его молодую жену. В опустевшей за годы войны Сары-Арке бродил всякий люд: разбойники, одинокие воины, дервиши, нищие, отбившиеся от разоренных аулов группы одичавших подростков. Все они были опасны. Какого-либо закона, обязывающего пленить или убить встретившегося одинокого джунгарского воина как врага, в степи не было. Чаще при подобных встречах казахских батыров и джунгарских ноянов действовали законы рыцарства. Не всегда, конечно.

Ноян заметил особенный блеск в глазах молодого казаха, когда тот смотрел на его молодую жену. Недаром говорили джигиты: если калмычка красива, то наповал. Как затрепетали густые ресницы, когда Мамай улыбнулся ей хищной улыбкой...

Джунгар все видел и решил наказать дерзкого юнца. Лишь быстрота и гибкость стана спасли Мамай от мощного удара копьем. Батыр уклонился и молниеносным ударом сабли разрубил лицо нояна. Он оглянулся и увидел, что красавица-калмычка натягивает тетиву лука, целясь в него. Мамай не был вооружен щитом, и у него оставалась только одна возможность уцелеть. Он метнул тяжелый нож, и лезвие глубоко погрузилось в грудь девушки. Батыр закричал, как будто нож вонзился в него. Он не хотел её убивать, но инстинкт воина всё решил за него. Не забыло сердце Мамай эту страшную минуту. Наклонившись над прекрасным мертвым телом, он увидел то, чего не заметил раньше. Молодая женщина была беременной.

Род Тинжу нояна пресекся. Духи всех его умерших предков по прямой отцовской линии в этот миг содрогнулись от боли и отчаяния. Отныне им некого было опекать, они осиротели.

- Тогда я не успел похоронить нояна и его жену, за мной погнались всадники из джунгарского дозора, - продолжал Мамай. – Прошёл год. Как-то вечером я возвращался с охоты один на своем вороном, беркут раскачивался на подставке-балдак, борзая тазы бежала впереди. Вдруг очень быстро стемнело, и наступила ночь. Я услышал впереди детский плач, но никак не мог догнать плачущего ребенка, его голос всё время звучал впереди. В темноте, далеко впереди я увидел свет, который приближался ко мне. Светящаяся страшная старуха с развевающимися волосами и с черными провалами вместо глаз напала на меня. Но я рубанул по призраку саблей, и он умчался в темноту. Старуха нисколько не испугала моего беркута и тазы. Орёл, привязанный к балдаку, расправил крылья и снова нанес удар клювом, пес прыгнул навстречу старухе и клацнул зубами. Конечно, их удары попадали в пустоту, но мои помощники готовы были отразить

любое нападение. Трижды призрак старухи бросался на нас, трижды мы яростно дрались с пустотой, и наконец старуха исчезла.

Лучше всего с сонливостью справляются рассказы-страшилки у ночного костра. Вроде бы старик Турсун не очень верил байке Мамай, но, представляя сцену нападения призрака, почувствовал, как мурашки побежали по телу.

...Мамай заблудился. Призрак увёл его в незнакомые места. Батыр поехал на огонёк в ночи и увидел одинокую юрту на берегу речки. Старик-хозяин жил в ней вместе с дочерью, красивой девушкой, одетой как замужняя женщина. Мамай за чаем рассказал им, как его преследовала старуха-призрак. Дочь старика звали Кунбала, и распорядилась в доме она, а не отец: «Это дух мести, воин. Не знаю, за что старуха хочет убить тебя, но ты в эту ночь не должен спать. Нельзя засыпать и твоим помощникам – коню, тазы и беркуту. Только во сне дух может погубить вас».

Она велела собаке лечь в грязь на берегу речки и привязала её к колышку. Беркута приказала посадить на тонкую ветку дерева и привязать лапы кожаными бечевками. Отцу она сказала, чтобы до самого утра он тоже не спал, а водил коня вокруг юрты. Мамай она завела в юрту и легла с ним в постель. «Хитро придумала, - усмехнулся про себя молодой воин. – И не стесняется отца, жаяп!»! (*Блядь.*)

Всю ночь не спал тазы, дрожа от холода в жидкой грязи; раскачивался на ветке, балансируя крыльями, злой беркут; ходили кругами старик и конь. Кунбала до самого рассвета не давала Мамаю спать своими горячими ласками. В перерывах она поила его чаем, в котором развела кусочек опиума. Батыр бредил с открытыми глазами. Он видел её горящие угрюмой страстью глаза и черные волосы, разметавшиеся по подушке, потом белеющую в темноте узкую спину и невыносимую красоту округлостей ниже талии. Лежа на спине, он смотрел на звезды в крестовине шанырака, на какие-то тени, мелькающие в небе. Через открытый на него посмотрела старуха, в темных провалах её глаз батыру почудились ненависть и угроза. Но Мамай был не робкого десятка, да и Кунбала, лежащая у ног, умело поддерживала огонь страсти, в котором сгорали страхи.

- Вот так спасла нас от смерти эта женщина... Я вижу, ты уже засыпаешь. Красавицу я тебе предложить не могу, сам понимаешь, с женщинами у меня сейчас... Давай, бери свою лошадку и води её по кругу. Вставай, друг.

Турсун водил коня по кругу до утренних сумерек. Под утро к ангару подъехали автозак и автобус ПАЗ. Мамай разглядел двух приговоренных к смерти, конвойные провели их к заднему входу в ангар, группа людей из автобуса вошла в объект через переднюю дверь.

Турсун опять ощутил неприятный жар внутри от присутствия в нем чужого и выпил полчайника теплого чая. Ведомый духом, он прокрался к ангару с тыльной стороны. Высокая фигура старика внезапно выросла перед часовым у входа. Солдат не успел скомандовать «стой!». Старик полоснул его ножом по горлу, кровь брызнула, запачкав пыльный пиджак, часовой грохнулся на землю. Турсун несколько не удивился своей неожиданной прыткости, потому что чувствовал, как тело, уже не принадлежавшее ему, налилось чужой силой, ум мгновенно принимал решения, самые эффективные в момент вылазки на вражеский объект. На шум из ангара вышел еще один солдат. Турсун узнал в нем Дильшода, паренька, напоившего его водой. Тело старика метнулось к нему, и рука воткнула нож в

сердце. «Прости, сынок», - прошептал Турсун на казахском, склонившись над Дильшодом, который с укором смотрел на него стекленеющим взглядом. Старик сейчас переживал те же чувства, что и Мамай, убивший беременную жену джунгара. Но вины Мамаея в смерти узбекского парня не было, потому что тот был солдатом. Грех неблагодарности и вероломства лег на Турсуна. Духи предков Дильшода, воинов и дехкан из рода Барлас, бережно приняли отлетевшую душу молодого солдата и проводили её на тот берег.

Турсун осторожно вошел в первое помещение, где располагался пост №2, и приоткрыл дверь в главное помещение ангара. В узкую щель он увидел людей в голубых халатах, военных, наблюдающих за их суетой. Под балкой мостового крана, в середине ярко освещенной клетки стояли два железных кресла, повернутых друг к другу и приваренных к стальной раме. В них сидели два человека с обручами на головах, опутанные множеством тонких разноцветных проводов. Руки и ноги смертников были привязаны ремнями к подлокотникам и ножкам кресел. Огромный мускулистый мужчина в наколках, возбужденный стимуляторами, рвался из кресла и кричал матом. Его визави, молодой светловолосый смертник, содрогался всем телом и безуспешно пытался остановить дрожь, сжимая связанными руками подлокотники. Он боролся с внешней силой, терзающей изнутри, но безуспешно, сила синхронизации была неодолимой. Этот человек, уже полгода готовившийся к исполнению приговора и освоившийся с мыслью о неизбежной смерти, решил не поддаваться страху и любой ценой сохранить ясность ума и независимую волю. Он молчал, стиснув зубы, и пристально глядел на беснующегося человека напротив...

Турсун внезапно почувствовал огромное облегчение и вместе с тем тяжёлую усталость. Дух Мамаея вышел из него, и белое сердце повисло в воздухе перед ним.

- Сиди здесь тихо, - прозвучал голос батыра в голове старика. – Сосчитай до десяти и беги отсюда как заяц от орла. Понял? Беги, иначе погибнешь.

Сердце исчезло. Турсун сел на пол, привалившись к стене. Через несколько секунд из помещения с клеткой раздались дикий вой, крики, грохот падающих предметов, выстрелы. Турсуну показалось, что это длилось долго. Он вдруг вспомнил о счёте секунд и вскочил на ноги, чтобы бежать. Но тут в голове старика что-то взорвалось, глаза ослепли, горячая волна залила всё тело, и, грохнувшись на цементный пол, Турсун умер.

Сердце Мамаея, вновь ставшее красным, висело под сводами ангара и «смотрело» вниз, на мертвых подопытных преступников в залитых кровью креслах, на лежащие неподвижно трупы людей, на перевернутые столы, разбитые мониторы и приборы, потрескивающие разрядами. Белые, синие, красные искорки выплывали из голов мертвых людей и исчезали под сводами ангара. Тени аруахов безымянных тобыктинских воинов, стоявшие цепью вдоль решеток клетки, тихо мерцали фиолетовым светом. Они в точности выполнили приказ мынбасы.

...Воины по сигналу Мамаея одновременно сосредоточили всё внимание и волю на огромной фигуре дергающегося в кресле полуголого человека с разрисованной кожей. Они ощутили его ярость и страх, видели красную пелену перед глазами, готовыми лопнуть от страшного давления крови, чувствовали нестерпимую боль в сердечной мышце, которая вот-вот могла порваться от напряжения. Духи сомкнули кольцо и единым усилием выбросили за границы поля С, за пределы железной клетки энергию синхронизации, исходящую от умирающих смертников. Белое

сердце Мамаея, вобравшее в себя мощь недавнего ядерного взрыва, в тысячу раз усилило импульс. Волна смертельной адреналиновой атаки, разрыва сосудов и беспорядочных конвульсий тела ударила по нервной и иммунной системам людей, находившихся в главном помещении ангара и в комнате поста №2.

Ученые, сосредоточенно следившие за судорогами смертников, военные, наблюдавшие за экспериментом, вдруг начали кричать и корчиться от боли, они в ужасе бегали по помещению, опрокидывая мебель и оборудование. Сигналы синхронизации метались от одного человека к другому, усиливая хаос в их организмах. Страх вызвал у некоторых из них вспышку неконтролируемой агрессии. Кто-то из штатских, схватив тяжелую ножку штатива, начал бить по головам стоявших на его пути людей, видимо, задумав пробиться к выходу из ангара, но сразу упал, обливаясь кровью, хлещущей из лопнувших без видимой причины артерий и вен на голове. Лейтенант-особист с залитым кровью лицом выхватил пистолет и начал стрелять в смертников, возможно, надеясь прекратить безумие, которое, как он сообразил, исходило от двоих в клетке. Третьим выстрелом он попал в голову татуированного гиганта. Все, кто находился в помещении, умерли на месте от обширного кровоизлияния в мозг и паралича сердца и дыхания. В комнате поста №2 встретил смерть и проводник духов старый Турсун. С момента, когда поле С начало расширяться и до гибели всех людей, попавших в смертельный круг, прошло всего несколько секунд.

Мамай и его помощники из мира мёртвых покинули ангар и исчезли в предрассветном небе. Место гибели людей покинуло и поле С.

Подполковник Приемышев с двумя офицерами 13-го отдела Второго главного управления КГБ, инспектирующими спецслужбы полигона, прибыли на секретный объект С после полудня. О ЧП в ангаре сообщил водитель автобуса, в панике примчавшийся на площадку «Г» часам к десяти утра. Он во время эксперимента спал в своем ПАЗе и ничего не видел и не слышал. Проснувшись, он пошел к ангару и увидел трупы двух солдат из караула и какого-то чабана, в главном помещении - тела всех, кто наблюдал за опытами, включая водителя автозака, очень любопытного солдата внутренних войск, который в момент, когда все началось, тихонько стоял в уголочке, глядя на происходящее.

Офицеры из Москвы осмотрели место происшествия, вызвали по рации спецгруппу и сделали множество фотоснимков. ЧП было грандиозным. Погибли семь научных сотрудников, пять офицеров, двое часовых, водитель автозака. И какой-то старик из местных. Сергей Юрьевич Приемышев узнал в мёртвом старике того немытого конюха из села Кенгирбай, куда он с генералом Боженко не раз заезжал на преферанс. Подполковник внимательно осмотрел труп: на теле повреждений не было, лишь из глаз сочилась кровь. За голенищем сапога он нашел нож, испачканный кровью. Очевидно, это старик зарезал часовых. Но отчего погиб он сам? И отчего погибли люди в помещении? Можно ли допустить, что неграмотный пожилой казах, зарезав часовых, впустил в ангар группу диверсантов? Ну, зарезать-то он смог, как видим. Сергей Юрьевич вспомнил, как нагло этот мужик смотрел на него в ту «преферансную» ночь. Вчерашние следы копыт возле ангара тоже наводили на мысли о диверсии. Но эти детективные загадки не были интересны Приемышеву. Тут была тайна иного рода, великая тайна. Характер повреждений на трупах всех погибших ученых и военных, а также

старика-казаха был очень похожим. Подполковник знал, в чём заключается сходство. Людей убило что-то, что одинаково действовало изнутри на всех погибших. Это синхронизация. Он был уверен, что вскрытие шестнадцати трупов, которые скоро доставят в лабораторию Военно-медицинской академии в Ленинграде, подтвердят его предположение. Но невозможно представить себе, каким образом поле С вдруг расширилось, захватив в круг всех людей в ангаре? И куда оно потом пропало? Нет никакого сомнения, что поле синхронизации исчезло без следа. Только что Сергей Юрьевич видел своими глазами, как кошка, каким-то образом выбравшаяся из запертого отсека для хищников, прямо в центре поля С, под окровавленным креслом с мертвым смертником поймала пробравшуюся сюда подопытную крысу. Та жадно слизывала с ножек кресла свежую человеческую кровь. Кошка перекусила шею грызуна и спокойно утащила его куда-то под опрокинутые столы.

Через неделю группу С расформировали. Для Приемывшева случившееся в ангаре не стало концом карьеры, его перевели обратно в 13-й отдел ВГУ, приказав продолжать службу на полигоне. Все документы исследовательской группы С, включая записи кинокамер и другого оборудования, сделанные в последний день, были сданы в архив, направление закрыли. В своё время подполковник сделал копии некоторых, самых интересных, на его взгляд, документов группы С. Черную папку с этими документами он будет хранить до конца жизни. И до самой смерти его будет мучить тайна полей синхронизации.

Глава 7.

В пивном баре, популярном в панельных микрорайонах на западе Алма-Аты, недалеко от здания, известного как штаб Среднеазиатского военного округа, страдающий похмельем народ собирался с самого утра. Лучи мартовского тёплого солнца падали из окна на белую пластиковую столешницу, хрустальные грани пивной кружки отражали преломлённый свет на белую штукатурку потолка, холодное пиво светилось мёдом и янтарём. Аспирант-филолог Укутай Касымов медленно отходил от очередного приступа «моторной афазии», как было записано в его медицинской карточке; в свое время он откосил от армии благодаря этому диагнозу логопеда. О работе над диссертацией, которую он забросил, вспоминать сейчас не хотелось, хотя на завтра ему назначена встреча с научным руководителем. Последние месяцы Укутай занимался совершенно посторонним делом – изучал древнетюркский язык, погружался в тексты, в которых звучали такие знакомые голоса, что невозможно было оторваться от чтения.

Лица мужиков, стоявших за высокими столиками, выражали глубокое раздумье, вошедшие позже медленно и плавно передвигались по полупустому залу пивного заведения в поисках удобного места, осторожно держа в руках золотистые пенные бокалы. Каждый был занят собой, и в помещении царил атмосфера всеобщей умиротворенности. После трехдневного молчания, сопровождаемого сеансами путешествий в пустоте, Укутай переживал сейчас остаточные эффекты аберрации сознания. Наблюдая за похмеляющимся смуглым длинноволосым человеком в грязной бордовой куртке, вероятно, художником или киношником, он с некоторым усилием вошел в его состояние, отождествив себя с ним, сосредоточился и «поймал эффект», опередив реальность на доли секунды. Теперь он видел то, что должно случиться через несколько мгновений. Художник скорбно

вздыхнул и сделал несколько больших глотков, ополовинив кружку. Через секунду он как бы вернулся на миг назад. В руках у него снова была полная кружка пива, и художник в точности повторил действие еще раз. Аспирант сам толком не понимал, что происходило в такие мгновения: он действительно заглядывал в будущее на доли секунды или мозг каким-то образом удваивал акты восприятия и создавал иллюзию ясновидения.

Аспирант тоже допил свой бокал жигулёвского, и аберрации, наконец, прошли. Теперь он видел помещение пивной и посетителей в ней такими, какими они обычно предстают перед людьми. Пиво потеряло янтарную насыщенность цвета, превратилось в мутноватую жёлтую жидкость, солнце потускнело, а предметы и люди лишились таинственности и стали скучными.

За дальним столиком стоял костлявый светловолосый офицер, с жёстким сухим лицом. Издалека он был похож на актёра Николая Олялина из фильма «Освобождение». Он определённо напоминал ещё кого-то из знакомых. Офицер раздавал карты и что-то объяснял двум солидным дядькам. Укутай с кружкой в руках перешёл к столику с картёжниками и встал рядом с мужиками, вникая в суть преферансной задачки. В пивных такая бесцеремонность не осуждается, здесь все на ты. Полковник, как разглядел его звёзды Укутай, задал невыполнимую задачу: всучить взятку играющему мизер с семёркой, девяткой и валетом на руках за последние три хода, при произвольно выбранных картах вистующих. Каким-то невероятным образом он разыграл карты так, что в итоге валет взял десятку.

Укутай уже узнал в нём майора Сергея Юрьевича Приемьшева, с которым познакомился в детстве в доме главбуха совхоза. Полковник изменился, постарел и стал более жёстким, судя по его глазам. Укутая, конечно, не вспомнил. Он отправил проигравших пары мужиков к стойке за пивом.

- Ну, что там с результатами? Разбегаемся или как? – задал Приемьшев непонятный вопрос.

- Не, я ещё пивка, - после долгой паузы, ушедшей на размышления над словами полковника, ответил Укутай. – Мозг весь высох.

- Да, действительно ссохся... Я про референдум, парень!

И аспирант узнал от полковника, что вчера, 17 марта 1991 года, советский народ голосовал за сохранение СССР. По радио говорили, что все «за» и что прибалты и грузины с армянами не голосовали совсем. Оказывается, не голосовал и этот представитель братского казахского народа, страдающий иссушением мозга.

- Я болел всю неделю, Сергей Юрьевич.

Настоящий гёбешный волк этот полковник. Совершенно спокоен, даже расслаблен, как будто незнакомый человек только что не застал его врасплох. Только голубые глаза стрельнули вправо-влево... «Хорошо, джигит, ты знаешь, что я не знаю, откуда ты знаешь меня. Но ты не знаешь этого наверняка, может быть, я узнал тебя, и мы оба сейчас в равном положении и беседуем как старые знакомые».

- Надо беречь себя, сынок. Времена-то нынче тяжелые, голодные...

«Не думать об опасности, расслабиться. Пусть пляшут ассоциации. Пиво, молодой казах, преферанс, референдум, преферанс с генералом, старый казах, конюх, наглый конюх, СМЕРТЬ В АНГАРЕ, мальчишка с пиалой, тонкий шрам

над губой, кислое молоко, сын Чингисхана. Как его? Угедей. Укутай! Такой же едва заметный шрам у этого парня...»

- Совсем большой стал, Укутай, - ласково сказал Сергей Юрьевич. Парень как-то связан с проклятым конюхом. Родственник? – Как там дедушка Турсун?

Укутай был восхищён памятью и проницательностью полковника: через столько лет узнать в нём мальчика, которого видел всего лишь раз! И ведь ни разу не выдал себя, тасовал карты, пил пиво и, видимо, выжидал, наблюдая за ним. Ну, и собой восхитился тоже - всё-таки вспомнил, как зовут майора из детства.

- А, конюх, что ли? – дружелюбно ответил Укутай. - Так он погиб лет семь назад, ваши и увезли куда-то его тело. Да вы, наверное, знаете! Говорят, что вместе с ним погибло много ваших, полигонских?

- Он, я слышал, один жил, без семьи, - Приемышев словно не слышал вопроса. - Общался с кем-нибудь?

- Не знаю. Угрюмый он был, неприветливый, кто будет с таким общаться? Мы в детстве считали его колдуном, шаманом. Дразнили «Турсун, чтоб тебя бог стукнул по темени». Вот и стукнуло старика...

Конечно, Укутай не стал рассказывать полковнику о пылающем сердце дедушки Буркута, о своих подозрениях относительно причастности к этому чуду конюха Турсуна, имевшего привычку общаться с летающими красными фонарями. Если бы он рассказал, Приемышев, судя по петлицам, по-прежнему работающий в КГБ, сразу же привязал бы эти фантастические факты к ЧП на полигоне. В итоге разработка новой версии ничего бы ему не дала, но могла потрепать нервы всем: самому Укутаю, Буркуту, Алимжану, Советхану и даже Нурику, свидетелю беседы конюха с фонарем.

Проигравшие мужики притащили шесть полных кружек, угостили и Укутая. Приемышев выведал у аспиранта, как назвал себя «потомок Чингисхана», адрес его общежития, решив продолжить знакомство с человеком, знавшим лично таинственного конюха.

- Здравствуйте, Айапа, - сказал Укутай, обнимая маму Буркута. Она вежливо улыбалась молодому человеку, который, по рассказам сына, с детства дружил с ним и вот приехал на вокзал встречать их. А зовут его Укутай. Айпара не помнила ничего из прошлой жизни и вела себя с ним как с человеком, только что представленным ей. Укутай думал увидеть унылую, с потухшими глазами сгорбленную старуху, а встретил красивую, чуть располневшую 42-летнюю женщину. Так странно было видеть, что тетя Айпара испытывает смущение и неловкость, не зная, как вести себя с незнакомым молодым человеком. На вид она была вполне здоровой, но Укутай заметил, что Айапа, как ребёнок, во всем полагается на сына, шагу без него не может ступить.

Буркута он тоже давно не видел, прошло лет шесть, наверное, после их встречи в Аягузе, когда тот навестил друга Уку перед своим отъездом на учебу в Ленинградский университет. Он стал еще выше ростом и был суров и элегантен в своем чёрном потёртом пальто с длинными полами и стильных тёмных очках. Буркут больно стиснул его руку и обнял. Черт, а ведь он единственный в мире по-настоящему близкий человек.

Укутай договорился с комендантшей своего общежития, сунув ей фиолетовую банкноту номиналом 25 рублей, и поселил Буркута с мамой в пустующей комнате этажом ниже. Днём они ездили по докторам в надежде на излечение Айапы от амнезии средствами современной медицины, которые, увы, не помогли ей в Ленинграде. У Айпары в последние дни уже не осталось веры в докторов, и она сама поехала и разузнала у женщин, сидящих в очередях в диагностическом центре на Ауэзова – Джамбула, адреса самых сильных алма-атинских народных целителей и экстрасенсов. Буркут скрепя сердце возил её по разным шарлатанам, внезапно расплодившимся в начале 90-х годов. А время шло, деньги заканчивались.

Однажды Буркут принес матери триста рублей мятыми мелкими купюрами. Проблема с проживанием в комнате решилась сразу, комендант за червонец сверху расщедрилась на два дополнительных одеяла, чистое постельное бельё, стол с тремя стульями и старую алюминиевую кастрюлю. Айпара купила на базаре отличное мясо и целый круг казы и приготовила роскошный ароматный бешбармак. Готовить она не разучилась. Укутая, росшего без матери и привыкшего к невкусной готовке вечно занятой на работе сестры, Айапа приглашала каждую неделю на свой коронный бешбармак с тёмным тестом из муки второго сорта. Её кулинарный секрет заключался в необыкновенном вкусе этого теста, сваренного в бульоне и подаваемого с нарезанным мясом. Для гостей, конечно, раскатывалось тесто из белейшей муки высшего сорта, но домашний, любимый «второсортный» бешбармак был в тысячу раз вкуснее. Вот его-то и подала Айапа в бедной комнате алма-атинской общаги.

Укутай как будто снова оказался в детстве, в лучшем на свете месте, каким для него был дом Айапы. Она слушала воспоминания мальчишек с забавным выражением легкого недоверия на лице, но живо реагировала на драматические или смешные случаи из бесконечной саги о приключениях героев на бескрайних просторах неведомой ей страны. Иногда на лице Айпары появлялось выражение скуки и усталости, когда ребята начинали спорить, выясняя какие-то обстоятельства или имена незнакомых ей людей. В разговоре Укутай нечаянно упомянул имя бросившего её мужа, Айдоса, но Айапу это несколько не взволновало. Выдержит ли она, когда вместе с памятью к ней вернутся боль, обида и страх? Но Буркут прав: жизнь в пустоте, без опоры на прошлое, с утраченными профессиональными навыками, в вечной неуверенности, наверное, хуже любой боли...

- Откуда бабки? – в лоб спросил Укутай, закуривая «Казахстанские». Буркут не курил, но тоже вышел на балкон, чтобы не мешать матери прибираться после ужина.

- Я их заработал за шесть секунд. У вас тут в парке Горького проводят подпольные бои без правил, слышал? Народ делает ставки, спорттики бьются в кровь. А перед боями людей развлекают стриптизерши там, гиревики и те, кто на руках борется. Я вышел к столу с качком, который с ходу хотел взять меня крюком - бицепсы у него как яйца у быка, но я опередил его и верхом заломил, запястье у него слабое, качок же. Триста рваных за выход, неплохо, да? Мне теперь надо выходить сразу на местную знаменитость, чтоб из-за контраста с моими мослами все ставили на него.

На промоутера аспирант-филолог не тянул, поэтому Буркуту пришлось самому выходить на организаторов подпольных зрелищ. Рисковый кореец Лаврентий согласился выставить Буркута один раз.

С недавних пор Сергей Юрьевич стал замечать признаки слежки за собой. Что могло интересовать посторонних в работе сотрудника 13-го отдела ВГУ КГБ, уже лет десять ведущего семипалатинское направление? Всем было ясно как день, что Назарбаев скоро закроет полигон. Напористый, если не сказать, наглый, секретарь Семипалатинского обкома Бозтаев еще в 89-ом безнаказанно требовал от Горбачева прекратить испытания, а сейчас он позволяет себе вторгаться на территорию полигона, когда ему вздумается. Оттуда сейчас вывозится всё, что может представлять интерес для противника. Все действительно важные документы уже в Москве.

Все ли? Чёрная папка с копиями некоторых материалов исследовательской группы С и парой оригинальных листочков, заполненных от руки формулами и расчетами, хранилась у него в алма-атинской служебной квартире. Но кому нужны эти бумажки? Направление закрыто, поле С исчезло, погибли люди, а физики потерпели фиаско, не обнаружив никаких материальных проявлений поля синхронизации.

...Очевидно, бумажки понадобились тому, кто рылся в архивах КГБ в Москве и обнаружил пропажу рукописных страничек. Приемышев забыл о своей оплошности как раз потому, что был уверен: вероятность того, что кто-то вернётся к материалам группы С, нулевая. Оплошность заключалась в том, что он оставил в архиве ведомства, в сером скоросшивателе первую страницу рукописи математика Макухи. Приемышев очень спешил, в любую секунду в помещение с особым доступом мог войти кто-нибудь из сотрудников Учетно-архивного отдела. Он решился на безумный шаг и вырвал подшитые листочки с формулами. В кабинке гумовского туалета он обнаружил, что первый листочек остался в скоросшивателе. Как сказал бы закадровый голос актёра Копеляна, это был провал. Если б он не оставил его там, никто бы не заподозрил неладное, ведь рукописные странички не были внесены в перечень подшитых документов; он знал это точно, потому что сам сортировал бумаги группы. К тому же Приемышев вырвал листочки «с мясом», оставив в скоросшивателе явные следы изъятия части документов. И что ему стоило скопировать расчеты математика ещё в Семипалатинске!

Но тогда в голове полковника была каша. Он позже пришел к невероятной догадке: если и есть хоть что-то обнадёживающее в материалах по полям С, так это безумная идея Владимира Макухи о возможности вычисления координат новых, еще не проявивших себя полей С с помощью каких-то головоломных математических фокусов.

Идея действительно выглядела безумной, потому что в распоряжении математика были координаты всего лишь трёх, уже исчезнувших полей: у скважины №126, затем у дерева в верховьях Чагана и в степи к северу от площадки «Г», где были обнаружены погибшие волки и кобыла с жеребенком. Ну, и куча данных по физике, геологии и даже метеорологии в районе полигона. С первой попытки Макуха не угадал. Результаты расчетов показывали на точку рядом с большой воронкой над скважиной Глубокая (координаты точки 50.026678_N_78.995627_E), где в ноябре 1977-го был произведен взрыв мощностью 70 килотонн. Но тщательное обследование площадки, опыты с

животными, проведенные в предполагаем круге С, свидетельствовали о том, что поле синхронизации здесь никак не проявляет себя. А что если математик не ошибался, и поле С проявило себя здесь в другое время и затем исчезло? Или появится потом? Сам полковник никогда бы не разобрался в расчетах Макухи. И ведь никому их не покажешь.

Сергей Приемышев закурил и посмотрел в окно кабинета на заснеженные вершины Алатау. В этом здании два года назад располагался штаб упразднённого ныне Среднеазиатского военного округа. Теперь здесь обитают различные службы ТуркВО, пограничных войск, а также куча малопонятных организаций, не всегда имеющих отношение к министерству обороны СССР. В том числе и липовая фирма «Ариель», занимающаяся поставками электронного оборудования для военного ведомства. Приемышев сидит в «ариелевском» кабинете с видом на горы уже месяц, занимаясь делами, связанными с китайским полигоном в Лобноре.

Чёрт, какая это красота – горы Алатау весной. «Разбегаемся или как?» Разбежимся, даже если все проспавшие референдум аспиранты и алкаши проснутся и проголосуют за Союз. Локомотив разогнался и тащит состав к разобранному мосту...

Полковник не смог бы объяснить, зачем ему нужны были материалы в черной папке. Не для продажи же. Во-первых, Приемышев не торгует государственными секретами СССР и никому этого не позволит. Во-вторых, он сильно сомневался в ценности отрицательных результатов работы группы С. Но тайна, нераскрытая тайна гибели людей в ангаре сводила его с ума. Он иногда чувствовал дыхание разгадки, но она вела куда-то за пределы вообразимого. И он снова возвращался к телам погибших в поле Синхро №126, к старику-конюху, которого он уже ненавидел – не за содеянное даже, а за нелепое, необъяснимое присутствие на месте ЧП... Может быть, стоит приглядеться к аспиранту, с детства знавшему старика? Похоже, он чего-то недоговаривает.

Приемышев позвонил в Москву своему бывшему шефу, начальнику Управления «Н» генерал-майору Георгию Владимировичу Пипия. Повода никакого не было, да и субординация в данном случае нарушалась. Но у Сергея Юрьевича сложились хорошие отношения с генералом на почве их интереса к истории. Доктор наук Пипия ценил Приемышева за хорошие познания в новейшей европейской истории и интересные рассуждения в жанре Alternate History, тогда ещё не вошедшем в моду. Полковник вежливо выслушал притворно жалобные ответы старого генерала на вопросы о здоровье, плавно перешел к делам на полигоне, в конце разговора вспомнил о драматических событиях, связанных с группой С, как о прекрасной теме для бесед об альтернативах, и вскользь поинтересовался перспективами этого направления. Генерал удивился вопросу: все материалы пылятся в архиве и останутся там до скончания веков.

Полковник немного успокоился. Итак, официального расследования факта пропажи документа не затевали. Это значит, что а) расчетами математика заинтересовались посторонние; б) самого математика, эмигрировавшего в 1988 году, они не нашли, возможно, его нет в живых, поэтому пошли по следу Приемышева; в) в действительности дело вовсе не в листочках, исписанных Макухой, и, следовательно, не в поле Синхро, а в чём-то другом. Последний пункт и версией-то не назовешь, поскольку он не поддается проверке. Но в густом тумане

надо быть готовым ко всему. Хорошо. Займёмся несанкционированной «наружкой». Интересно, это «семерка» или чужие?

Буркут взял ещё пятьсот рублей за победу над известным местным рукоборцем, и Лаврентий решил, что на этом тощем феноменальном армрестлере можно неплохо заработать. Он назначил ему встречу возле Центрального стадиона на проспекте Абая, чтобы обговорить условия предстоящих поединков. Укутай остался ждать друга в забегаловке. Буркут, в неизменных чёрных очках, подошел к двум парням, тоже в очках с тёмными стёклами, одетым неприметно, но не бедно. Видимо, один из них был тем самым Лаврентием, а второй - квадратный кореец – его напарником или телохранителем. Они о чем-то сдержанно говорили, никто не жестикулировал, азиатские лица всех троих оставались бесстрастными. Лаврентий незаметным движением что-то сунул в руку Буркута, и деловые люди, не прощаясь, удалились.

- Я приветствую будущее науки нашего Отечества, - поздоровался Приемышев с Укутаем и его другом, сидевшими за столиком грязной забегаловки. Он был в штатском. Интонация и улыбка должны были показать, что полковник умеет быть своим в доску в компаниях мэнэс и прочих работников НИИ, недавно составлявших солидную прослойку советского общества, а ныне сильно обнищавших, но ещё не пропивших гонор и ужимки интеллектуалов.

- Сергей Юрьевич, это друг моего детства Буркут, математик из Ленинграда. Садитесь с нами.

Приемышев с сомнением оглядел заведение и повел филолога и математика в ресторан недалеко от Дворца спорта. Он был серьёзно обеспокоен возможной слежкой. Полчаса назад два азиата в темных очках вошли в автобус вслед за ним и сидели сзади, не проронив ни слова. Они встали с сидений только после того, как полковник вышел из автобуса. Парочка выскочила следом и пошла за ним, отстав немного. Полковник резко развернулся и пошел навстречу. Азиаты прошли мимо. Приемышев проследил за корейцами или китайцами, не разобрать сразу. Парень-казах в чёрном пальто и чёрных очках о чем-то поговорил с ними, спрятал в кармане какую-то передачу из рук в руки и зашел в забегаловку возле остановки. И снова совпадение – парень в пальто оказался другом аспиранта из пивбара, который знал конюха.

Сергей Юрьевич угостил будущих казахских ученых водочкой и неслабой закуской. Укутай сразу раскраснелся, а друг его сидел молча, не снимая очков. Он не закидывал рюмку разом, как все, а медленно цедил водку как воду. Неприятно было смотреть на это. Парень из Ленинграда. Туда отправили трупы погибших в ангаре, включая конюха. И кто были эти два «хвоста»? На людей из «семерки» не похожи, квалификация не та. Интересно девки пляшут. Особенно если учесть, что вчера кто-то порылся в служебной квартире полковника и искал, скорее всего, документы, вещи не трогал. Черную папку Приемышев спрятал на даче случайного знакомого раньше, как только заподозрил слежку.

Буркут и полковник не понравились друг другу. И дело было не в манере пить водку. Что-то похожее на древнюю вражду двух биологических видов разделяло их, взаимная неприязнь была естественной, давней и не требовала немедленного действия. Чужой может есть и пить с тобой, но он чужой.

- Друзья, вы знаете, что случилось на полигоне, когда погиб ваш конюх Турсун? - Приемышев решил провести разведку боем. – Эксперимент вышел из-под

контроля, всех убил ультразвук огромной силы. Это секретная разработка, понимаете?

- Это то, о чём я подумал? – спросил вдруг Укутай и расхохотался. Да, поплыл паренёк.

- Признаться, я не могу понять, как там оказался ваш старик?

- Если я вам скажу, то должен буду пристрелить вас, - влез с очередной голливудской фразой Укутай, приглашая посмеяться над удачной шуткой. Через минуту он уже клевал носом, не слушая разговор сотрапезников. Буркут уложил друга на диванное сиденье и укрыл курткой. Тот заснул сразу. Бывали у Укутая моменты в жизни, как правило, связанные с неудачами на любовном фронте, когда он с удовольствием и быстро напивался. Сейчас аспирант ворочался и стонал во сне. Ему привиделся бесконечный ряд нулей и единиц, бегущих вдаль и исчезающих в черной воронке. Она затягивала в водоворот и Укутая, но он сопротивлялся из последних сил...

- Скажу больше, он не просто там находился. Он зарезал часовых.

Буркут оставался невозмутим.

- Ты ведь его знал. Он мог это сделать?

- Сам Турсун ага не стал бы убивать. Может, заставили. А так сил у него достаточно, чтобы зарезать кого-нибудь.

- Кто его мог заставить? Он ведь жил бирюком, да?

Осторожность Укутая, не хотевшего подставлять кенгирбайских очевидцев летающего сердца и «волшебного» дерева, оправдана, конечно, думал Буркут. Но почему так сильно обеспокоен полковник? Сдается мне, никакой не ультразвук убил кучу народа. Разработки ультразвукового оружия ведутся во всем мире давно, его воздействие изучено вдоль и поперек. Даже если людей убил ультразвук, то причина – только в халатности людей. Поиск виноватого – это забота не полковника КГБ. Что же там такого случилось, что Приемышев потерял покой?

- Да. Мы в детстве считали его колдуном. К нему прилетал красный фонарь, и они разговаривали, - Буркут тоже решил рискнуть. Он-то был уверен, что красное сердце, карагач, полеты вне тела, страшная драка Алимжана с чабаном, да и Турсун как-то связаны друг с другом. Гибель людей на полигоне, очевидно, тоже.

- Кто ещё разговаривал?

Нет, полковник, так не пойдёт, я не в твоих застенках.

- Я тут подумал, а что если фонарь заставил Турсуна убить часовых?

- Зачем?

- Чтобы убить остальных.

- Чем?

- Ну, ультразвуком же!

Да этот сопляк-математик смеётся над ним. «Ультразвуком же!» Ну да, неграмотный чабан пробрался к генератору ультразвука, включил его, развернул пушку и давай стрелять очередями... А ведь мой новый друг мог что-то знать о поле синхро. Не исключено, что пацан был под карагачом или слышал о странном дереве. Можно не знать названия поля, но на себе испытать эффекты синхронизации. Это касается и старика. Но что за сказки про какой-то фонарь?

Предположим, была такая штука, и она заставила старика резать часовых. А как фонарь убил остальных? Как он расширил поле? Летающий генератор гипноза, б...

Об этом он ещё подумает. А сейчас дело принимало серьезный оборот. Этот мальчишка связан с людьми, которые обыскали квартиру Приемышева и следят за ним. Им нужны расчеты Макухи, никакой другой причины полковник не находил. Им нужны координаты нового поля С. И это не его родная контора. Это чужие люди.

У Буркута были свои соображения относительно странного ЧП на полигоне. Что если сила карагача переместилась туда, где военные проводили эксперименты, а затем еще куда-нибудь? Эта сила могла бы излечить маму от амнезии. Буркут, не задумываясь, вошел бы в круг и принял в себя болезнь матери. В душе он надеялся, что потом смог бы вернуть себе память. Опыт полета вне собственного тела, приметы необычайной силы духа, просыпающейся в критических ситуациях, внезапные прозрения, похожие на чтение мыслей других, внушали ему уверенность в том, что он способен почти на всё.

- Сергей Юрьевич, а почему опыты с ультразвуком проводились в безлюдной степи, а не в лаборатории под Москвой, например? Что, у армии недостаточно секретных бункеров?

- Много будешь знать - скоро состаришься. А хочешь, орёл, я скажу тебе, где бы я проводил такой эксперимент?

- А без «бы» сказать не хотите?

Буркут снял очки и смотрел на полковника немигающими, вытаращенными глазами. Интересно, подумал Приемышев, оказывается, выражение человеческим глазам придают движения век, складок вокруг них, бровей, всего лица, наконец, а не сами круги радужной оболочки и зрачки. У этого взгляд не выражал ничего. Сомнений нет, ему нужны координаты, он даже не скрывает этого.

- А без «бы» тебе и твоим дружкам придется самим поискать.

Не очень было понятно, о каких дружках говорит полковник, но он определённо имел в виду поиски аномалии, подобной той, что была под карагачом. Беседа с недомолвками, скрытыми угрозами, как ни странно, сблизила Приемышева и Буркута. Они расстались почти друзьями, но каждый уже вынашивал планы, в которых они отводили друг другу роль врага, которого, возможно, придется убить.

Глава 8.

- ...Я уверен, он знает, куда переместился гипнотический круг, - заключил Буркут свой рассказ о том, «что было, когда ты отрубился». Он сидел на кровати и бережно массирует распухшие запястья. Буркут, конечно, феномен, но всегда найдётся тот, кто сильнее тебя. Пора ему сделать перерыв, иначе порвет связки.

- Там гипнозом и не пахло, неудачное название ты придумал, - возразил Укутай. - Мы видели себя сверху, это трансперсональное состояние.

- А драка? Они не смогли задушить друг друга, потому что, я полагаю, физическое состояние одного стремилось подстроиться под состояние другого. Ни Алимжан, ни Советхан явно не собирались летать. Это место воздействовало на них и на нас неизвестным способом и с разным результатом. Ну, назови его генератор или круг Х. И оно способствовало передаче моей болезни тебе. Всё-всё,

молчу... Ука, ты бы вошел в круг Х - так мы теперь будем называть его? - если б довелось?

- Главное – с кем? Я бы пошел с человеком здоровым во всех отношениях, кроме одного: он должен страдать точно такими же приступами, как и я.

- А, понятно, «не навреди»... Я думаю, там, на полигоне, они обнаружили круг Х, и Турсун сделал что-то, что убило всех, кто стоял рядом. А знаешь, почему полигонские не дали его похоронить? Наверняка они увезли все тела на секретную экспертизу. В Ленинград, в лабораторию Военно-медицинской академии.

- Почему в Ленинград?

- Объясню. Года два назад ночью я брёл по переходу метро. Помнится, я не ел уже вторые сутки, ослаб немного. И тут навстречу идёт наш дедушка Турсун, в сапогах, в пыльном пиджачке, лицо залеплено засохшей кровью. Прямо призрак замка Моррисвиль. Он встал прямо передо мной и говорит: «Буркут, это ты?» «Да, отвечаю, салам алейкум, Турсун ага». Он приблизил лицо, едва не касаясь меня носом. И в упор смотрит на меня, как будто рыбку в аквариуме разглядывает. «Где я тебя видел, каракус, чёрная птица?» Тут я понял, что мешаю разговору старика с каким-то орлом, которого он разглядел внутри меня. Галлюцинация была интересной, наполненной возвышенным мистическим смыслом. И я громко кричу ему прямо в ухо: «Турсун, куда ты тобеннен урсун!» Он не слышит. «Я же видел тебя мёртвым, - продолжает дедушка свой потусторонний разговор. - Ты волка взял на снегу. Мою овцу отбил. Советхан, гад, дал мне зарезанную харамную овцу вместо живой». И тут призрак заплакал. Вот скотина этот Советхан! Слёз у призраков не бывает, Турсун сморщил лицо в гримасе плача и бормотал: «Спасибо, Буркут, теперь я знаю, кто я и откуда, кончились мои скитания...». И исчез, просочившись сквозь стену перехода, как это бывает у нормальных призраков.

- Галлюцинации?

- А что еще? Летающее сердце моего дедушки, сны под карагачом, наши полёты и моя встреча с призраком – это реальность, не подлежащая сомнению. Но это реальность нашего сознания. Проверке физикой эти факты не поддаются. Ты же не веришь в призраков, в реальность иного мира? Я думаю, умирая, все мы увидим тот мир, но он исчезнет, как только мы умрём окончательно. Некому будет смотреть на него.

- Ты хорошо запомнил слова Турсуна? Слово в слово? Хорошо. И ты не знаешь ничего о случае с беркутом, волком и овцой?

- Я знаю точно, что Советхан скотина...

- В феврале 84-го Турсун и Советхан пошли по кровавому следу пропавшей чёрной овцы. Они наткнулись на мёртвого волка и еще тёплого, но, несомненно,дохлого, погибшего в схватке беркута. Рядом лежала чёрная овца. Чабан забрал убитого волка и зарезанную овцу. Турсун не позволил Советхану отрубить лапы орла на амулеты, и птица осталась на снегу. Через несколько дней очень похожий на погибшего орла большой беркут с перебитой лапой сорвал с забора висевшую шкуру волка и исчез с ней в облаках.

Буркут снял очки, что означало, что он собирается дать отпор. Но раздумал и снова надел их.

- Сколько же он скитался по тоннелям питерского метро и канализации? Пять лет! Бедный, бедный Турсун ага.

Буркут всхлипнул понарошку. Он валял дурака, тянул время. Видно было, что он ошарашен. Укутая, откровенно говоря, тоже страшно поразил рассказ друга. Если тот опять не разыгрывал его. Нет, не розыгрыш. Было бы глупо, бессмысленно и непристойно выдумывать такое только ради шутки. Если Буркут действительно не слышал о случае на зимовке Советхана, то... то Буркуту не отвертеться. Но друг завёл разговор совсем о другом:

- Знаешь, что случилось однажды в лаборатории Черногорской? Там исследовали проблемы распределенного сознания. Как практикант я должен был следить за чистотой эксперимента, вести записи и прочее. И вот по одну сторону ширмы сидит студент с набором лего в руках, по другую – пацанчик Никита лет пяти точно с такой же игрушкой. Малыш попался гениальный, он толково объяснял дяденьке за ширмой, какую деталь куда прикрепить, чтобы оба они построили одинаковую, достаточно сложную фигуру из сотен деталей. Если б он умел материться, у всех в лаборатории завяли бы уши, я думаю, потому что студент был натуральный тормоз. Потом мы повторили опыт в зеркальном виде – уже студент втолковывал чудо-ребёнку, какую загогулину вставить в штуковину, похожую на «гелендваген», а какую присобачить сбоку. Он устал, как боксёр в пятнадцатом раунде. И тут вундеркинд говорит ему: «Ты, дяденька, ничего не говори, а просто собирай лего». Это был один из множества похожих экспериментов, поэтому я не стал вмешиваться, выдохлись ведь оба. Треникнул сигнал, опыт закончился. В руках малыш держал собранную фигуру – точь-в-точь такую, как у студента. Он не мог подглядывать, ширма была плотной, не мог подменить игрушку – я ведь сидел на контроле. Татьяна Владимировна не поверила мне и заставила повторить опыт. Но у малыша ничего не получилось. Ни на второй, ни на пятый раз.

- Поэтому тебя попёрли из лаборатории?

- Попёрли? Не, она тетка добрая. Я взял отпуск без содержания.

- Я бы попёр. Ты подгоняешь результат под идею. Что доказывает твой случай? Что телепатия существует? Да ты шутишь! Результат опыта должен повторяться регулярно. Значит, произошла ошибка, ты вздремнул, может быть. Понимаю, что ты хотел сказать. Во время встречи с призраком ты посредством телепатии получил извне информацию о дохлых хищниках и двух мужиках, нашедших их февральским днём, а твой мозг разыграл перед тобой мистическую сцену, в которую ты мужественно отказывался верить, считая происходящее галлюцинацией. В итоге ты остался на позициях здравого смысла, сдав мракобесию второстепенную высотку - признав возможность телепатии. Зато ты отстоял главную крепость, не дав разуму погибнуть - не пустил в него призраков, чертей и химер.

- Да я-то чё, я ничё... Я сам в шоке. Не просто всё это, ох, как не просто... Ты послушай, что было после встречи с Турсуном. Помнишь мой амулет в виде орла? Я же потерял его, когда после шестого класса уезжал в Питер. Два дня искал – нет нигде. Бабушке ничего не сказал, боялся, что обидится. Это же её подарок. Так вот, я вышел из метро, чувствую, что-то жжётся на груди, как будто пчела укусила. Смотрю, а там вот это.

Буркут раскрыл ладонь, на которой лежал маленький серебряный орёл с шелковым почерневшим шнурком. Тот самый, из детства. Укутай взял его в руки. Холодный почерневший в бороздках кусочек серебра. Весит, может быть, один-два грамма. Привет от призраков и химер. Галлюцинации, телепатия, совпадения – всё это было зыбко, позволяло с удовольствием спорить, рассуждать и оставаться на твердой почве. Но вот он, кусочек металла, побывавший в руках воображаемого призрака и пришедший из мира, которого нет... А, собственно, почему бы не допустить, что нечто несуществующее могло каким-то образом воздействовать на существующее? Вернее, так: ментальное каким-то образом воздействовало на материальное. Ведь сознание таинственным, но совершенно явным образом воздействует на тело, заставляя его двигаться. Нет, тут немного другое: сознание воздействует только на мозг, а не на предметы материального мира вне тела. Бедный Укутай заблудился в дебрях где-то вычитанных мыслей и испытал настоящее отчаяние. Ему захотелось спрятаться в обманчиво уютной нише эпифеноменализма. Осознанные мысли – это фантомы, сопровождающие работу мозга, как отблеск электрической дуги сопровождает работу сварщика. Мозг сам справится с любой задачей, поэтому надо успокоиться и отбросить иллюзию, будто мои мысли и воля самостоятельны и что-то решают. Иначе с ума сойдешь.

- Тьфу ты!

Мозг и в самом деле справился сам, вытолкнув на поверхность сознания простенькую догадку. Укутай схватил увесистый том словаря Ожегова и через всю комнату швырнул его, целясь в Буркута. Тот, не меняя позы, молниеносным движением схватил летящий тяжелый снаряд и бережно положил на подоконник.

- Артемисия, - сказал он с удовлетворением в голосе и поднял указательный палец. Шутка с амулетом удалась. Укутай расхохотался. Сраный сенсей, устроил тут сатори с коанами. И обижаться на него невозможно. Сейчас начнёт объяснять, что, сочинив историю про амулет с того света, хотел продемонстрировать слабость ума, опирающегося на видимые, но обманчивые факты. То есть отплатить той же монетой за недавнюю обличительную речь друга о разуме и химерах.

- Ука, - сказал вдруг Буркут серьезным тоном и снял очки. – Я должен выпытать у твоего Приемышева координаты круга X. Он их где-то прячет. Болезнь мамы неизлечима, ты это знаешь.

В общей кухне общежития этажом ниже Айпара уронила на кафельный пол тарелку, которая разлетелась на кусочки. Острое переживание мгновения - когда тарелка выскользнула из рук и сознание устремилось за ней, пытаюсь подхватить и спасти хрупкую керамику, а тело не успело это сделать, и осколки разлетелись по всей кухне – едва не пробудило похороненную память. Там в темноте лежали все свершившиеся события, страшные в своей необратимости, как эта разбитая тарелка. И Айпаре показалось, что и в будущем её ждёт что-то неотвратимое.

Глава 9.

Приемышев был неприятно удивлен тем, что заместитель начальника Управления «Н» подполковник Максим Котов прибыл в Алма-Ату, не предупредив его. В конце концов и «Н», и «13-ый» входили во Второе Главное Управление, а Сергей Юрьевич фактически являлся представителем ВГУ на полигоне. Перестали уважать? Слухи о скором уходе на пенсию 65-летнего Георгия Пипия могли

навести коллег, подобных Максиму, на мысль о не менее скором конце карьеры строптивного Приемышева, единственным покровителем которого в ВГУ был этот генерал-абхаз. Да и в самой системе происходили непредсказуемые пертурбации, сокращению и реорганизации подвергались целые отделы и управления. В такой обстановке сотрудник, надеющийся только на свои профессиональные качества, почему-то чаще всего оказывался в числе сокращенных офицеров...

За несколько лет совместной работы с Котовым в «энке» Приемышев убедился в компетентности коллеги в технических и научных вопросах. Пока Сергей Юрьевич пропадал в семипалатинской глуши, опекая группу С, молодой капитан Котов, плотно засев в аппарате управления «Н», очень быстро дорос до подполковника. Сам начальник ВГУ генерал Маркелов приметил бойкого эксперта по перспективным направлениям науки, очень уж понравились Ивану Алексеевичу умело поданные Котовым чужие идеи о новейшем психотронном оружии.

Оказалось, Максим прилетел в Алма-Ату несколько дней назад, как он сказал, по важным делам, не связанным с Управлением «Н» и с полигоном. По его намёкам выходило, что сюда он прибыл по поручению чуть ли не самого генерала Грушко, первого зама председателя КГБ Крючкова. Предстоит передислокация частей РВСН и дальней авиации на территорию РСФСР. Интересно, с кем он решает эти вопросы в Алма-Ате, где не осталось никаких военных структур, имеющих отношение к ядерному оружию? С Назарбаевым ведёт тихие беседы шустрый Максим? Смешно. Если он и вправду причастен к подготовке передислокации, то должен сейчас вести беседы с командирами дивизий в Жангизтобе, Державинске и Чагане, но никак не с казахскими политиками, которые ничего не знают о планах Москвы. Как это он раньше не разглядел в Котове хлестаковских черт? «Максимка был большим стратегом, Максимка армии водил». Из вежливости Приемышев всё-таки пригласил Котова перекусить в ресторане «Алма-Ата». Но прежде они заехали на квартиру полковника привести себя в порядок.

- Недурственная хата, - одобрительно сказал Максим, оглядывая просторную трехкомнатную квартиру. – Не стыдно гостей пригласить. Но женскими духами здесь совсем не пахнет, а, Сергей Юрьевич?

- Толковый «дмитрий» мог бы найти здесь много чего интересного. Вот это, например.

Приемышев сунул красный бюстгальтер в шкаф.

- Не понимаю, товарищ полковник, как вы терпите курящих девиц... А коньячок у них очень неплохой за такую цену, - заметил Котов, сделав глоток бахусовского «Казахстана».

- Слушай, Максим, - полковник сел в кресло напротив и посмотрел на Котова искренним взглядом сослуживца, доверяющего коллеге свои секреты. – Насчет «дмитрия» я не шутил. Шмон был. Кто и что искал у меня – не знаю. Дома ничего серьезного я не держу, ты знаешь правила. Что происходит?

- А наружка?

- Да, но... не уверен, что это «семерка».

- К местным не обращался за помощью? Я думаю, не стоит этого делать. Мы не знаем, что будет завтра и как поведут себя чурки. Не доверяю я им. Как они зыркают на нас, заметил? Эх, Сергей Юрьевич, не всё мы знаем. Наверху такое творят...

И Котов стал приводить примеры массового предательства и распродажи государственных секретов на уровне целых управлений и отделов, называл невероятные суммы у.е., выручаемые за гостайны. Страшно на это смотреть, качал головой Максим.

- Да, брат, кто-то куёт в дикой степи ядерный щит Отечества, а кто-то в кабинетах продаёт его по кусочкам, в розницу, - вздохнул Приемышев.

- Тут ведь не только ядерные секреты, тут спрос в основном на прорывные технологии. Вот наше поле Синхро, например, это же опережение на столетие!

- Да ну, всё же кончилось пшиком.

- Ой, не скажи, Сергей Юрьевич. Тут надо искать, и можно найти много чего... В общем, товарищ полковник, мы должны быть начеку. Мало ли что... Как, по-вашему, те, кто устроил шмон, могли заинтересоваться нашим полем? Может быть, они искали у вас какие-то записи, документы?

Приемышев пожал плечами. Ни да, ни нет. Пусть пофантазирует, побегаёт по следу.

«Всё ясно. Никакие это не чужие следили за мной, обыскивали квартиру. Это свой, Максим Котов. Он напал на след расчётов Макухи и хочет продать их. Кому? Какая разница... Хрен он их получит. А игры в разоблачение предателей не для меня, я сам окажусь под подозрением. Единожды солгавший... Однажды укравший из архива. Котов узнал об этом и может сдать меня в любой момент. Но, конечно, только после того, как получит записи математика. Да, выхода нет. Надо кончать с ним. Наверняка он действует на свой страх и риск. Тем лучше. Но при чем тут наш хитрый орёл – пучеглазый математик из Ленинграда? Он заодно с Котовым? Разберусь потом. Сейчас всего опасней мой бывший коллега. Предатель. Один из армии предателей».

Приемышев ощутил холодок в груди. Там, где он всегда воображал ясную силу и солидарность, сейчас царили разложение и измена. И он остался один, без вины виноватый... Но хрен они что получают от него!

Апрель в Алма-Ате похож на нежный май в Свердловске. Весна на юге приходит без спроса и сразу ложится на теплую землю, раскинувшись под ярким солнцем. Следом, не дожидаясь июня, приходит лето с громом и ливнями, и зреет изобилием плодов до самого октября.

Лежать бы сейчас подполковнику Котову мертвым в яблонево́й лощине где-нибудь за городом, под поваленным деревом, в бурлящем весеннем потоке, если бы не стремительный и непредсказуемый характер Буркута. Он выследил полковника, севшего в автобус, переполненный дачниками, несмотря на то, что день был будний, пятница, 12-е. В ветровке с капюшоном, шляпе-панамке и тёмных очках Приемышев слился с массой по-весеннему возбуждённых и радостных членов садоводческих товариществ. Тем же маршрутом Буркут доехал до совминовских дач на крутых прилавках Заилийского Алатау. С праздным видом долго бродил по улочкам дачного посёлка, пока, наконец, не увидел Приемышева, гревшегося на лавочке перед дощатым зелёным домиком. Здесь, в предгорьях, было прохладней, выше, на затенённых склонах оставались пятна снега, но солнце сияло так ярко, что под прямыми его лучами было даже жарко.

Полковник несколько не удивился появлению Буркута, он заметил его еще полчаса назад, когда тот брел по улице Грушовой, озираясь по сторонам, как чабан,

заблудившийся в городе. Чем он приглянулся Котову? Тем, что математик? Ладно, проверим, что ты за Лобачевский такой...

- А что сам Максим не пришел?

- Максим Максимыч сам свяжется с Центром, - очень удачно, как ему казалось, сострил Буркут. Полковник явно принимает его за кого-то, кто, вероятно, имеет отношение к его нелегкой работе резидента, или как там ещё их называют. Любая шутка хороша тем, что позволяет спрятаться за ней, как дети прячутся за шторой, и уйти от ответа.

- Ладно, Юстас, проходи, садись, - недобро усмехнулся Приемышев. Он сел за шаткий письменный стол, видимо, попавший на дачу из квартиры человека умственного труда. Полковник вынул из выдвижного ящика чёрную папку, протянул Буркуту мятые листочки, исписанные математическими формулами, и незаметно чем-то щёлкнул в ящике.

- Разберёшься?

Буркут сел на продавленный диван у противоположной стенки комнаты и углубился в чтение. Чем глубже он вникал в расчёты, тем яснее понимал, что речь идёт о вычислениях координат неизвестной точки. И точка эта не могла быть ничем иным, кроме как кругом X. В расчётах встречались ряды цифр, похожие на географические координаты, соответствующие точкам на территории Семипалатинской области, данные сеймики, гидрологии и почему-то динамики численности грызунов, если он правильно понял сокращённые записи в сносках. Но заключительной части расчётов не было, последовательность математических уравнений оборвана на середине. Сердце Буркута стало биться сильнее, он нервно сжимал и разжимал пальцы. Это было то, что он искал, но во что до конца не верил. Расчёты могли быть ошибочными или касаться совсем других физических процессов, но, несмотря на свою фрагментарность, они поражали ясностью математической мысли. Нет, всё равно это пахнет розыгрышем. Очень уж красиво легли эти листочки, завершая мозаику из его догадок и намёков полковника. Но дело сейчас не в математических доказательствах. Полковник играет с ним, как кошка с мышью, это очевидно. Что там щёлкнуло в ящичке, когда он рылся в нём?

- Хорошая работа, Сергей Юрьевич, но это фрагмент. Есть ещё листочки?

Приемышев смотрел на него насмешливым взглядом и молчал. Долго молчал и смотрел.

- Я возьму их, товарищ полковник?

Буркут сложил листочки, встал с дивана и, глядя на Приемышева, медленно положил их во внутренний карман пальто. И тут увидел в руках полковника пистолет. Ствол «Макарова» был направлен прямо в лоб Буркута.

- Сколько он заплатил тебе, щенок? – спросил Приемышев с ненавистью и презрением в голосе.

Игра в шарადы и недомолвки закончилась. Полковник выстрелит не колеблясь. Он не отпустит его просто так. Но и Буркут не собирался уходить отсюда с пустыми руками. Он возьмёт то, за чем пришёл. В его сердце вспыхнула ярость. Он никому не позволит отобрать у него надежду на выздоровление матери. *Он никому ничего не позволит!* Непререкаемый характер орла проснулся в нем и уже овладел

его волей. Буркут слепо и яростно бросился на полковника, за долю секунды преодолев разделяющие их метры, сшиб его на пол и схватил за горло. Но этой доли секунды вполне хватило и Приемышеву, чтобы выстрелить в метнувшееся в прыжке тело. Пуля попала в живот Буркута и расплющилась, ударившись о позвонок. Пальцы правой его руки с неожиданной для полковника силой сжались на горле, ломая хрящи гортани, сминая мышцы и сухожилия шеи. Левой рукой Буркут как тисками сжал запястье Приемышева, и тот выронил пистолет. Пальцы на горле сжимались всё сильнее, и под ними выступила кровь разорванных ногтями сосудов. Буркут весь горел огнем последней, как ему подсказывало сердце, схватки. Вместе с кровью, льющейся из раны от пули, медленно уходила и жизнь. Но запаса гликогена в сухожилиях, мышцах и печени, еще при рождении приобретших нечеловеческую силу и энергию хищной птицы, которая жила на самом дне его сознания, было достаточно, чтобы задушить жертву и дожидаться ее последних конвульсий. В тишине дачного домика в самом конце Грушовой улицы Буркут сидел верхом на бьющемся под ним и слабеющем теле врага, сжимая пальцами его шею и глядя прямо перед собой. Руки чувствовали, как слабеет жертва. Приемышев затих. Лицо его приняло спокойное, даже торжественное выражение. Дух полковника был горд тем, что сражался до самого конца. Отлетая от тела, он услышал за собой шорох и почувствовал дуновение от расправляемых крыльев большой птицы.

Глава 10.

Беркут-балапан, переживший памятным вторым летом своей жизни потрясение от встречи с невидимым врагом под старым карагачом, в эту зиму достиг семилетнего возраста. Таких орлов, в расцвете физических сил и еще молодых, казахские беркутчи называют *кана*. Беркут с подругой уже вырастили и поставили на крыло два поколения птенцов, но месяц назад кана остался один - супруга погибла от болезни, поразившей внутренности. Молодая самка беркута не могла знать, что вода в ручьях Дегелена, где в июльскую жару она искупалась и утолила жажду, отравлена изотопами тяжёлых металлов. Супруга рядом не было, чтобы отогнать её от светящегося ультрафиолетом ручья Узунбулак. Кана вырос в горах близ площадки «Д», и когда он в первый раз увидел здесь, на Дегелене, ионизирующее излучение, инстинкт приказал ему никогда не приближаться к подобным местам.

Орлица совсем обессилела от поноса и кровавой рвоты, перед смертью она не покидала старого летнего гнезда и уже не могла есть кусочки мяса, которые как птенцу давал ей из клюва кана. И похоже было, что болезнь затронула ум: к концу она перестала узнавать супруга. Однажды зимним морозным днем, когда кана был на охоте, она, собрав последние силы, взлетела на небольшую высоту, сложила крылья и камнем упала на острые скалы, торчащие из снега. Смерть была мгновенной. Никогда до этого случая орлы Сары-Арки не кончали жизнь самоубийством.

Этой тоскливой зимой беркут-кана встретил такого же одинокого хищника, волка, отбившегося от стаи. Километрах в пяти, в низине, близ зимовки Советхана, как называли люди два домика, длинную кошару и ряды скирд сена для овец, он заметил черное пятно и брызги красной крови на снегу. Орел присмотрелся и отчётливо увидел зарезанную чёрную овцу и серого волка, тащившего её по

глубокому снегу. Вкус мяса молодого барашка был ему знаком. Это самая лёгкая добыча, когда рядом нет человека с ружьем. Но вместо человека рядом с ней сейчас был взрослый волк, сильный и храбрый хищник, на которого дикие беркуты никогда не охотились. Сильное чувство голода и осторожность боролись в душе кана и не могли одолеть друг друга. Наконец пересилило желание сразиться за добычу. Рассчитывать на то, что он только поранит волка, и тот бросит зарезанную им овцу и убежит, мог только молодой неопытный орёл, но не семилетний кана. Опытный охотник, не раз рисковавший жизнью в схватках с архарами и прибылыми волчатами, он почуял в исхудавшем матёром волке бескомпромиссного и сильного противника. Его можно было только убить. Беркуты убивают жертву очень быстро. Если не гибнут сами.

Волк до последнего мгновенья делал вид, что не видит падающей на него хищной птицы с двухметровым размахом крыльев. Внезапно он развернулся и, оскалив пасть, прыгнул навстречу беркуту. Оба хищника кубарем покатались по снегу, вцепившись друг в друга. Волчьи зубы вгрызлись в колено правой лапы кана и разрезали сухожилия, нервные волокна и сосуды. Но беркут успел вонзить острые семисантиметровые когти левой лапы в морду и глаз волка. Длинный коготь мощного заднего пальца пробил тонкую кость глазницы и вонзился в мозг, парализовав дыхание серого хищника. Но тот продолжал грызть лапу орла, из которой хлестала кровь. Оба зверя стремительно приближались к смерти. Волк умер первым от паралича дыхательных мышц и разрыва сердца. Беркут полулежал на снегу, опираясь на правое крыло и не разжимая когтей левой лапы. Он истекал кровью и умирал, глядя на морозное красное солнце над горизонтом.

Хищные животные убивают, не вникая в переживания своих жертв, иначе у них пропал бы аппетит. Но когда предсмертным усилием зверь убивает равного себе врага и следом умирает сам, он может пережить чужую смерть как свою. В последние секунды схватки и орёл, и волк испытали одинаковую горечь сожаления о прожитой жизни, странную смесь сочувствия к умирающему врагу и удовлетворения от исполненного долга.

Турсун с чабаном Советханом, к которому он приехал за своим барашком, отданным ему в отару, нашли мёртвого волка и зарезанную овцу в низине. Рядом, уткнувшись клювом в красный снег, так и не разжав когти на морде волка, лежал мёртвый беркут. Советхан с трудом разжал лапу орла, закинул на лошадь туши волка и овцы, а беркута оставил на снегу.

- Надо отрезать ему лапы на амулеты, - сказал он Турсуну.

- Неблагодарный ты человек! – неожиданно грубо ответил Турсун. – Он твою токты¹ (*Ярка.*) отбил, волка убил! Пусть лежит, пока душа его не отлетит.

- Ты ещё жаназу² (*Молитву над умершим.*) ему прочитай, дурак. Вот тебе твоя дохлая токты, и убирайся отсюда!

Псих этот Турсун и глупое ничтожество. Характер мне показывает, да кто он такой? Советхан швырнул ему зарезанную волком харамную овцу и поскакал к своей отаре.

Турсун взял голову беркута и повернул клювом к себе. Золотисто-коричневые глаза пронзительно посмотрели на него. Сердце орла не билось, тело уже остывало, но глаза ещё не покорились смерти. Взгляд беркута был осмысленным и требовательным.

«Чего он хочет от меня?» - подумал Турсун, испытывая суеверный страх. Он не знал ответа на этот вопрос, но взгляд орла запомнил на всю жизнь и немного дольше.

Буркут ещё раз пришел в сознание на четвертый день к вечеру. Он беспокойно зашевелился в кровати и позвал мать. Айпара легким движением пальцев открыла ему веки и, приподняв голову сына, подложила подушки. Буркут посмотрел на маму, увидел Укутая и ясным голосом спросил его:

- Полковника похоронили?

- Да, через день после смерти тело Приемышева забрал в Свердловск его сын, - ответил Укутай.

Он не стал рассказывать Буркуту о своих хлопотах, связанных с расследованием убийства, режимом допуска в палату, где лежал его друг, и прочими мелочами жизни, которые, конечно, не интересовали умирающего. К маме вернулась память, полковник, которого он убил, обрёл покой – кажется, только эти два дела связывали его с миром живых. Даже поиски места, где мог находиться волшебный круг X, уже не волновали Буркута, поскольку потеряли всякий смысл после обретения Айпарой памяти о прошлом. Укутай утаил от следствия листочки с расчётами математика, которые он нашел в кармане пальто своего друга. Пусть милиция довольствуется версией о личной неприязни, которую якобы питал Буркут к полковнику, или даже о попытке ограбления на даче. Буркуту всё равно. Часы его сочтены, как откровенно сказал Укутаю хирург Хафиз Иманбаевич.

Буркут снова впал в тяжёлое забытие. Утром следующего дня он умер.

Беркут взмахнул огромными крылами и взлетел над землей. Внизу громоздились заснеженные вершины гор Заилийского Алатау, северней лежала равнина с длинным Капчагайским озером, затем снова горы, и, наконец, беркут увидел родные степи и низкогорья Шынгыстау. Под старым голым карагачом стоял всадник на чёрно-белом коне, сквозь чапан светилось его огромное красное сердце. Рядом лежал громадный серый волк. Беркут спустился вниз и сел на кожаную рукавицу, надетую на левую руку всадника. Волк посмотрел на орла знакомым насмешливым взглядом голубых глаз и зарычал.

Мамай батыр надел на глаза беркута кожаный колпачок-томага, и видимый мир преобразился. Карагач вырос до невообразимых размеров, верхние его ветви скрывались за межзвёздной пылью, в тысячах световых лет от корней. Земля простиралась на такие же чудовищные межзвёздные расстояния, понятие горизонта исчезло, ибо мир перестал быть плоским. Буркут видел горы, вершины которых скрывались за звёздами, водопады тысячекилометровой высоты с почти неподвижными потоками воды, низвергающимися в области тьмы нижнего мира. В бескрайнем океане бурлили водовороты; так же, как и водопады, они поражали взгляд несоответствием исполинских масштабов и едва заметной скорости движения воды, которая имела здесь вполне земные ограничения. Ландшафты этого мира тоже сохранили узнаваемые земные очертания, но привычные Буркуту законы линейной перспективы здесь не мешали сосуществованию в необозримом пространстве множества локальных вселенных. И все миры пронизывало и

связывало Дерево с корнями, уходящими глубоко во тьму, с ослепительной хрустальной кроной, освещающей этот бездонный мрак.

Беркут сквозь плотную томагу посмотрел на Мамаю, своего прапрадеда, ободряюще улыбающегося ему. «Почему этот с тобой?» - взглядом спросил он дедушку, имея в виду голубоглазого волка. «Из него вышел хороший Страж». - «Что он охраняет?» - «Кокбулаки. Небесные родники, бьющие из земли, но питаемые силой Неба. Ты их называл кругами Х. Кроме того, он хорош в охоте на хиMER, как и ты. Втроём мы славно поохотимся, сынок!» Странно было видеть рядом с батыром Мамаем этого чужака, одинокого, но стойкого волка, которого он разглядел в полковнике, наставившем на него пистолет. А может быть, прав дедушка Мамай, защищать Родники и истреблять порождения большого ума с таким напарником будет веселей.

Орлу явно нравилась предстоящая охота, предложенная батыром. Но сердце Буркута сжимала тревога за оставленную в одиночестве мать. Мамай согласно кивнул, и сын полетел к ней. Он оставил далеко внизу фигурки воина на коне, беркута, сидевшего на его руке, и синего волка, стоявшего возле всадника. Буркут с лёгким сердцем расстался с дедушкой, потому что знал: когда он покинет свое тело, Мамай снова встретит любимого правнука на пороге смерти.

Мать сидела под Деревом в круге яркого света. Точно так же в далеком детстве Буркут смотрел на неё сквозь прорези наполовину сросшихся век. Мама сидела на кухне под яркой электрической лампочкой и штопала его дырявые варежки, а за окном буран заметал дорожки во дворе. Она ласково смотрела на своего малыша, который встал среди ночи пописать, но никак не мог до конца проснуться и жмурился на свет.

Но сейчас Айпара не видела Буркута. Она баюкала на руках крохотного младенца, его маленького брата. Буркут смотрел на это чудо и не мог поверить в него. Однако теперь, когда он умер и обрел способность видеть вещи такими, какие они есть, сомнений быть не могло. Как нет сомнений и в том, что у него появился брат, а не сестра, и что отец вернулся к матери. Мама преодолела страхи, пережила смерть несчастного малыша в роддоме, потерю памяти и мужа, возвращение потерянного прошлого и смерть любимого первенца. И вот он видит её, живую, здоровую, счастливую своим поздним материнством. Буркут наконец-то почувствовал, что он свободен. Больше ничто не связывало его с земной жизнью.

Он летел вверх вдоль ствола Дерева, преодолевая световые годы. Под корой поднимались к ветвям кроны красные соки земли, а сердцевина ствола светилась белым светом энергии, опускающейся к корням, уходящим во мрак. Эта бесформенная тьма содержала в себе все возможные вещи и события. И таинственным образом во мраке однажды родилась искорка сознания и затем вспыхнула всеми цветами хрустальная крона Дерева, которая бесконечно ветвилась, пускала ростки, прокладывая в темноте тоннели новых пространств, новых бесчисленных миров.

... Темные тучи, закрывшие звёздное небо, осветила ослепительная вспышка молнии, и Буркут увидел бескрайние просторы Сары-Арки, а на восточной её окраине – гранитный остров Дегелен. Южные склоны массива прочертили, как молнии, две пятидесятикилометровой длины трещины. Вершины густо заросли кустарником, горным разнотравьем, арчой и соснами. На горе с отметкой 10850 метров Буркут увидел всадника с ловчим орлом на руке и огромного волка,

стоявшего рядом. Это стражи вышли на охоту. Хищная птица взлетела над горами и ринулась вниз, заметив цель – стаю химер, змееподобных черных чудовищ с шипами на спине и острыми жалами, которыми они впрыскивают в мозг беременных женщин яд, убивающий душу зародыша. Голубоглазый волк подоспел ему на помощь, и в свете молний, вспыхивающих с частотой три кадра в секунду, напарники по охоте начали рвать на куски извивающихся и брызжущих ядом тварей, паразитов больного ума.

Сверкающие алмазом лезвия когтей беркута легко рассекали мерзкую плоть. Взгляд птицы был пронзительным и сосредоточенным, в нем не было слепого гнева, который порой охватывал и Буркута, когда орел еще был частью его существа. Теперь человек и беркут получили свободу, и каждый из них обрел себя.

Буркут достиг ветвей кроны Дерева и почувствовал, как постепенно тает тяжесть в теле, из разорванной пулей печени уходит, отрываясь от тканей и покалывая острой болью, жизнь, остывают ноги, руки, живот. Голубое облачко дыхания *тын* переместилось из легких в горло, вышло через рот и растаяло. Вместе с ним исчезла и память о земной жизни. Горячий белый шарик *кут* из сердца переместился в голову, и точка в центре полости черепа, из которой Буркут всегда смотрел на мир, исчезла. Сознание распахнулось и слилось с кроной, с её бесчисленными ветвями. Прозрачное тело Буркута растаяло в пустоте. Искорка *кут* медленно поплыла по ветке, повинаясь течению красных соков. *Кут* вошел в сочный, напоминающий гранат плод, свисающий с ветки, и врос в мякоть, превратившись в крохотное семя, в котором таился огонёк следующей человеческой жизни. Это семя вновь упадёт на землю, в чрево женщины, прорастет ещё одним существом человеческого рода. Оно войдёт в мир, сделает первый вдох и снова станет центром сияющего мироздания, в котором растёт единственное и единое во всех мирах Дерево.

Глава 11.

На поминки в казахском ауле обычно приходят все его взрослые жители. Укутая, чьё детство прошло в Кенгирбае, узнавали его ровесники и люди старше, обнимали, выражали соболезнование почти как брату Буркута. Вместе с бывшими одноклассниками он с раннего утра таскал столы и скамейки в огромную дырявую армейскую палатку, поставленную во дворе дома Айдоса накануне вечером, колот дрова, помогал разделывать барана и ни разу не присел.

Аульный мулла Курманбай - аксакал, с которым он вчера ездил на могилу Буркута - и сейчас читал ту же поминальную молитву. Укутай угадал завершающие аяты суры пох слову «ясифун» и, увидев опоздавшего к началу садака¹ Алимжана, вспомнил, что тот зачем-то искал его. После дружного «аумин» народ сосредоточенно, без суеты приступил к поминальной трапезе. Обычай не обязывал Укутая выступать на поминках с воспоминаниями о покойном и пожеланиями благополучия его родным, поскольку его негласно причислили к близким родственникам Буркута. Он подошел к Алимжану, который неожиданно растрогался, с чувством обнял его и поцеловал в щеку. Укутай посадил опоздавшего за крайний стол.

Городской бездельник, драчун и воришка из детства теперь, через тринадцать лет, заматерел, стал дерзким, себе на уме мужиком, который может бесцеремонно подшутить над аксакалами или перебить в разговоре совхозное начальство. Да и

что ему было гнуться перед бастыками¹, (*Начальниками.*) если он кормит свою семью сам, не зависит ни от кого и ни от чего, кроме собственной смелости и везения. Алимжан и ещё пятеро отчаянных и отчаявшихся от нищеты, обрушившейся на народ после отпуска цен и обесценивания денег в начале 1992 года, ринулись на брошенный военными ядерный полигон² собирать металлолом. Они сбывали его семейским скупщикам, отправлявшим сырьё в Китай. Судя по уверенности в повадках и речи, Алимжан нашел золотую жилу. Он пригласил Укутая на завтра к себе на чай.

Айапа и Айдос ага сидели за отдельным столом, слушая говоривших гостей, и почти не ели. Укутай внимательно посматривал на слегка пополневшую, как ему показалось, Айпару. Она всплакнула пару раз, когда о Буркуте говорили учителя школы и одноклассники, но держалась молодцом. Временами она отрешенно смотрела поверх голов собравшихся в палатке и будто вслушивалась в себя. Айдос ага сидел возле нее, и по тому, как он искоса обеспокоенно следил глазами за каждым движением жены, было понятно, что для него сейчас важнее всего её самочувствие, а не правильный ход поминальной церемонии.

Вечером, когда соседи, друзья и коллеги по работе, мужчины и женщины близкого круга хозяев разобрали палатку, перемыли всю посуду, почаяевичали напоследок и ушли, Айпара, Айдос и Укутай остались дома одни и сели за стол. Считается, что «жыл», поминки через год после смерти человека - последний обязательный ритуал, посвященный духу умершего. Каким бы сильным ни было горе, после этих поминок сердца родных смиряются с потерей. О Буркуте сегодня Айдос и Айпара впервые заговорили без надрыва и страха ранить друг друга. Может быть, этому помогло присутствие Укутая, от которого, впрочем, потребовалось много такта, чтобы не задеть ненароком какую-нибудь запретную тему. Айпара никогда не рассказывала о том, что она пережила, когда к ней вернулась память. Укутай помнил, как изменилось её лицо, когда она увидела смертельно раненого сына. Айапа как будто вынырнула из ледяной воды и сразу бросилась спасать его.

Укутай также не имел права, хотя бы по своему возрасту, касаться истории взаимоотношений родителей его друга. Айдос ага вернулся к жене после смерти Буркута, возможно, их снова сблизила потеря единственного сына. Жизнь с разведённой молодой женщиной из райцентра у него так и не наладилась, может быть, оттого что не получилось завести ребенка. К счастью, эта страница его жизни не оставила следов в памяти Айпары, она ведь вспомнила только то, что видела и пережила сама, а после страшных дней в областном роддоме она забыла о существовании мужа и потому не могла знать об его уходе к другой женщине и страдать из-за этого. Какой неожиданно милосердной оказалась к ней странная болезнь ума... Как бы отнёсся к возвращению отца сам Буркут?

- Что-то ты сильно призадумался, сынок, - сказал Айдос. – Давай-ка, мы с тобой выпьем.

В первый раз за сегодня Укутай увидел, как отец его друга не стал слушать жену, а налил «Посольской» в два стограммовых стаканчика. Они дома одни, устали, почему бы не выпить немного?

- Ты помнишь нашу соседку, старуху Батиму? – спросил Айдос, закусывая водку кусочком казы¹. – Да ты её видел, она была сегодня на поминках. Так Батица нагадала, что у нас будет сын...

Укутай поставил стакан с водкой обратно на стол и, забыв о приличиях, вопросительно уставился на Айапу. Она не смутилась, не покраснела, что было бы естественным для казахской женщины, да ещё в таком неприличном для беременности сорокатрехлетнем возрасте, а только печально, даже скорбно кивнула. У Укутая сжалось сердце. Неужели повторяется сумасшедшая история её борьбы с воображаемым чудовищем в утробе? Айпара верно поняла причину смятения, которое отразилось на лице Уки, славного мальчика, ставшего ей родным человеком, почти что сыном. Она улыбнулась и успокоила его.

- Всё хорошо, кулуным, - сказала ему Айапа, как будто увидела в нем маленького Буркута. - Я совсем не боюсь. Даст Аллах, всё будет хорошо. Просто я устала сегодня...

Укутай почувствовал, как горячий комок подкатил к горлу, поднялся выше, стал душить и выдавливать сопли и слёзы через нос и глаза. Он глотал их, а они лезли наружу как фарш из мясорубки. Не хватало ещё разрыдаться как капризной беременной бабе. Лицо Укутая сморщилось в некрасивой гримасе, и он беззвучно заплакал, склонив голову к коленям и вздрагивая плечами. У Буркута будет единокровный брат, повторял он про себя. Сердце Укутая плакало и торжествовало одновременно. Братик родится в срок и здоровым. Это случится обязательно, потому что он, Укутай, видевший вместе со своим другом то, что находится за пределами человеческого кругозора, выше Кенгирбая, Шынгыстау и всей известной географии, знает это наверняка. Оттуда, с высоты, он помнит, были видны самые отдаленные связи между вещами. Это Буркут спас от безумия, вернул к жизни мать. Только он мог это сделать. Он порубил на куски джиннов и скормил их собакам. Мы с ним всё можем исправить, отвести беду, повернуть время вспять, если нужно. Чёрт возьми, да кто же это всхлипывает во мне и никак не может остановить слёзы? Надо же, я все-таки испортил им вечер...

Но нет, Айпара несколько не расстроилась, она была благодарна Укутаю, как будто он выплакал её последние слёзы, а она сама, глядя на его беззвучный поминальный плач по другу, почувствовала, что не одинока, и что всё действительно закончится хорошо. «Они вдвоем всё могут исправить», - пришла ей в голову неизвестно откуда взявшаяся странная мысль.

Айдос ага, понимая, что он обязан успокоить расстроенного мальчишку и прекратить недостойные мужчин коллективные рыдания, сам кое-как сдержал слёзы и ласково потрепал его по голове. Пристыженный Укутай не стал упрямиться и выпил с ним стопку «Посольской». Они с Айдосом засиделись за столом допоздна, отправив Айпару спать. Ночью отяжелевшему от водки Укутаю опять приснился бесконечный ряд цифр, уходящий в черную воронку:

0011010100110000001011100011000000110010001101100011011000110111001110
00010111110100111001011111001101110011100000101110001110010011100100110
1010011011000110010001101110101111101000101' (сноска -
<http://nickciske.com/tools/binary.php>)

Эта последовательность повторялась снова и снова, как будто кто-то посылал ему сообщение.

Дома у Алимжана собрались все ребята из его бригады. С ними был и Кайрекен из Жана-Семя, главный у скупщиков металлолома. В кладовке было свалено в кучу китайское барахло, начиная от пуховиков и кроссовок и кончая подделками

под японскую электронику. А в комнате, служившей и кухней, и столовой, и местом для домашних занятий школьницы, дочери хозяина, где за низким круглым столиком, скрестив ноги по-казахски, сидели на разноцветных корпе¹ друзья Алимжана, стояли коробки с китайской водкой в пластиковых бутылках. Всё это добро и немного «деревянных» рублей бригада выручила за металлолом, который они порезали и загрузили на жанасемейский КамАЗ. Ребята понимали, что Кайрекен только куски медного и алюминиевого кабеля продаст за сумму, впятеро превышающую стоимость китайского ширпотреба, а он везёт отсюда ещё и электрооборудование с силовых установок полигона, кучу разбитых приборов непонятного назначения, куски рельсов и швеллера. Но не сборщики металла диктуют цены, а перекупщики. Сейчас предложение едва ли не превышает спрос, ведь на полигоне орудует не только бригада Алимжана.

- Так что договорились, через неделю мы приедем? – спросил смуглый горбоносый Кайрекен. - Я возьму только медь и алюминий, ребята. Заплачу хорошо. Успеете вскрыть туннель?

- Мало взрывчатки привёз, надо бы ещё, - откликнулся Нурик, одноклассник Укутая.

- Кайрекен, - заговорил Алимжан, и все замолкли. - Ты хочешь брать у нас только медь и алюминий, мы согласны. Но за них будешь платить долларами. За чёрное железо мы согласны брать рублями. С бартером надо кончать.

Маленький хищный Кайрекен оскалил острые зубы в широкой улыбке и неестественно весело засмеялся. Для людей, знавших этого мало с уголовным прошлым, залиvistый, почти истеричный смех означал: спор дошел до опасной черты, и надо бы всем вам, ребята, быть осторожней со мной, а то могу и ножичком пырнуть.

Эти колхозники хоть понимают, что такое валюта, думал он, глядя на хмурых кенгирбайцев. Припугнуть их, что ли? Тогда придется везти сюда всю мою шайку-лейку, и наберётся не больше пяти торпед, причем один из них тощий туберкулёзник, двое - наркоманы. Алимжана с таким войском на испуг не возьмёшь, ребята у него битые, и несколько стволов они припрятали на всякий случай, как проговорился Нурик. Ладно, зелень так зелень, всё равно чистый навар пять с одного...

- Хорошо, джигиты, базара нет, - согласился Кайрекен, убрав с лица улыбку-оскал.

В пиалы была разлита вонючая китайская водка, и парни залпом выпили привычное для них пойло. Укутай задавил спазм глотками горячего бараньего бульона и скоро почувствовал эйфорию, снявшую похмельную боль в голове. После отъезда скупщика разговор перешел на малопонятные алма-атинскому гостю темы из жизни кенгирбайских «металлоискателей». Спор, как он понял, заключался в том, идти на Дегелен взрывать закупоренный вход в штольню или ехать дальше на север, где на левом берегу Шагана разбросано больше сотни скважин. Там, у этих скважин легко можно откопать и выдрать трактором из земли драгоценные кабели, лежащие неглубоко в траншеях. Пробиться в штольни Дегелена, где ценного металла намного больше, невозможно без взрывчатки и мощного трактора. Их старый бульдозер С-80 может и не справиться с расчисткой бетонных пробок. Укутай понял, что мнения членов дикой бригады разделились.

В накуренную кухню вошла девочка лет одиннадцати-двенадцати в красном китайском спортивном костюмчике, наверное, из бартерной партии Алимжана, поздоровалась со взрослыми и встала в уголочке возле печи с чугунной плитой, на которой стояла горячая кастрюля с бульоном и мясом. Её волосы были собраны на затылке в тугий хвостик, влажные черные глаза пугливой косули, казалось, видели не эту комнату с шумными гостями, а что-то иное, недоступное зрению. Она слепая, догадался Укутай. Как и все незрячие, она полагалась на слух. Сходство с теленком косули ей придавала необыкновенная чуткость, с которой она реагировала на голоса и звуки. Так затаившийся в тени кустов оленёнок прислушивается к шорохам леса и вскидывает изящную головку, поворачивает мордочку, наставляет ушки на каждый подозрительный звук, и все мимолетные чувства беспокойного маленького существа отражаются в его глазах, глядящих в пространство, а не на какую-то определенную вещь.

Очевидно, это была дочь Алимжана. Да, сходится, восемнадцатилетний помощник чабана Советхана женился в тот же год, когда случилась драка под карагачом, а дочь, помнится, родилась на следующий год, значит, ей двенадцать.

- Мольдир, не стой здесь, не слушай разговоры взрослых, - строго сказал ей Алимжан.

Мольдир недовольно нахмурилась, и вдруг на матовом хорошеньком личике вспыхнула улыбка.

- А Нурик боится идти в туннель, вот! – объявила она всем, указав на него пальчиком, и, смеясь, убежала, не задев ничего и не споткнувшись. Нурик вспыхнул весь от возмущения и досады. «Пери кыз!»¹ (*сноска – Т.е. «девчонка-пери», так в обиходе иногда называют хитрых, дерзких, всегда ускользающих от наказания маленьких проказниц.*) - крикнул он ей вслед, а его товарищи расхохотались. Нурик у них был большим специалистом по всяким духам и шайтанам и знал заклинания против зловредных существ, которые ему всюду мерещились. Но однажды он сильно испугался и с тех пор не заходил в штольни Дегелена, оставаясь снаружи, где, впрочем, работы тоже хватало. Наверное, дочь Алимжана слышала разговоры об этом, иначе откуда ей знать такие подробности о жизни бригады?

Ребята рассказали Укутаю эту историю, произошедшую прошлой осенью. Лопоухий Ныгмет первым зашел в тоннель, зачем-то пробитый военными в скале параллельно основной штольне. Сюда заряд не закладывался, рельсов на земле не было, но четыре нитки кабеля тянулись по стенке метров на 750, до самого конца, где тоннель через пролом соединялся с полостью, образованной ядерным взрывом в большой штольне. Всё это искатели металла увидят позднее, дня через три, когда, по их расчетам, из каменной норы выветрится газ. Так вот, тоннель они вскрыли легко, бетонная пробка, закупорившая вход, была слабенькая и всего одна. Ныгмет повязал на лицо тряпку и с фонариком в руках вошел в нору. В ней было тепло и пахло чем-то затхлым. Парень увидел кабели по стенке и электропроводку на потолке штольни и прошел ещё метров сто. Тоннель был прямой как стрела, не имел ответвлений, так что заблудиться здесь было невозможно. Ныгмет повернул назад, но потом ему показалось, что он идет в глубь тоннеля, у него закружилась голова, и вскоре он понял, что потерял ориентацию в пространстве. Он надышался газами, скопившимися под землей, и обессилено сел на землю. С потолка капала вода, в пещере было тихо и спокойно, хотелось спать. К Ныгмету бесшумно

подошел старый конюх Турсун, погибший на полигоне лет семь назад, и склонился над ним. Глаза у него были красными, на лице темнели засохшие пятна крови. «Вставай и иди за мной, лопухий!» - приказал он громовым голосом и ударил Ныгмета кулаком по голове, в которой тут же прояснились мысли. Тот вскочил на ноги и пошел за призраком Турсуна.

Оказалось, что разведчик бригады прошел вглубь тоннеля не так уж и далеко. Со стороны светившегося белым пятном входа к Ныгмету бежал его друг Нурик. Он увидел двухметровый мерцающий призрак Турсуна и остановился как вкопанный. Потом направил на дух конюха свет фонарика и начал читать свое знаменитое в узких кругах заклинание: «Акпай, токпай...». Призрак вырвал у него из рук фонарик и вдребезги разбил о каменную стену пещеры. «Я тебе покажу Боранбай букур!» - закричал он страшным голосом и стукнул Нурика кулаком прямо по темени. «Может быть, это я сам разбил фонарик о камень, размахивая руками, и, падая, сам стукнулся головой об стенку, а призрак только померещился мне?» - мелькнуло у Нурика. Но гнев Турсуна был столь ужасен, что не оставалось никакого сомнения в реальности призрака. Заклинатель духов заорал от страха и побежал к выходу. Следом, шатаясь, вышел на свет Ныгмет и упал без сознания. Через неделю он умер, отравленный радиоактивными газами. С той поры Нурик не заходит в штольни Дегелена, а кенгирбайские искатели металла перед входом в пещеры обязательно поминают дух Турсуна и просят у него защиты. Тот же суеверный Нурик убедил товарищей больше не фамильярничать, а впредь называть дух Турсуна не иначе как Кызылгоз ата¹. (*Красноглазый дед.*)

«Вот и у сталкеров Семипалатинского полигона появился свой дух-покровитель», - подумал Укутай, испытывая странное чувство удовлетворения. А всё-таки не врал Буркут про встречу с заблудившимся в метро призраком мертвого конюха. Впрочем, вопрос о достоверности галлюцинаций теперь не очень волновал Уку. Ландшафты сознания столь же реальны, как и земные пейзажи, философски заключил он. А каков дедушка Турсун! Добрый, конечно, раз хотел спасти парня. Но как он отыгрался на Нурике за детские дразнилки! Здоровенным кулаком да прямо по темечку, чтобы не шалил. Укутай рассмеялся, и алимжановские ребята удивленно посмотрели на него. Ты смотри, студент, осторожней с китайской водкой, в ней 58 градусов, предостерегли они гостя.

- Ука уезжает в субботу, я думаю, надо в пятницу пригласить его и Айапу с Айдосом на конил шай². (*По обычаю семью умершего по очереди приглашают в гости соседи, друзья, чтобы отвлечь их от горя.*) Уже год прошёл, а мы всё никак не соберёмся, - сказал Алимжан жене Гульбаршин. Бригада сталкеров уже разошлась по домам, поделив бартерное барахло, остался только Укутай, с которым хозяин хотел о чем-то поговорить. – Дочку отправим к бабушке.

Дочку Мольдир приходилось уводить подальше от дома всякий раз, когда во дворе забивали скотину. Она ослепла три года назад, когда ей было девять лет. Врачи в Семее заключили, что причина кроется в опухоли зрительного нерва, который перестал передавать импульсы от глаза к мозгу. Девочка продолжала учиться в школе только благодаря заботе Гульбаршин, которая читала ей домашние задания вслух, заставляла учить наизусть тексты и даже вслепую решать задачи по алгебре. Дочка справлялась с заданиями просто отлично. Да вот беда, она всегда чувствовала и точно знала, когда в сарае резали скотину. Не просто чувствовала, а переживала настоящий ужас от происходящего. Однажды, когда на

зиму забивали лошадь, она, сидя дома у телевизора, потеряла сознание. Случайно заглянувшая в комнату Гульбаршин обнаружила лежавшую в беспомощности на полу дочку, прижала к себе и заметила на её голове капельки крови. Под густыми волосами дочери она нащупала четыре точечные ранки – три рядом и одну ниже – как будто когти хищной птицы вонзились в кожу на голове и оставили след. Мольдир потом ничего не могла вспомнить и объяснить, откуда взялись эти раны. Вот поэтому в предстоящую пятницу, когда утром Алимжан будет резать барашка для вечернего застолья, Мольдир и отправят к бабушке и дедушке, живущим на другом конце села.

- Я долго думал и понял, что случилось со мной под карагачом, - сказал Алимжан, когда они остались наедине. Видно было, что он настроился на серьезный разговор. Укутай полез в карман за спичками, но хозяин протянул ему дорогую зажигалку Зиппо. Круто. Вроде бы не подделка, штамп, серийный номер, всё на месте. Пламя ровное, защищено от ветра. К ней бы «Мальборо», а не эти «Казахстанские».

– Дарю. Бери, я для тебя её берёг. Ну, так вот. Я знаю, что и вы с Буркутом были там. Его заикание передалось тебе, об этом даже бабка Батима говорила, и я ей верю. Моя болезнь перешла к Советхану, так? Подожди, я договорю. Сила карагача пропала, ушла куда-то. Последний год, когда мы ковырялись в земле полигона, я искал место, где эта сила могла появиться снова. Это место должно быть где-то здесь. Про ангар, где погибло много народу, ты тоже, наверное, слышал. Я думаю, сила ушла туда, а потом перешла в другое место. Она гуляет по полигону. Вот, посмотри.

Алимжан закатал рукав рубашки и показал тонкие белые шрамы от надрезов на тыльной стороне предплечья.

- А как ещё я мог узнать, где эта сила проявит себя? Надрезал руку и стоял с ребятами там, где я чувствовал что-нибудь необычное. Но пока боль никому не передалась. В бригаде уже тихонько посмеиваются надо мной, как над Нуриком.

- Алеке, так ты ничего не найдешь, только руку потеряешь от гангрены. И зачем тебе эта сила?

- Мольдир, - коротко ответил Алимжан, и в его глазах сверкнули слёзы.

«И этот туда же, - с тоской подумал Укутай. - Буркут тоже хотел принять в себя болезнь матери, а нашёл свою смерть. И, между прочим, этим излечил её от беспомощности. Но как смерть Алимжана поможет прозреть его ослепшей дочери? Нет-нет, лучше пусть тешит себя надеждой и ищет мифический круг Икс». Он вспомнил о листочках с математическими расчётами, спрятанных им в доме сестры Амины. Гуманитарию Укутаю рукописные формулы и цифры ни о чем не говорили. Роковые странички напоминали только о нелепой смерти его друга и о тайном чувстве вины за его гибель. Он подсознательно старался не думать о них и в конце концов забыл о существовании записок неизвестного математика. С тревожным чувством Укутай вдруг вспомнил странный навязчивый сон о полях и единицах, снова приснившийся прошлой ночью. Он, конечно, уже думал о том, что цифры могли означать координаты некой точки. И, возможно, это были координаты искомого круга X. Но Укутай даже при желании не смог бы вспомнить приснившуюся последовательность цифр, настолько она была длинной и бессмысленной для него. «Но почему этот сон повторился именно здесь, вблизи

полигона, где блуждают круги Икс? - неожиданно подумал он. – Это знак?» И тут же его трезвый рассудок устыдился примитивности этой мысли, которая явно отдавала дешёвым драматизмом. Знак свыше, надо же. Не хватает еще сонника из дамского издания. Хорошо, что Буркут не слышит.

- Укужан, поедешь со мной? – с надеждой в голосе спросил его Алимжан. – Есть у меня на примете одно место. Там я видел кости волков и лошадей, они лежат рядом, понимаешь, о чем я?

- Ладно, поедем, - легко согласился Укутай, не удивляясь своему внезапному решению. Странный сон, не потерявший своей притягательной силы и после атаки скептического ума, звал его куда-то к неизвестной точке, где воронка засасывала пространство в черную дыру.

- Укутай ага, если вы никак не можете решить трудную задачу, то надо долго смотреть на себя в зеркало и ждать ответа, - серьезным тоном посоветовала Мольдир, сидя за столом напротив гостя. Она уже полчаса развлекала его детской болтовней. – А если тот, в зеркале, не поможет, то... получите двойку. По алгебре.

- Почему ты думаешь, что я решаю какую-то задачу?

- Я вижу.

Непонятно было, как вести себя с этим странным ребенком. Девочка явно ждёт, какую глупость он сморозит в ответ на её провокацию. Вон как наострила ушки и прячет хитрую улыбку. «Я вижу», сказала маленькая слепая девочка, и все разрыдались от жалости к ней. Не дождетесь, ханшайым¹, (*Принцесса*.) мы будем говорить без сантиментов и на равных.

- Но твои глаза ничего не видят. Что ты там увидела?

- Не надо вам ехать на полигон. Не поедете, да? Скажите «да».

- Нет.

Мольдир встала, быстро провела прохладными пальчиками по лицу Укутая, как это делают слепые, знакомясь с человеком. Потом опять села на стул и замерла, слепо глядя влажными глазами оленёнка в пространство перед собой. Она словно к чему-то прислушивалась.

- Нет, нет, да, да, нет, да, нет, да... - Мольдир монотонно повторяла эти два слова, как будто читала их по бумажке. – Нет, нет, да, да, нет, нет, нет, нет, нет, нет, да, нет, да, да, да...

Разговор перестал казаться забавным и интригующим. Девочка была явно не в себе.

- Эй, эй, смотри сюда, проснись!

Укутай хлопнул ладонью по её щеке. Мольдир замолчала, но по еле заметному шевелению губ и отрешенному выражению лица было видно, что она продолжает повторять эти «да» и «нет» про себя. Наконец она остановилась. Ноздри её затрепетали, глаза налились слезами, и девочка заплакала. Она плакала как взрослая – молча и сосредоточенно, словно причиной её слез была какая-то давняя душевная боль. Нет, это совершенно невозможный ребёнок. Даже представить страшно, как она страдает, когда рядом режут скотину. Честно говоря, Укутай устал от странностей этой девочки, вызывавших в нём чувство беспокойства и тревоги.

Мольдир уже успокоилась, вытерла слезы, глубоко вздохнула и улыбнулась.

- Испугались, да?

- Сама ты испугалась. Что ты заладила как попугай: да, нет - нет, да?

- А хотите, скажу, чего вы испугались?

- Что ты сумасшедшая?

- Сам ты сумасшедший, - передразнила она Укутая, как-то очень легко перейдя на «ты». – Ты испугался, что я вижу твои сны.

Мольдир резво вскочила со стула, с детским злорадством показала ему язык и убежала, стрекоза. Маленькая стрекоза, летящая на огонь.

«Нет, да, нет – это 0, 1, 0 и далее в той же последовательности, что и цифры двоичного кода из моего сна, - сложилось в голове Укутая. – Как просто. Мне надо было поверить в это сразу, а не отмахиваться от догадки. Она действительно видела мой сон. Прямо сейчас, сидя передо мной. И девчонка права: я испугался. Но не её колдовства». Кровь отхлынула от лица и прилила к сердцу, как в минуту смертельной опасности. Это глухое бормотание духов голосом слепой девочки пугало и в то же время вызывало гнев. Кто бы там, в темноте, ни мучил девочку, он обращался к нему, Укутаю. Может быть, это было приглашением к выходу. С вещами. Там его ждёт чёрная воронка, их с Буркутом воображаемый, а может быть, и реальный круг Х. Но нет у него сейчас ни времени, ни возможности каким-то образом восстановить последовательность цифр двоичного кода, расшифровать сообщение, возможно, содержащее координаты воронки. Даже если Мольдир правильно запомнила ряд бессмысленных для неё «нет» и «да», в Кенгирбае и его окрестностях не найти ни одного компьютера или человека, знающего азы информатики. Но Укутай уже понял, что и без усилий с его стороны судьба приведет его завтра к месту, где он, может быть, узнает что-то важное о себе, смерти Буркута, о странной слепой девочке и таинственном круге. Или просто, как в детстве под карагачом, увидит захватывающие сны в полете наяву, и к чёрту все эти тайны, которые, может быть, и не тайны вовсе, а пустые фантазии возбужденного ума.

Но что за бушующее пламя, к которому летела стрекоза с прозрачными шелестящими крыльями, привиделось ему, когда пальцы Мольдир коснулись его лица?

Глава 12.

Утром 16 апреля Алимжан завел свой старый дребезжащий, но резвый грузовик ЗИЛ-130, который он с боем взял при приватизации совхоза, и они с Укутаем поехали по накатанной дороге на север от Кенгирбая. С восходом яркого весеннего солнца температура воздуха стала быстро подниматься от нулевой отметки, и к одиннадцати часам утра достигла десяти градусов тепла. Снег на территории полигона и на десятки километров вокруг него сошёл очень рано, и земля уже подсохла. Здесь бывали зимы, когда земля оставалась голой весь холодный сезон, тогда как вне огромного черного бесснежного пятна, занимавшего весь полигон и прилегающие территории, степь и горы были укрыты белым одеялом. Эту температурную аномалию лет через семь заметят на снимках из космоса и начнут её изучать. А пока о ней знали только местные жители и персонал полигона.

Грузовик бодро катил по грунтовке, и через час с небольшим уже поворачивал на запад, на построенную военными асфальтированную дорогу, протянувшуюся от Атомколя почти до Опытного поля. Там она упиралась в перпендикулярную ей трассу, соединяющую площадку «Г» на Дегелене с городом атомщиков Курчатовым. Проехав по асфальту километров семнадцать, Алимжан остановил машину. Он вытащил из сумки закуску, завернутую в газету «Семей таны», бутылку китайской водки и разлил её в два гранёных стаканчика. Укутай отказался от вонючего пойла, а Алимжан выпил даже не поморщившись. Его бригада на работе всегда употребляла алкоголь, считая спиртное лекарством, защищающим от радиации. Ребята были наслышаны о храбрых бульдозеристах, работавших на четвертом, разрушенном энергоблоке Чернобыльской атомной станции и оставшихся в живых только благодаря водке. Кроме того, алкоголь делал сталкеров Семипалатинского полигона смелыми и решительными, а без этих качеств в их работе никак не обойтись.

- Зря ты не дождался меня вчера, - сказал раздумавшийся от выпитого Алимжан. – Ребята на Дегелене подстрелили молодого архара, по весне, конечно, немного худого, но мясо было нежным, пальчики оближешь. А что за фокус опять выкинула моя дочка? Ты не обижайся на неё, она дразнится, может дерзостей наговорить взрослым, но очень добрая и хорошая девочка. И особенная. Слепая, а видит людей насквозь. Ей бы советником президента работать, или отделом кадров у него...

Алимжан завел машину, и они поехали дальше, высматривая удобный съезд с дорожного полотна, с двух сторон которого тянулись лужи в кювете. Низко над асфальтом навстречу ЗИЛу летела серая птица с охряными и коричневыми пятнами на крыльях и брюхе. Укутай видел ярко-желтые большие глаза с черными зрачками, глядящие прямо на него, заостренные перья ушей, торчащих из головы немного в стороны. Крупный филин стремительно приближался к ним, не думая сворачивать в сторону, как самолёт, идущий на таран. Алимжан резко затормозил, завизжали старые тормозные колодки и машину затрясло. Филин, едва не ударившись о лобовое стекло, взмыл вверх и исчез. Размах крыльев сумасшедшей птицы был не меньше человеческого роста, она на миг полностью закрыла собой весь обзор из кабины.

- У нас на полигоне все долбанутые, даже птицы, - отдышавшись после испуга, рассмеялся Алимжан. – От радиации, наверное. Смотри, наш филин возвращается.

Ушастый хищник бесшумно летел к ним, но уже не спереди, а с правой стороны. Он на скорости приблизился к машине, сделал какой-то акробатический переворот и, развернувшись, медленно полетел на север от дороги, вдоль едва заметной в пожухлой траве старой колеи.

- Едем за ним, - неожиданно скомандовал Укутай.

- Бауырым¹, (*Младший брат.*) нам надо на юг. Я хорошо знаю эти места...

- Надо за ним. Он зовет нас.

Алимжан посмотрел на взволнованного, даже злого Укутая, потом на филина, который сидел на земле метрах в двухстах от дороги и смотрел на них янтарными глазами.

- Ененды с...н!² (*Е... твою тещу!*) - ахнул он от догадки и восторга. – Веди нас, проводник мёртвых! Но только не в ад! Вперед, курица, тушканчик шубартауский!

Машина взревела и ринулась в кювет, на скорости проскочив лужу. Филин вёл их за собой на север, в степь, где на десятки километров вокруг не было ни строений, ни каких-либо ещё приметных объектов. «Гугук-ку!» ухал он и взлетал с земли, бесшумно скользя над едва заметной проселочной дорогой, снова садился и ждал машину, в общем, вел себя как собака, зовущая хозяина за собой туда, где она нашла что-то нужное ему. Километра через четыре или пять птица внезапно взмыла в небо и исчезла, трижды ухнув на прощание: «гугук-ку!». Машина остановилась недалеко от большой, двадцатиметровой в поперечнике, довольно глубокой воронки, заросшей по краям и на дне пыльной сорной травой.

Укутай и Алимжан осторожно вышли из машины и остановились, прислушиваясь к звукам вокруг и, особенно, к ощущениям внутри себя. Ничего особенного они не почувствовали. До воронки было метров сто. Искатели чудесного, как им представлялось всегда, а теперь вдруг показавшегося жутковатым места медленно двинулись в сторону круглой ямы, образовавшейся после подземного ядерного взрыва. Вдруг Укутай ощутил легкое головокружение, и сердце его гулко стукнуло – вот оно! Он почувствовал близкое присутствие другого сердца, которое тоже забилось сильнее и тревожней.

К тревоге добавилось чувство лёгкой эйфории – это алкоголь в крови Алимжана отозвался в мозгу Укутая блокадой части нейронов, ослаблением контроля разума над эмоциями. Он оглянулся и увидел горящие глаза напарника, охваченного ликованием. Возбуждение передавалось от одного искателя к другому, заглушая опасения и трезвые мысли относительно нежелательной передачи болезней и нарушений в организме напарнику и обратно. Алимжан вынул из кармана свой острый ножик, закатал левый рукав и вопросительно посмотрел на Укутая. Он хотел знать точно, что они нашли искомое место. Они оба хотели этого. Но Укутай, испорченный наукой и городской гигиеной, настоял, чтобы напарник сходил к машине за водкой, промыл ею лезвие ножа и протёр кожу. Алимжан подавил в себе раздражение, вызванное очевидной глупостью и мнительностью студента, и пошел за бутылкой. Как-то само собой получилось, что с момента появления в их компании буйного филина-проводника главным стал Укутай. Возвращаясь в круг, Алимжан положил на землю тяжёлый камень: здесь сила волшебного места заканчивается, заявил он очень уверенно. В доказательство этого надрезал свою руку, стоя за камнем – и Укутай ничего не почувствовал. Но как только напарник пересёк границу круга X, боль пронзила предплечье Уки, на коже появилось рассечение и выступила кровь.

Осторожно, стараясь контролировать свои чувства, чтобы ненароком не спровоцировать друг у друга всплеск активности гормональной и нервной систем, два искателя с одинаковыми ранами на руках обошли весь пятнадцатиметровый в диаметре круг, отметив его границы камнями и комьями земли. Центр круга Икс находился на расстоянии около пятидесяти метров от края кратера. Взмокшие от напряжения и боли, они, наконец, сели в машину передохнуть. Алимжан по сталкерской привычке опять приложился к бутылке, но его напарника это уже не волновало – они сейчас вне круга. Да и сам отец Мольдир, несмотря на выпитое, был как никогда собран и решителен.

- Не позже чем через три часа я вернусь сюда с дочкой, - сказал он. – Жди меня, никуда не уходи. Вот тебе вода, хлеб, яйца, с голоду не помрёшь. Я оставлю нож и лом, отошьёшься от волков, если что.

«Да уж, против лома нет приема, – подумал Укутай. – Агрессия хищника убьёт нас обоих на месте, если окажемся в круге, а лом только ускорит конец, проткнув волка и меня одновременно».

- Бауырым, мы нашли это место! – не мог унять свой восторг его напарник. - Скажи, братишка!

Он обнял Укутая и прижался лбом ко лбу. Алимжан никак не мог поверить в чудо. С мечтой о волшебном месте, об исцелении дочки можно было прожить всю жизнь и умереть с верой в нее. Но вот она сбылась, и стало страшно. Если это место действительно может исцелить Мольдир, то он использует шанс на все сто. О том, что, приняв болезнь дочери, он ослепнет и станет беспомощным, неспособным прокормить семью, Алимжан не думал. Тауекель! Что будет, то будет.

Алимжан умчался на своем ЗИЛе, и Укутай остался один. Он долго искал в карманах спички, нашел в коробке последнюю и закурил. Было тихо, ни ветерка, спичка догорела ровным пламенем. Он медленно обошёл весь круг и пересёк его границу. Ничего не изменилось ни внутри тела, ни вокруг. Очевидно, нужен был второй в круге, чтобы началось взаимодействие, как это было в детстве под карагачом. Придется дожидаться Алимжана с его принцессой-стрекозой.

«Как давно я не был один. Какая тишина. И никого на десятки километров вокруг... - Укутай подставил лицо теплому солнцу и закрыл глаза. – Никто на меня не смотрит, только небо. Интересно, почему невозможно представить себя абсолютно одиноким, как будто никого на свете нет? Вечное синее небо – мой дом с деревом во дворе...».

В небе послышался далекий клёкот орлов. Укутай долго всматривался в синеву и наконец увидел двух беркутов, сцепившихся когтями и кружащихся в высоте, как вальсирующая пара. Точнее, как пара фигуристов, которые уперлись коньками в лед и, взявшись за руки и откинув головы назад, самозабвенно кружатся под светом прожекторов. Это был тот самый беркут, который в детстве кружил над Дегеленом и закончил свою короткую семилетнюю жизнь в последней схватке с волком. Сейчас пятилетний беркут-музбалак переживал счастливую пору первой и единственной любви. Его подруга-ровесница отличалась спокойным характером и аристократической осанкой. Музбалаку потребовалось много времени и настойчивости, чтобы она, наконец, подпустила его к себе. От неё исходил едва уловимый свежий запах арчи, ползучего можжевельника с вершин скалистых гор. Он ощутил его, когда впервые прикоснулся клювом к голове молодой орлицы и увидел, как она вздрогнула от вторжения в её жизнь чужого, но столь притягательного существа, и как тревожно расширились зрачки больших золотисто-коричневых глаз, похожих на мамыны.

Музбалак напрягал сильные мышцы длинных ног, крепко сжав когтистые пальцы подруги, и, притягивая к себе то одну, то другую лапу орлицы, регулировал направление вращения в горизонтальной и вертикальной плоскости поочередно. Взмахами крыльев и движениями хвоста он то ускорял, то замедлял вращение или делал перевороты. В самозабвенном танце пара беркутов демонстрировала небу и его обитателям сложнейшие па. Как опытный танцор, музбалак при каждом обороте на секунду фиксировал взгляд на одной и той же точке на земле, чтобы не закужилась голова, и полностью контролировал свой танец в долгом падении.

Укутай, задрав голову, следил за парой беркутов, его руки и тело непроизвольно вздрагивали, обозначая движения и «про себя» повторяя маневры музбалака. Ему особенно понравилось вращение в вертикальной плоскости с переходом в спиральные обороты, когда ветер свистел в ушах и забивал рот и нос, не давая дышать, а пространство превращалось в бешено крутящийся кокон. В сотне метров от земли, или в секундах от столкновения с ней, орлы расцепили пальцы и разлетелись в разные стороны. Падая вниз, Укутай едва не задел крылом человека, стоявшего на земле, и очнулся от наваждения. Беркуты куда-то пропали.

Что-то изменилось в нём и вокруг него. Да, появилась уверенность, что он может смотреть на окружающее с любой точки зрения. Вот он снова смотрит на себя сверху и видит фигуру человека, отбрасывающую короткую тень. Кстати, оказалось, что сверху можно увидеть то, чего не разглядишь, находясь на земле. В пожухлом травяном покрове выделялись два четких кольца вокруг воронки: одно окружало кратер, отступив от его краев метров двадцать, второе было больше и отступало от внутреннего кольца метров на тридцать. На полуметровой ширины линии колец трава росла гуще и была выше. Лет через десять ученые замерят температуру грунта вокруг скважины и обнаружат эти кольца аномально теплой почвы, на которой снег таял даже в середине зимы. Но ведь не ради этих любопытных геофизических подробностей звал сюда Укутая навязчивый сон. Кто и зачем его пригласил на выход с вещами? Какое кино ему покажут? И где заботливый дедушка Буркута, загадочный любитель эффектных световых шоу в небе?

Нет, похоже, кина не будет. «Надо долго смотреть на себя в зеркало и ждать ответа», вспомнил Укутай совет болтливой школьницы Мольдир. Он сделал два шага вперёд, развернулся и стал смотреть на себя, стоящего перед ним. Все-таки это было не совсем зеркало. Он видел себя перед собой, но Укутая-второго, смотрящего на Укутая-первого, не было. Была точка зрения, с которой он глядел на живого, реального себя, но его самого, видимого глазу, в этой точке не было. Не было? Но этот невидимый, тем не менее, смотрел оттуда и видел, как Укутай-первый пристально всматривается в пустое место перед собой, морщит лоб, потирает подбородок, размышляя о чём-то. Нет, это не зеркало, потому что он, невидимый второй, вполне реально ощущает своё тело, лицо и знает, что он стоит, скрестив руки на груди и глядя мимо первого на горизонт, и ничего там у себя не морщит и не потирает. И удивительным образом первый видел невидимого второго. Еще более удивительным было то, что оба они не разговаривали друг с другом, как будто не нуждались в словах. В этом был определённый смысл: слова закабаляют мысль, в них слишком много значений, требующих одинакового для обоих партнёров понимания. Уточнение смысла слов убивает живой контакт освобождённых умов, и вместо общения получается обмен текстами. Но при бессловесном общении они не читали мыслей друг друга – это невозможно в принципе - и существовали вполне автономно. Если они правильно понимали суть игры, то она заключалась в том, что оба угадывали ход мыслей визави по мимике, жестам, взгляду. Вернее, они ничего не угадывали, просто направление и последовательность мыслей у двойников совпадали полностью...

Именно направление, а не сами мысли. Первый оказался хитрее второго и раньше догадался провести простой эксперимент. Он вышел за границу круга, и второй исчез. Первый вернулся в круг, и второй появился снова. Вот и разгадка – второй

вторичен, это фантом. Но фантом ощущает себя абсолютно реальным существом, находящимся в центре мироздания, в изначальной точке зрения. Первично именно это ощущение, а не наличие или отсутствие тела. Истинно реален только тот, кто смотрит из себя вовне. То, что он видит, существует только благодаря тому, что он смотрит на это. Так что Укутай-второй более реален, чем Укутай-первый, когда второй смотрит на первого. И всё обстоит с точностью до наоборот, когда первый смотрит на второго.

Это занятно, похоже на интересную логическую игру, но на самом деле головоломка логическому решению не поддается. Упрямое хождение по замкнутому кругу, неумение признать свое поражение свидетельствовали не об интеллектуальной честности, а о трусости рассудка. И, в конце концов, он пришел сюда не задачи по алгебре решать. Не ссы, Ука, нам ли бояться чёрных дыр? Где эта воронка, засасывающая пространство?

По земле прошла дрожь, и в воздухе запахло серой. Твою мать, как же они загадили мне мозги своими дьяволами, грешниками, преисподней и прочими декорациями кукольного театра, что на запах сероводорода из памяти сразу выскакивают черти, а не спасатели из войск химзащиты, например. Определённо из Укутая тоже мог бы выйти хороший охотник на химер, но сейчас его атеистический задор был не ко времени, потому что на пятисотметровой глубине под ногами творилось что-то неладное. Он ощутил колоссальное напряжение в подземных пластах, которые сейчас еле выдерживали мощное давление подземных газов, распирающих стенки полости, созданной ядерным взрывом. В течение четырнадцати с половиной лет, прошедших после подрыва заряда в скважине Глубокая, газы поступали из глубинных трещин в земной коре и из угольных пластов, тлеющих прямо под полостью. Ионизирующее излучение радиоактивных веществ, медленное деление ядер тяжёлых элементов, оставшихся на месте взрыва, нагревали газовую смесь ещё больше и делали ее крайне взрывоопасной.

Услышав пугающий сигнал из недр, Укутай отвлёкся от мыслей о природе сознания, больше уместных в спокойной обстановке, и сосредоточился на мысли о природе грозящей опасности. Спасибо, чудо-девочка, за совет, посмотрим в зеркало ещё раз. Детская игра в «кто кого пересмотрит», которой он забавлялся минуту назад, преподала Укутаю первый урок: тот, который в зеркале, существует, как бы это ни противоречило логике, независимо от него. Именно поэтому надо отнестись к нему со всей серьёзностью. Может быть, он даст ответ, которого я не знаю.

Первый был встревожен чем-то и изобразил на лице напряжённое размышление. Затем радостно улыбнулся, жестом позвал второго к себе, и тут же резко выставил вперёд раскрытую ладонь, как бы останавливая его, и отрицательно покачал головой. «Иди сюда, стой там» - так издевались под смешки своих дружков аягузские бакланы над испуганными аульскими ребятами. Мысли двойников текли параллельно, легко пересекались, и второй понимал, что это он разыгрывает пантомиму перед самим собой, поэтому разгадывать тут было нечего. «Это не приглашение», означала пантомима в зеркале. Да, это очевидно. Но что же тогда? Ну, конечно! Предупреждение – вот чем были эти странные сны и бормотание духов, которые Укутай принял за приглашение к чудесному, как в детстве, полету. Они предупреждали об опасности, поджидающей его здесь, у старой и, казалось, безопасной, как стреляная гильза, скважины.

Первый согласно кивнул, и второй, непроизвольно вдохнув воздух, как перед погружением, ушел под землю. Двдцатиметровый в диаметре столб обрушения грунта, случившегося во время ядерного взрыва, представлял собой хаотичную смесь обломков твердых пород, сырого песка, глины, кусков железобетона, металлических труб, обрывков кабеля и заканчивался на глубине пятисот метров, где его подпирали своды полых сфер, накачанной до отказа горячей газовой смесью. Случайная искорка от трения твердых пород при сдвигах пластов или достижение критического уровня давления и температуры газов могли привести к взрыву. О мощности взрыва можно было только гадать, потому что газом были заполнены не только полость, но и все каверны, трещины, поры в грунте на площади примерно в квадратный километр. Второй услышал стук своего сердца, отсчитывающего последние секунды его жизни. Желание немедленно бежать от смерти было столь сильным, что он тут же выскочил на поверхность и слился с первым, как будто его тело могло быть надежным убежищем.

Укутай стоял в круге Х и прислушивался к звукам, которыми была наполнена тишина в безмолвной степи. В небе исполнял сольную партию весенний жаворонок-бозторгай, собственно, он один и наполнял тишину своей умиротворяющей музыкой. Как узнать, жив ли ты? Надо стоять под синим небом в весенней степи и слушать бозторгая. Если слышишь его журчание в небе, значит, живой. Живой, пока земля под ногами не взорвалась и не порвала в клочья твоё тело. Вторым, побывавший в подземной полости и вернувшийся к нему, отчётливо слышал тиканье таймера, отсчитывающего время до взрыва. Мёртвый часовой механизм, щёлкающий в унисон со стуком его сердца, приближал роковое мгновение, но был слепым и не знал, когда оно наступит. Природа не снабдила его электронным табло, показывающим минуты и секунды, как в кино. Укутай мог полагаться только на своё сердце, в надежде, что оно хотя бы учащением пульса предупредит о приближении последней секунды. «Я не уйду отсюда, пока не разберусь с вами со всеми», - угрюмо думал он, стоя в центре круга.

В короткие промежутки между трелями бозторгая Укутай слышал далёкий шум мотора. Это могла быть только машина Алимжана. Пока он тут колдовал в круге Х, оказывается, прошло четыре часа, и тень его переместилась на северо-восток.

Глава 13.

«Ну, что мне делать с этой пери кыз? – ворчал про себя Алимжан, нажимая на педаль газа. – Не выдержит мой бедный ЗИЛ, развалится на части». Машина съехала с асфальта и помчалась по заросшей травой колее старой проселочной дороги. Мольдир всю дорогу вертелась на сиденье, поторапливая отца:

- Папа, мы опоздаем, давай быстрее!

- Куда мы опаздываем? Его волки съедят, что ли?

Дочь не отвечала, а только кусала губы и смотрела слепыми, полными слёз глазами на дорогу. «Это не каприз, - думал Алимжан, внимательно следя за колеёй, на которой часто встречались норы сусликов и вымоины от талой воды. – Она видит то, что недоступно нашему зрению. Дочь моя – корипкель¹. (Ясновидящая.) Танирим алла² подарил ей эту способность. Но лучше бы он вернул ей зрение. Если ему некогда, мы сами попробуем».

Километра за два до цели машина вдруг заглохла. Алимжан торопливо вышел из кабины и открыл капот. Мольдир выскочила следом и потянула отца за рукав:

- Папа, поехали!

- Подожди, я разберусь с мотором. Сядь в машину!

- Заводи, поехали! Я исправила.

Алимжан сразу поверил ей – то ли день был такой, что становилось возможным всё, то ли маленькая корипкель уже командовала в его голове. Машина завелась с пол-оборота.

- Папа, он не хочет уходить оттуда, он умрёт! - Мольдир сказала это с таким отчаянием в голосе, что даже бывавшему во всяких переделках, битому жизнью Алимжану стало страшно. «Ничего, бывало и страшней, - храбрился он. – Что бы там ни ждало нас, мы поедem и разберёмся. Вы думаете, что можете сделать мою дочь несчастной, и вам это сойдёт с рук?» Алимжан с такой силой сжал баранку руля, что побелели костяшки пальцев. Людям свойственно бороться со страхом, замещая его яростью, направленной на врага, иногда воображаемого.

Укутай по-прежнему стоял в центре круга X, лицом к воронке и спиной к приближающейся машине. Не глядя назад, он видел за лобовым стеклом ЗИЛа лицо Мольдир. Сейчас девочка охвачена отчаянием, и в её слепых глазах читается покорное ожидание последней секунды. Машина через двести метров должна доехать до круга точно в то мгновение, когда под землёй давление и температура газа достигнут критической отметки, и тысячи кубометров сжатого газа взорвутся, и пламя вырвется на поверхность и сожжёт его и старый ЗИЛ с Алимжаном и Мольдир, стрекозой, летящей на огонь. Так легли карты, так всё сошлось в этой точке с координатами 50.026678_N_78.995627_E. Это подтвердило и сердце Укутая, до последнего момента бившееся спокойно, как во время сна. Живой таймер начал отсчет последних десяти секунд сильными до боли, размеренными сокращениями миокарда, готового разорваться на счете 0. Почему именно десять секунд, а не тридцать? Доверься сердцу, которое знает, что больше десяти ударов ему не выдержать.

...Буркут из давнего спора о природе галлюцинаций сочувственно улыбнулся: «Один попробовал остановить поезд усилием воли и силой веры, встав на его пути. Не получилось. Представь, что ты лишился тела, но обладаешь сознанием и волей. Ты в рубке капитана подводной лодки, перед тобой на панели рычаги, кнопки, переключатели. Полный вперед, капитан!» Воображение – вещь сильная. Укутай вспомнил, как однажды ночью его мысль беспомощно билась об эту панель, пытаясь понять, каким образом сознание, не имеющее абсолютно никаких физических свойств, очевидным образом воздействует на физическое тело. Я поднял руку не потому, что это понабилось моему телу, а просто так, по прихоти мысли. Но так ли это в действительности? Загадка не имеет разгадки. Можно лишь уклониться от решения проблемы, допустив, что мысли не продуцируют поведение, а сопровождают поведенческие акты, создавая иллюзию существования сознания и свободы воли. И в этом месте надо запретить себе думать дальше, иначе продолжится бег в колесе. Но лучше бег в колесе, чем самоубийство мысли. Я должен взорвать адскую смесь до того, как машина подъедет к кругу. Поражение со счетом 0:1 лучше, чем 0:3. Остановить таймер, проткнув ножичком Алимжана своё сердце? Нет, бесполезно, в таймере нет взрывателя, тикает он или нет – всё

равно рванёт... Если я не могу прикоснуться к панели управления в рубке подводной лодки и нажать на кнопку «пуск», то я должен стать самой субмариной. Стать землёй, чьи полости и трещины заполнены газом, стать камешком, который высечет искру.

Сердце Укутая больно стукнуло ещё раз, отсчитав девятую секунду. Он видел машину Алимжана, замершую на границе восьмой секунды.

И снова вихрь всё тех же суетливых мыслей поднял пыль в его голове. Почему бы ему не побежать навстречу машине и не остановить её на безопасном расстоянии от скважины? Нет, нельзя доверяться случаю, ведь он может споткнуться, вывихнуть ногу, Алимжан и Мольдир побегут навстречу, прямо на огонь и тогда... И потом, нельзя выходить за пределы круга, может быть, его сила подскажет в самый последний момент, как спасти этих двоих или избежать смерти самому? Панику остановило убеждение, к которому он пришел, когда секунды назад увидел подъезжающий ЗИЛ Алимжана: что бы ты ни делал, эти двое подъедут к скважине точно в тот момент, когда через восемь секунд должен воспламениться газ. Поэтому надо взорвать его как можно раньше предначертанного мига. Других вариантов нет.

Земля в круге X вздрогнула и поплыла как тогда, под карагачом и, закручиваясь спиралью, побежала к центру окружности, помеченной камнями. Укутая неудержимо затягивало в воронку, и он стал погружаться в землю. На глубине пятьсот метров он ещё раз увидел полость с изумрудными стеклянными стенами, наполовину заваленную камнями. Здесь пряталась его смерть и выжидала момента, чтобы забрать сразу троих.

Оставалось всего восемь секунд, но Укутай по-прежнему не знал, как одним только усилием воли зажечь огонь. И он сдался. Вот он, момент истины: он оказался никому не нужным человеком, не способным не то что спасти кого-нибудь от смерти, а даже высечь малую искру. Он возомнил, что его избрали для великой цели, пригласили на большое дело. На самом деле его, как подопытную крысу, опоили каплей алкоголя и заманили в ловушку. Зачем? А ни зачем. Жди взрыва и издохни. Весь мир твоего иллюзорного сознания ограничен этой норой, и всё, что ты узнал в своей никчемной жизни, это предсмертный страх глупой мыши, попавшей в ловушку. Вот оно, истинное одиночество - здесь, на глубине пятьсот метров, в крохотной норке, где ты сейчас умрёшь бессмысленной и позорной смертью.

Алимжан увидел из кабины машины, медленно плывущей во времени, что Укутай согнулся, как будто его ударили в живот, и корчится от боли. Ему там было очень плохо, сердце разрывала боль. Оказалось, что быть убитым и быть уничтоженным – это совсем разные вещи. Сейчас он умрёт, но это не отвратит беду, которую он навлёт на Мольдир и её отца. Его уничтожили раньше, чем убили. Схватившись за сердце, Укутай нечаянно нащупал в нагрудном кармане тяжёлую зажигалку Зиппо - подарок Алимжана, о котором он совсем забыл и даже не пользовался ни разу. Он быстро вынул её, одним щелчком высек пламя и изо всех сил швырнул своё маленькое и ненадёжное зажигательное оружие в сторону воронки, до которой на глаз было метров сорок - пятьдесят.

На седьмой секунде обратного отсчёта газ, просочившийся через поры и трещины столба обрушения на поверхность, вспыхнул от язычка пламени зажигалки, чудом не погасшей в полете, и огонь мгновенно достиг полости,

распираемой давлением газовой смеси. Под землёй как будто что-то лопнуло¹, почва под ногами Укутая подпрыгнула, и над воронкой вздулся купол из выброшенного из недр земли грунта. Купол разлетелся во все стороны комьями сырой земли, глыбами камней и обломками бетона с торчащими кусками арматуры, а основная масса грунта упала обратно в образовавшуюся яму диаметром метров в шестьдесят. В середине втрое увеличившейся воронки ревело пламя горячей газовой смеси, образовав факел высотой двадцать метров.

Укутай лежал на земле, за пределами круга Х. Взрывная волна и камни, попавшие в него, отбросили тело метров на тридцать в сторону от воронки. Большой ком смёрзшейся земли раздробил тазовую и бедренную кости. Осколок бетонной глыбы попал в левую часть головы, размозжив кости лица и черепа. Левый глаз вытек, мелкие раздробленные кости черепа вонзились в мозг.

Алимжан резко затормозил, когда увидел взрыв и взметнувшееся пламя там, где стоял братишка Ука. Мелкие камни и комья застучали по крыше кабины и кузову, со звоном разбилась фара машины. Он оставил дочь в кабине и подбежал к изуродованному телу Укутая. До факела было метров семьдесят, но от его жара дымилась паром сырая земля, выброшенная взрывом. Он накинул себе на голову телогрейку и оттащил тело поближе к машине. Кто же так устроил, что взрыв случился именно сейчас? Никогда не было на полигоне взрывов на брошенных скважинах! Может быть, Ука жив ещё? Алимжан пощупал пульс на его шее. Кажется, живой. Но с такими повреждениями ему не выжить. «Бауырым, слышишь меня? Я здесь». Что делать? Он уходит. И Алимжану почудилось, что над умирающим другом взлетел серый с желтыми пятнами филин и растаял в воздухе. За рёвом пламени отец не расслышал, как к нему подошла Мольдир и присела рядом. Она нащупала руку Укутая и крепко ухватилась за неё.

С высоты факел в воронке казался язычком пламени зажигалки Зиппо, а тело Укутая и две фигурки, склонившиеся над ним, едва можно было различить в тумане, стелившемся над землёй. Та, другая воронка, невидимый для живых существ водоворот разумной силы, который снился и который минуту назад показывал ему зеркала, исчез, и еще один Кокбулак, осквернённый смертью, был запечатан стражами. Укутай их увидел – батыра Мамаю, беркута, волка и множество других героев-стражников, и был потрясён невероятными пейзажами иной реальности, красотой Древа сознания, сверхфрактала, творящего новые вселенные. Дерзкий и загадочный филин, в чьём облики он парил над незнакомыми ландшафтами, попал в родную стихию и радовался открывшимся перспективам.

Но Укутай отчего-то встревожился и стал прислушиваться к голосу, который как будто бы звал его назад. К нему подлетел беркут со страшным, пронзительным, как у его погибшего друга Буркута, взглядом, слетелись сверкающие драконы, и крылатый эскорт во главе с орлом сопровождал его до язычка пламени, мерцавшего далеко внизу. Сопровождающие драконы отнесли к нему со всем почтением, но эскорт показался Укутаю больше похожим на конвой, уж очень бесцеремонно вел себя беркут, всю дорогу торопивший всех. На прощание он сказал филину: «Выведи её на свет».

Мольдир, крепко сжимавшая руку умирающего Уки, услышала ночной звук «гугук-ку!» и увидела, что с высоты прямо на неё бесшумно планирует огромный филин.

Возвращение в изуродованное, почти мёртвое тело было похожим на столкновение с землей. Или как будто великан взял Укутая за ноги и изо всех сил, с размаху ударил его лицом о скалу. И бросил в камнедробилку, которая начала перемалывать его кости. Сознание не выдержало боли и отключилось ненадолго. Сквозь красный туман он увидел лицо Мольдир. Она двумя руками прижала его руку к своей груди и с испугом смотрела на него. Левая половина лица Укутая превратилась в красное месиво, уцелевший правый глаз открылся и, без всякого выражения, как стеклянный глаз куклы, уставился на неё. Алимжан приподнял его голову и бережно пристроил её у себя на коленях. Ука осторожно высвободил свою руку и прикоснулся к лицу Мольдир. Она вздрогнула, а Укутай плотно приложил ладонь к её глазам, крепко обхватив маленькое личико пальцами.

В глубине глазных яблок сильно кольнуло, электрические импульсы побежали по нервным волокнам, идущим к мозгу, и Мольдир увидела яркую вспышку белого света. Рука Укутая соскользнула с её лица и безжизненно упала вниз, а единственный глаз закрылся.

У девочки закружилась голова, чёрная завеса упала, и белый свет рассыпался на тысячи кусочков зеркал, отражающих синие, красные, желто-коричневые цвета. Наконец калейдоскоп перестал перемешивать кристаллы, и Мольдир вскрикнула от испуга. Она висела на страшной высоте, на круто наклонившейся плоскости земли, и могла скатиться по ней вниз вместе с папой и умирающим Укой прямо в огромное режущее пламя. Девочка вцепилась руками в отца и закрыла глаза. Тело подсказывало ей, что она надёжно сидит на ровной земле, но зрительная память говорила о страшной опасности, а режущий звук и жар от пламени подтверждали опасения растерянного ума. Укутай смеялся и дразнил её: «Сама ты испугалась!» Храбрая Мольдир открыла глаза, и накренившийся мир встал на место. Она увидела умирающего Уку, ахнула, будто только что вспомнила о нём, и торопливо схватила его руку.

Укутай был опустошен после страшного перехода границы миров и последнего усилия, которое потребовалось для исцеления девочки-стрекозы. Алимжан не смог бы помочь дочери, потому что круг исчез, и Укутая пришлось возвращаться. Странно, что на возвращении к Мольдир настаивали и стражи, особенно напористый беркут. Я вывел её на свет и теперь свободен? И что за переполох начался в потустороннем мире по поводу слепой девочки из никому не известного аула Кенгирбай?

Он почувствовал на руке тепло маленькой ладошки Мольдир и увидел сияющий свет, который осветил все тёмные уголки её сознания. На полу в комнате, где она слушала телевизор, лежала мёртвая уродливая курица с голыми перепончатыми крыльями и окровавленными когтями. Это она прилетала и терзала когтистыми лапами девочку, испытывающую ужас от убийства животных. В жуткой темноте Мольдир спасалась от неё тем, что покидала бодрствующее сознание и уходила в ещё более темную темноту, где её не было, где она теряла себя, но откуда видела всех людей сразу и с интересом наблюдала за ними. Там она увидела и Укутая, который так же, как и все, мучился, не зная, что делать с людьми, жившими в нём. Эти люди проникли в него и вросли в сердце, они любили и терзали его, и он тоже любил их и страдал от этого. Она сейчас хотела бы ему объяснить, что и он может увидеть всех людей сразу и понять, что так же живут все живые существа на Земле, отражаясь друг в друге, как в зеркалах. Но девочке-пятикласснице пока не хватало

слов, и не было опыта умирения, как у Укутая, чтобы толково объяснить ему, что она видела в действительности и что будет с ними потом.

Алимжан почувствовал, как к его лицу легко прикоснулось крыло птицы и дунул ветерок, как похолодели руки Укутая. Он проверил пульс: Ука умер.

Брат мой, ты спас нас от гибели, не подпустив к огню, и подарил моей дочке светлый мир. Ты сделал то, что должен был сделать я, её отец. Алимжан обнял мертвого Укутая. Как мне отблагодарить тебя?

- Бауырым-ау! (Брат мой!) - кричал он, обратив к небу залитое слезами лицо. - Бауырым-ау!

(35 973 слова)